

К 9
Р-944
А819777

Проф. И. С. Рыков

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

из археологических материалов

~~аб 36212.~~

аб-4026

Проф. П. С. РЫКОВ

902
Р-94

1968 R

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

аб-4026

САРАТОВСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1936

Павел Сергеевич Рыков

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

СаркрайГИЗ, Саратов, 1936

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
Предисловие	3
Глава I. Материнский род	5
Глава II. Отцовский род	36
Глава III. Мордва в Нижнем Поволжье	62
Глава IV. Скифы и сарматы на Нижней Волге	77
Глава V. Поздние кочевники VI—XII вв. в степях Нижнего Поволжья	108
Глава VI. Золотая Орда	115
Глава VII. Нижнее Поволжье в XVI—XVIII вв.	142
Литература	148

A819777

Редактор изд-ва П. Жукова

Технич. редактор Н. Дахин

Корректор В. Соколов

Сдано в производство 3/VII 1936 г. Подписано к печати 17/IX-36 г. Тираж 2200. Формат бумаги 62 × 94¹/₁₆. Печат. листов 9¹/₂. Бум. листов 4³/₄. Знаков в печат. лист. 49900. У.-а. л. 11,6. Инд. № НТ-72. Изд. № 63. Заказ № 4586.

Уполномоченный Крайлитга № А/271. Цена 3 р. 15 к. Переплет 1 р. 25 к.

Типография № 1 Саратовск. Крайместпрома.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам имеют своей целью подвести некоторые итоги тем исследованиям, которые производились, главным образом, автором, его учениками и сотрудниками в течение ряда лет — с 1921 по 1936 год, и были организованы первоначально историческим факультетом Саратовского университета. Эти очерки имеют также в виду осветить ряд вопросов по истории древнего общества, ознакомить читателя с большим археологическим материалом, который стал известен в науке, и дать некоторые сведения о далеком прошлом обширной области на юго-востоке РСФСР, в связи с соседними территориями.

Мы имеем в настоящее время довольно значительную советскую литературу по общим вопросам археологии. Можно думать, что разработка археологических тем, касающихся тех или иных отдельных областей Советского Союза, имеет также известное значение, особенно принимая во внимание постановление партии и правительства о преподавании гражданской истории в средней школе и последние постановления по поводу учебников по истории, вызвавших замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова об ошибках так называемой школы М. Н. Покровского. Несомненно, эти замечания ведут нас по пути развития исторической науки в СССР, побуждая историков изучать конкретные материалы и только на их основе строить известные выводы.

В наших очерках мы многое рассматриваем иначе, чем прежде, так как новые материалы дают нам такое право; многое мы излагаем, как мнения других исследователей-специалистов, выводы которых нам кажутся верными и к которым мы присоединяемся, не имея необходимости высказывать иную точку зрения, или не разбирая специально отдельных вопросов, например, касающихся XVI—XVIII вв., с которыми мы все же хотели ознакомить читателя.

Говоря в дальнейшем о Нижнем Поволжье, о его территории, мы усматриваем ее не в пределах недавно существовавших административных границ (Нижневолжский край), но значительно шире. Нижнее Поволжье в нашем понимании занимает область, ограничиваемую в настоящее время на севере районами по течению рек Узы и части Суры на правом берегу Волги и Б. Иргиза — на левом ее берегу, на западе и юго-западе — р. Хопром, частью Дона и Сев. Кавказом, на востоке и юго-востоке — р. Уралом и на юге — Каспийским морем и долиной р. Маныча. Следовательно, это — лесостепные и степные пространства, лежащие на юго-востоке Европейской части РСФСР. С севера на юг в центре этой территории протекает Волга, которая принимает в себя ряд рек, свя-

занных иногда своими верховьями с другими реками, впадающими в Дон, как, например, Хопер и Медведица.

Сложная речная сеть в древности имела очень важное значение для людей, расселившихся по Нижнему Поволжью. Массы курганов разбросаны по речным долинам, иные тянутся цепями и лежат группами на высотах-сыртах по водоразделам. Речные древние дюны содержат остатки древнейшей материальной культуры. На мысах, образуемых впадением одной речки в другую, или в лесах встречаются остатки городищ и селищ. Почти не представляется никакой возможности точно учесть все количество древних сооружений, памятников прошлого на Нижней Волге. Особенно велико число курганных насыпей, и группами и в одиночку рассыпанных по всей территории Нижней Волги и смежных с нею районов. Наряду с курганами, могильниками и древнейшими местами поселений (селищами, стоянками и городищами) заметны, часто еще очень отчетливо, развалины городов эпохи Золотой Орды. Из них нельзя не упомянуть о двух феодальных столицах — Старом Сарае, или Сарае Батыя (Бату), и Сарае Новом, или Сарае Беркехана. Такова, в общих чертах, изучаемая нами территория Нижней Волги и таковы главнейшие виды памятников, оставленных здесь древним человеческим обществом.

Еще несколько замечаний. Мы приводим в данной работе, в-первых, литературу, использованную нами непосредственно, и литературу, указанную другими авторами в их ссылках, которую мы считали полезным, в свою очередь, указать для читателя, желающего шире ознакомиться с тем или другим вопросом, затронутым нами или авторами, которых мы цитируем.

Во-вторых, в некоторых случаях мы даем почти исчерпывающие сведения о памятниках, подлежащих изучению, в других — приводим лишь наиболее характерные из них, вследствие обширности материалов, которые могут излишне загрузить изложение вопроса. Наконец, в-третьих, мы сопровождаем наше изложение только наиболее необходимым иллюстративным материалом, не имея возможности дать его слишком широко и рассчитывая на то, что читатель найдет многое дополнительно в приведенной нами литературе.

И, — последнее, — мы имели в виду дать общее представление о прошлом глубоко интересного в историко-археологическом отношении края на юго-востоке РСФСР.

Мы уверены, что отдельные исследования, касающиеся разных частей нашей страны, дадут в своем итоге широкую картину жизни древнего общества, в которой локальные, конкретные особенности найдут свое отражение и истолкование, а в целом наиболее полно представят длительный процесс исторического развития, который происходил на территории СССР и привел к той стадии, которая изучается уже полностью по письменным источникам, т. е. к более позднему времени, когда мы встречаем не только племменные, но уже и национальные образования.

Мы также надеемся, что наши очерки могут послужить некоторым дополнительным материалом для преподавания истории и помочь преподавателю использовать археологические памятники, столь щедро рассыпанные по Нижней Волге.

МАТЕРИНСКИЙ РОД

На территории Нижнего Поволжья мы имеем некоторые данные, указывающие на палеолит, т. е. время древнейшего существования человеческого общества, характеризуемое каменными орудиями, хорошо известными в Западной Европе и в других местах земного шара, в том числе и в СССР. Весьма интересной и актуальной задачей для археологов юго-востока РСФСР является постановка разведок в целях открытия мест палеолитических стоянок на изучаемой нами территории.

Находкой, относящейся к палеолиту, пока можно считать часть черепа человека, найденную на острове Хорошенском у с. Алексеевки, т. е.

Гарпун из мамонтовой кости, найденный на острове Хорошенском

ниже г. Хвалынска на Волге, работниками Хвалынского музея. Изученную в настоящее время эту часть черепа Г. Вейнерт⁵⁾ относит к кроманьонцу с чертами неандерталоида, т. е. ископаемому разумному человеку с признаками еще более древнего человека. Сопровождающие этот череп два найденных там же черепа, орудия в виде гарпуна из мамонтовой кости и топора из кости северного оленя и др. поделки из кремня и кости указывают на существование на Нижней Волге древних стоянок, относящихся к концу верхнего палеолита. Следует упомянуть, что еще академиком А. П. Павловым были описаны древние черепа такого же типа, найденные в Ундорах близ г. Ульяновска. В настоящее время выводы о том, что палеолитический человек жил на Нижней Волге, бесспорны, и сомневаться в возможности открытия здесь в дальнейшем остатков его культуры нет оснований. Разведки, повидимому, надо сосредоточить, главным образом, на берегах Волги, так как обследования хвалынско-вольского района кое о чем уже говорят.

Перед археологами стоит важная задача — заняться специальными обследованиями и других районов, где можно предполагать условия, благоприятствовавшие устройству становищ палеолитического человека. Эти условия один из известных специалистов по палеолиту, П. П. Ефименко, описывает следующим образом: „Почти все известные нам поселения этой поры представляют становища, расположенные на открытом воздухе, в долинах более значительных рек, под защитой береговой возвышенности, чаще всего в устьях древних логов, открывающихся в речную долину. Такое положение весьма обычно для стоянок, по крайней мере, поздне-

палеолитического времени всей восточной части Европы и Сибири; в эту эпоху поселения людей были разбросаны по берегам многоводных речных потоков, питавшихся водами отступающего ледника... Интерес представляет то обстоятельство, что стоянки Восточной Европы, как и палеолитические находки на Западе, обнаруживают определенное тяготение к местности, где имеются выходы известняка или мела¹⁾.

Из ближайших к Нижнему Поволжью местностей, где были открыты палеолитические памятники, можно назвать следующие: наиболее ранние по времени их существования памятники, как отмечает П. П. Ефименко¹⁾, находятся в районе р. Дона (Воронеж) — в Боршеве I, Костенках I, затем в Гагарине (в бывшей Тамбовской губернии). Эти памятники относятся к поздне-ориньякскому и ранне-солютрейскому времени²⁾.

К ранне-мадленскому времени относятся Костенки II и III, Александровка (Костенки IV), далее — Карачарово на р. Оке (около города Муром). К поздне-мадленскому времени относится, между прочим, Боршевская II на Дону. Находки палеолитических памятников известны также на Северном Кавказе — стоянка Ильская, находка черепа человека близ г. Пятигорска (р. Подкумок) и ряд стоянок, вновь открытых в 1935 г. С. Н. Замятинным.

Таким образом, в настоящее время мы имеем блестящие находки, сделанные в полевых работах советскими археологами в СССР, в том числе и в ближайших к Нижнему Поволжью районах. Не останавливаясь на характеристике и описаниях находок времени палеолита, рекомендуем ознакомиться подробно с материалами, типичными для палеолитических стоянок, по работам ряда ученых, напечатанным в „Трудах II международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы“, а также в книге П. П. Ефименко „Дородовое общество“ и в сборнике „Палеолит в СССР“³⁾.

Обратимся к группе таких памятников, которые уже открыты на территории Нижнего Поволжья и должны быть признаны в качестве древнейших. Они свойственны обществу эпохи, непосредственно примыкающей к концу палеолита, или, по мнению некоторых исследователей, к началу нового периода, характеризуемого развитием родового общества в его ранней форме — материнского рода.

Открытые в Нижнем Поволжье древнейшие памятники характеризуются наличием элементов азильской — поздне-палеолитической — культуры, но носят несколько иной характер. Советские археологи, занимающиеся изучением палеолитических культур, в значительной степени сумели разобраться и в этих, еще недавно неясных памятниках, встречающихся в своеобразной и неблагоприятной, в большинстве случаев, для них обстановке на обширной территории почти всей Европы. Особенно хорошо эти памятники изучены в Восточной и значительно слабее — в Западной Европе⁴⁾. За последнее время они выделены из общего комплекса палеолитических памятников и получили название эпипалеолитических, т. е. следующих по времени непосредственно за палеолитом. Ряд ученых, однако, считает их ранне-неолитическими, т. е. характерными для более позднего времени и отражающими иной быт. Произведен-

ные исследования весьма убедительно говорят против неолитического характера культуры, и, принимая во внимание серьезные наблюдения, сделанные многими исследователями, необходимо согласиться с теми, кто выделил из неолита подобные вещевые комплексы и признал их под именем эпилепалеолита.

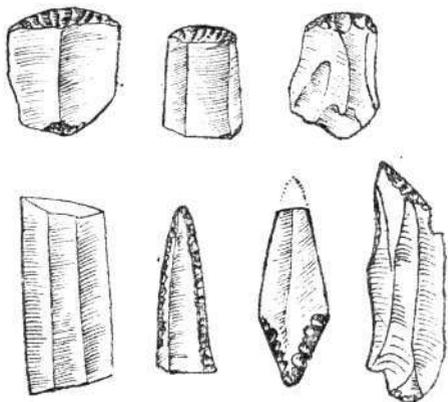
Что же представляют собой такие комплексы, особенно интересные в своей ранней форме или стадии, называемой *свидерской* по месту наиболее полно изученных находок этого характера в Польше, у местечка Свидры Вельки на р. Свидре?

Свидерская стадия характеризуется появлением и развитием мелких кремневых орудий, близких азильской стадии, появлением среди орудий лука и стрел, двинувших развитие человеческого общества по пути дальнейшего перехода к новым формам жизни. Эти орудия являются предшественниками тех, которые получили название тарденуазских, характеризующихся так называемыми микролитами, т. е. миниатюрными кремневыми орудиями геометрических форм, употреблявшимися в качестве наконечников стрел, вкладышей в костяные наконечники дротиков и копий⁸⁾.

Типичными орудиями эпилепалеолита — свидерской его стадии — считаются: кремневые наконечники стрел с отжимной ретушью на концах узких и довольно длинных пластинок, резцы, имеющие формы, близкие к верхне-палеолитическим, скребки, сделанные на концах ножевидных пластинок, и, кроме того, позже встречаются орудия геометризованных форм, что указывает на переход к тарденуазской культуре.

Комплексы орудий свидерской стадии широко распространены от Польши до Оки и Нижней Волги, встречаясь в южно-русских и калмыцких степях.

Что касается территории Нижнего Поволжья, то орудия эпилепалеолитического облика в настоящее время отмечены здесь в достаточном количестве. Ряд археологических экспедиций, организованных Саратовским краевым музеем и Саратовским институтом краеведения с целью изучения края в археологическом отношении, дали эпилепалеолитический материал в Калмыцкой АССР. Первоначально нижневолжские материалы, опубликованные суммарно в общих отчетах экспедиций, трактовались в качестве орудий, относящихся к эпохе бронзы и предположительно к неолиту^{9), 10), 11)}. Позже они опубликованы уже специально Т. М. Минаевой в 1929 г.¹²⁾ и И. В. Сеницыным в 1932 г.¹³⁾. Оба автора дают следующие сведения о кремневых орудиях, найденных в Нижнем Поволжье. Т. М. Минаева, описывая типы мелких кремневых орудий, найденных в Нижнем Поволжье, и ссылаясь на работу П. П. Ефименко¹⁴⁾, говорит о них, как микролитиче-

Набор орудий, типичный для стоянок юга Нижнего Поволжья

ских орудиях, поскольку свидерская стадия эпипалеолита была тогда еще не разработана.

„Все находки кремневых орудий, — пишет Т. М. Минаева, — за исключением немногих по р. Торгуну, были сделаны на дюнах, на развееваемой поверхности... Открыть эти кремневые поделки в нетронutom культурном слое, в обстановке, в которой они были оставлены изготовлявшим их человеком, в сопровождении других бытовых памятников, ни разу не удалось. Однако исследовательница добавляет, что „некоторые местонахождения дают более яркую картину, определенно указывая на то, что здесь располагались когда-то стоянки человека“.

Выделяя редкие отдельные орудия — наконечники стрел с плоской двухсторонней подправкой, топорик с Рассказанской стоянки на р. Хопре (ниже г. Балашова), два маленькие долота из окрестностей г. Камышина, Т. М. Минаева относит к микролитам остальные находки. Данные ею изображения этих находок подтверждают такое определение, за исключением некоторых, например, наконечника стрелы с черенком (см. рис. 10, из работы Т. М. Минаевой), ножевидных пластинок и резцов. Эти орудия следует отнести, как и ряд других, к свидерской стадии эпипалеолита.

Таким образом, мы видим, что как свидерская стадия, так и тарденуазская культура не только не чужды Нижнему Поволжью, но даже довольно широко распространены здесь. Памятники их встречаются на дюнах рек Хопра, Медведицы (села: Нестеровка, Пески, М. Князевка, Н. Добринка, Линево озеро), р. Шелкана (с. Рудня), Волги (с. Терновка, Липовка, г. Камышин, г. Сталинград, г. Энгельс, Прапорский бугор, Ст. Яблонка, Зельман, Красный Яр), р. Еруслана (с. Салтово), р. Торгуна (х. Шульц), р. Ахтубы (Болхуны, Сероглазово). Следовательно, орудия свидерской и тарденуазской культуры встречаются как на правом берегу, так и на левом берегу р. Волги, причем Т. М. Минаева отмечает, что „в лесной (на северной, правой стороне Волги) части Н. Поволжья микролиты в их характернейших формах до сего дня не найдены“. Пока можно сказать, что распространение типичных микролитов связано со степной частью Нижнего Поволжья.

Далее, Т. М. Минаева ставит ряд вопросов: о назначении микролитов, о времени их бытования и указывает на находку микролитов, сделанную В. В. Гольмстен на р. Самарке, в пределах Бузулукского уезда, когда было „установлено нахождение *in situ* в сопровождении ранней палеометаллической керамики.“ Здесь же Т. М. Минаева обращает внимание на факт нахождения „в почвенном слое микролитов вместе с керамикой бронзовой эпохи“ по р. Торгуну (в 2—3 км ниже х. Крахмал).

Указанная нами выше работа И. В. Сеницына касается более новых находок, сделанных в Калмыцкой республике нашей экспедицией в 1929 г. и затем топографом Н. А. Дашуком. Кроме того, в 1930-31 гг. в районах сел Басов, Зензели, Долбана и Яндыка И. В. Сеницыным было обследовано значительное количество новых стоянок и собран интересный кремневый материал, который получил описание в другой работе этого автора ¹⁵).

В этих работах, дающих хорошие описания материала, И. В. Сеницын, главным образом, останавливается на микролитах, выяснении

их типов и места, занимаемого ими среди других археологических памятников. Он указывает, что среди орудий микролитических типов, как скребки, ножевидные пластинки, трапецевидные и сегментовидные орудия, проколки, наконечники стрел, были найдены также и „ряд пластинок неопределенного назначения“. Во второй работе, детально описывая природу приморской части Калмыкии, И. В. Сеницын приходит к правильному выводу о том, что „основной формой хозяйства населения эпохи микролитов являлись охота и рыболовство“, так как „природная обстановка и характер расположения стоянок исключают возможность говорить о другом виде хозяйства... Во всяком случае, основная причина заселения береговых линий Беровских бугров обусловлена охотническо-рыболовческим хозяйством“.

„К числу мест поселения с микролитическими орудиями, — говорит И. В. Сеницын, — где не было обнаружено признаков более позднего заселения, относятся следующие стоянки: Басинская стоянка „Глухие пески“, Зензелинская и Белозерская“. Последнее замечание исследователя имеет важное значение; здесь следует особенно тщательно продолжать изучение местности в целях отыскания культурных слоев, почти неизвестных до настоящего времени. Здесь же И. В. Сеницын указывает на остатки стоянки (Зензели) на красновато-глинистой подошве бугра. На этой же стоянке были найдены „круглые привески из раковин, с просверленными отверстиями посередине“. Характерно упоминание автора о находках пластинок и скребков, сделанных на конце пластинок.

Давая справки из работ И. В. Сеницына, мы имеем в виду обратить внимание на весь кремневый материал в целом, выделив в то же время и такой, который можно поставить в связь и часто установить полное сходство его с материалами, приводимыми М. В. Воеводским по поводу свидерской стадии эпилепалеолита, и со следующим за ней тарденуазом. Задача исследователя расшифровать собранный им и другими археологами Нижней Волги материал, довольно богатый и яркий, после чего, без сомнения, мы получим возможность видеть и свидерскую стадию и тарденуаз в Нижнем Поволжье. Во всяком случае, дюны Нижней Волги обещают пролить необходимый свет на эту отдаленную от нас эпоху, представленную весьма древней структурой общественно-экономического строя. Эта структура существовала здесь продолжительное время даже тогда, когда в других местах Восточной Европы были уже иные памятники — неолитические, какие на нашей территории отсутствуют, за исключением одной неясной находки в самом северном пункте Нижнего Поволжья, вернее уже в Куйбышевском крае, на р. Суре, в селе Нижняя Липовка. Возможно, что в течение всей эпохи неолита в Нижнем Поволжье существовала культура „микролитов, дошедшая до эпохи бронзы, в частности захватившая ее.

Весьма интересным представляется вопрос о том, в каких условиях находят памятники эпилепалеолита. Этот вопрос имеет интерес не только чисто археологический; он разъясняет нам условия быта и хозяйства человеческого общества времени исчезновения ледниковых образований и перехода к современным. Почти все стоянки эпилепалеолита, — отмечает М. В. Воеводский, — расположены на низ-

ких песчаных дюнах, очень невелики по размерам и содержат очень мало (редко больше нескольких десятков) орудий. Самые орудия, так же, как и в верхнем палеолите, принадлежат к типическому охотничьему инвентарю". Объяснение этому характеру стоянок упомянутый автор находит в условиях последнеледниковой среды, когда исчезали крупные четвертичные животные, например, мамонт, носорог, бизон и др. В отличие от этого, в эпоху палеолита древний охотник селился на местах „где по условиям сильно пересеченной местности, с крупными берегами оврагов и рек, создавались условия, благоприятные для этой охоты“.

Палеолитические стоянки, известные нам в качестве таковых, устраивались близ пещер и под скалистыми навесами, обычно на высоких террасах по берегам рек. Правильная мысль о том, что охота на крупного зверя тогда являлась главным видом охоты, подтверждается такими стоянками, как Пшедмост в Моравии, Солютре во Франции и Супоньевская в СССР „с их громадными залежами костей мамонта, дикой лошади, северного оленя, бизона и др.“¹⁶⁾. Об этом же говорят и памятники палеолитического искусства (пещерная живопись, скульптура, резьба на кости и рога); они представлены, главным образом, изображениями крупных животных. Цитируемый автор правильно выводит отсюда утверждение, что „способы производства человека верхнего палеолита в условиях арктической среды с преимущественной охотой на крупных животных вели к сохранению больших производственных коллективов. Самое хозяйство было связано с некоторой оседлостью, повидимому, в связи с трудностью выбора мест, удобных для охоты“. Это явление, конечно, должно объясняться и другими причинами, например, необходимостью пользования большим количеством костного топлива в условиях холодного климата. Исходя из этих данных, можно прийти и к установлению причин иного размещения эппалеолитических стоянок. Открытые места, где они обычно находятся, „значительно удобнее для охоты на более мелких животных, возможно с помощью лука“.

Небольшие размеры этих стоянок объясняются существованием тогда маленьких коллективов охотников в противоположность большим коллективам палеолитического времени. М. В. Воеводский делает предположение, что человеческое общество эппалеолита вело хозяйство, близкое по типу австралийскому. Наши ниже-волжские дюны дают такие же, повидимому, маленькие стоянки, причем люди недолго держались на них, передвигаясь с места на место. Поэтому эти стоянки не дают никакого культурного слоя; последний, вероятно и в свое время очень незначительный, теперь развеян ветрами. Это обстоятельство, кстати, и объясняет своеобразные условия находок кремневых орудий вразброс, незначительными количествами и в сопровождении остатков разных предметов, вроде более поздней посуды и пр. В итоге ознакомления с эппалеолитическими орудиями и условиями их нахождения, можно прийти к заключению, что эти орудия наиболее близко характеризуют время, когда „бродяче-охотничье хозяйство“¹⁷⁾ достигло своего „крайнего этапа“, переходя далее в неолит.

Тарденуазская культура, представляемая кремневыми орудиями геометрических форм (микrolиты), широко распространенная в Ста-

ром свете, как указывает Г. А. Бонч-Осмоловский, получает это распространение вследствие того, что человек продвинулся в связи с потеплением и увлажнением климата в сухие районы, например, в калмыцкие степи. Кремневый и костяной инвентарь тарденуазской стадии, являющийся продолжением свидерской стадии эпилепалеолита,—как говорит автор,—„несет в себе все элементы, указывающие на дальнейшее развитие палеолитического бродяче-охотничьего производства, в то время как неолитические стоянки говорят уже о решительном изменении хозяйственных условий“. Г. А. Бонч-Осмоловский не соглашается с теми исследователями, которые объединяют ранний неолит с тарденуазской стадией.

Подводя теперь итоги исследованиям памятников эпилепалеолита на территории Нижнего Поволжья, мы решаемся высказать следующие соображения.

Так называемый эпилепалеолит, выраженный свидерской стадией, т. е. наиболее ранний, имел место на Нижней Волге, территория которой обладает обширными дюнами с кремневыми орудиями. Мы вполне допускаем памятники свидерской стадии, которую М. В. Воеводский ставит в „теснейшую связь“ с элементами верхнепалеолитического периода, „особенно с мадленской эпохой“. Последующая культура — тарденуазская, как мы видели, также присутствует на Нижней Волге, причем мы рассматриваем ее, как культуру, соответствующую неолитическому времени для нашей территории, поскольку памятников, характерных для неолита, на Нижней Волге мы не видим. Так, например, во всем Нижнем Поволжье не обнаружено неолитической керамики. Тарденуазская культура с микролитическими орудиями геометрических форм бытовала на нашей территории, вероятно, вплоть до эпохи бронзы и даже включаясь в нее. Этим и объясняются находки микролитов вместе с памятниками эпохи бронзы, сделанные, например, в Среднем Поволжье В. В. Гольмстен, или на р. Торгуне, упоминаемые Т. М. Минаевой.

Громадные пространства, покрытые мощными дюнами, были именно теми местами, которые благоприятствовали человеку-охотнику на мелкую дичь и рыболову, широко распространявшему свои стоянки, вероятно кратковременного характера, и поэтому не оставившие более или менее мощных культурных слоев. Пока известна только стоянка Елин Бор на р. Оке, где обнаружен, по имеющимся сведениям, культурный слой. Микролиты и кремни, находимые вместе с предметами материальной культуры эпохи бронзы, не дают пока возможности хорошо и четко различать древнейшую стадию пребывания человека на Нижней Волге, — так называемую свидерскую стадию, но все же это пребывание не подлежит теперь никакому сомнению. Остается искать лишь культурные слои, которые, можно надеяться, будут, в конце концов, найдены после упорных и систематических поисков, особенно в калмыцких степях, причем не исключены, разумеется, эти находки и в других районах южного Поволжья.

Таким образом, мы видим перед собой общественную организацию, связанную всем своим обликом с палеолитическим обществом, но не обладающую постоянными местами обитания, так как ей не приходилось готовить охотничьи предприятия,

которые давали бы большие запасы мясной пищи, получаемые от убоя крупных животных, двигавшихся по излюбленным местам.

Сравнивая эту общественную организацию с обществом австралийцев, исследователи не делают ошибки, относя таких бродячих охотников к периоду между палеолитом с его „оседлым“ бытом людей, с одной стороны, и людьми неолитической эпохи, перешедшими к настоящей оседлости — земледельцам и скотоводам — с другой. Оседлость палеолитического периода была еще условной оседлостью, временного характера. С отступлением ледника, продвигаются в его направлении крупные животные, а за ними и человек, переносящий свое жилище на иное место. Необходимо иметь в виду, что стоянки свидерской стадии и тарденуазские еще недостаточно нам известны, поскольку мы не имеем на дюнах хороших культурных слоев и достаточных материалов для полного суждения о быте людей, устраивавших эти стоянки. Здесь не уцелели орудия из рога и кости в силу пребывания этих стоянок на плато, на дюнах, неглубоко под поверхностью, что не создавало благоприятных условий для их сохранения. Следовательно, остается еще многое сделать для изучения подобных стоянок, а в Нижнем Поволжье и для их открытия, что представляется весьма важным и должно стоять перед археологами Нижней Волги в качестве одной из первоочередных задач.

Изучение хозяйственного быта человеческого общества не может происходить изолированно от изучения всей социально-экономической структуры в целом. В. И. Равдоникас правильно отметил, что „мы ничего не поймем в истории верхнепалеолитического общества, если будем игнорировать такой вопрос, как вопрос о развитом групповом браке в его зрелых формах, свойственном этому обществу“¹⁸⁾. Обращаясь к этому в связи с вопросом о древнейшем обществе на территории Нижнего Поволжья, можно установить, что, вероятно, существовала здесь пуналуальная семья, которая была „парной семьей“, выросшей из семьи пуналуа. Эта „парная семья“, вероятно, и была той формой семейно-брачных отношений, которая соответствовала обществу так называемой свидерской стадии элипалеолита и тарденуаза. Этот вывод, нам кажется, можно сделать из самого типа мелких стоянок, присущих этим стадиям, по облику своей материальной культуры отвечающим быту современных австралийцев. Последние представляют, обычно, группы в несколько десятков человек. Кремневые орудия, находимые на этих стоянках, дают право предполагать существование охоты на мелкую дичь, с помощью лука и стрел, и рыболовства, широко развитого по берегам рек и речек. Эти виды производства обусловлены трудом небольших групп людей при первобытно-коммунистической форме хозяйства, поскольку парная семья еще не в состоянии обеспечить всю работу для поддержания своей жизни. Подтверждение этому мы видим и у современных австралийцев.

Таким образом, мы стоим перед ранним родовым обществом, которое достигло своего полного развития уже в матриархальном роде, представлявшем всеобщее явление, как это установлено Бахофеном, и являвшемся характерным для эпохи неолита и частично эпохи бронзы. Делая предположения о характере семейно-

брачных отношений, возникавших в древнейшем обществе на Нижней Волге, мы в то же время не можем не отметить указание, сделанное В. И. Равдоникасом. Он считает, что пока представляется еще очень трудным полный анализ археологического материала конца палеолита, т. е. того времени, которое известно для Нижнего Поволжья в качестве свидерской стадии эпипалеолита.

Говоря о конце палеолитической эпохи, В. И. Равдоникас делает такое заключение: „Старые приемы производства (палеолитического — П. Р.) изживают себя, и, пока нет еще перехода к новым приемам, создается повсеместно наблюдающееся в это время состояние хозяйственного кризиса, в основе которого как будто бы лежит факт развития охоты в сторону индивидуализации охотничьих приемов, в то время как коммунистические отношения в обществе остаются непоколебимыми“¹⁹). Это мнение исследователя основывается на высказывании Энгельса о том, что „парная семья, сама по себе слишком слабая и слишком неустойчивая для того, чтобы вызвать потребность или только желание обзавестись собственным хозяйством, отнюдь не разрушает унаследованного от более раннего периода коммунистического домашнего хозяйства“²⁰).

Последнее указание Энгельса является важнейшим признаком парной семьи, отличающим ее от моногамной семьи. Парная семья, бывшая неразрывной частью родовой группы, теперь заменяла групповые усложнившиеся браки. Она появляется в тарденуазскую эпоху, а начальные элементы ее относились к свидерской стадии. Имея в виду указания Энгельса о том, что „непосредственно из семьи „пуналуа“, повидимому, возник в громадном большинстве случаев институт рода“, мы устанавливаем этот момент для времени эпипалеолита. Во главе таких древнейших родов стояли общие родоначальницы. Отсюда выдвигаются те парные семьи, которые и ведут древнее общество к матриархальному роду, развитие которого мы, как известно, связываем со временем развития неолита. Лучше всего было бы считать такие древнейшие парные семьи, которые свойственны древнейшему обществу на территории Нижней Волги, основанными „на подобии парного брака“, как говорит Энгельс²¹).

Как уже было сказано, для территории Нижнего Поволжья мы не знаем памятников той неолитической культуры, которая, например, хорошо известна хотя бы на Оке или Верхней Волге. Нет типичной керамики с сосудами остродонной формы и характерным гребенчатым орнаментом, совершенно не открыто ни одной стоянки неолитического типа, неизвестно ни одного жилища того времени, которое хронологически можно было бы определить в 12—10 тысяч лет, если свидерскую стадию можно отнести к 15—12 тысячам лет. Единственным намеком на остатки такой стоянки является очень маленький черепок как будто бы от неолитического сосуда, найденный в 1926 году во время нашей экспедиции на р. Узу и р. Суру — на берегу последней, около с. Нижней Липовки, бывш. Кузнецкого уезда. Но если даже там и была такая стоянка, то она скорее связана с окскими памятниками, поскольку расположена на самой северной окраине Нижнего Поволжья и уже не характерна для него.

Приходится утвердительно отметить полное отсутствие типичного неолита в Нижнем Поволжье. Следовательно, вплоть до эпохи

бронзы Нижнее Поволжье знало тарденуазскую стадию с ее микролитическими орудиями. Этим продолжительным бытованием тарденуазской культуры может быть до известной степени объяснимо и значительное количество находимых в Нижнем Поволжье микролитов, пока еще недостаточно изученных и опубликованных, равно как почти совершенно не были учтены и находки орудий, относящихся к эпипалеолиту—его свидерской стадии. Между тем, они были открыты уже сравнительно давно—около 20 лет тому назад—на левом берегу р. Волги, недалеко от г. Эниельса, на дюне, ошибочно называемой „Прапорским бугром“. Здесь они были найдены вместе с микролитами, впервые опубликованными в нашем руководстве, составленном при участии Т. М. Минаевой и Н. К. Арзютова—„Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижневолжскому краю“ (Саратов, 1928 г.). В этой книге мы писали об этих орудиях, как о ранне-неолитических.

Понятными будут также и находки микролитического облика кремневых орудий в засыпке погребений, относящихся к эпохе бронзы, открытых нами около г. Элисты, в Калмыцкой республике. Вероятно, что часть древнейших ямных погребений можно связывать с находками микролитических орудий. Основанием к этому утверждению может служить указание, сделанное Г. А. Бонч-Осмоловским по поводу погребения, открытого в Крыму, в тарденуазских слоях навеса Фатъма-Коба. Вот как он его описывает: „Покойник был похоронен в небольшой, соответствующей размерам тела ямке, в лежачем положении, на правом боку, с кистями рук над головой и сильно поджатыми ногами—ступни находились почти у самого таза... Никаких предметов, намеренно положенных вместе с покойником, в этом погребении не оказалось“²²). Отсюда следует, что необходимо вести особенно тщательные наблюдения за раскопками древнейших погребений, объединяемых пока в одну группу так называемых ямных.

Разумеется, мы не имеем права всегда утверждать, что они могут относиться обязательно к древнейшим тарденуазским, но часть их может и, пожалуй, должна принадлежать тарденуазу в его позднейшем для Нижнего Поволжья выражении, т. е. вплоть до эпохи бронзы. То же самое наблюдение, которое мы, в качестве вывода, делаем относительно тарденуазской эпохи на Нижней Волге, делает Г. А. Бонч-Осмоловский в своей, цитированной нами, работе о крымском палеолите: „пережитки же предшествующих стадий в виде палеолитических и, в частности, тарденуазских типов орудий хорошо известны в раннем неолите. Они переживают весь неолит и доходят, по имеющимся данным, до эпохи применения металлов“. Здесь исследователь говорит, как видим, только о пережитках, считая свидерскую стадию эпипалеолита поздним азилем, а тарденуаз непосредственным развитием свидерской культуры.

Итак, население, жившее на территории Нижнего Поволжья в отдаленное от нас время—после отступления последнего ледника в северной его части и значительного развития водных пространств, представляется в следующем виде. Повсюду на берегах рек, на дюнах, разбросаны небольшие стоянки с шалашами или, может быть, неглубокими землянками. На этих стоянках живут малочисленные общества людей, организованные как первобытно-комму-

нистические производственные группы, занимающиеся охотой на мелкого зверя и птиц и рыболовством. Они передвигаются с места на место, в зависимости от условий охоты и рыбной ловли. Это—древнейшие родовые образования, в которых возникающие парные семьи, вытесняющие групповой брак, тесно связаны между собой условиями коммунистического производства и распределения. Обмена между родами еще не было. Среди известных в более древние эпохи палеолита орудий производства теперь на первом месте стоит лук со стрелами, совершивший переворот в хозяйстве этих групп. Наличие лука и стрел, находки „мастерских“ для изготовления орудий (например—дюны на пути из г. Астрахани в г. Элисту—в Калмыкии) говорят о развивавшемся разделении труда. Члены такой коммуны производят новые типы и категории кремневых и, вероятно, костяных орудий (известна находка костяной пластинки с кремневыми вкладышами).

Наличие погребений говорит о первоначальных анимистических представлениях, существовавших у людей того времени, которое может быть отнесено к 15—12 тысячам лет. Жизнь этих первобытно-коммунистических групп протекает в течение весьма продолжительного времени, вплоть до появления металла. Возможно, что в самом конце существования тарденуазской культуры появляется и изготовление глиняной посуды, но пока это еще остается недоказанным, так как неолитическая керамика отмечена лишь на крайних северных границах Нижнего Поволжья. Скорее следует допустить, что именно отсюда эта посуда начинает распространяться по территории Нижней Волги и существует уже с металлическими орудиями, сама соответствующим образом видоизменяясь и становясь такой, какую мы знаем в комплексе керамики, характерной для наиболее ранних моментов эпохи бронзы. Подобная керамика встречается лишь в ямных (древних) погребениях.

Такова в целом картина жизни древнейшего населения на обширной нижеволжской территории, памятники материальной культуры которой находятся повсеместно как на севере, так и на юге этой территории, на берегах современных рек и близ северных берегов Каспийского моря.

* * *

Нижнее Поволжье богато древними памятниками разных категорий и, в первую очередь, курганами. Последние известны повсюду и лишь в меньшем количестве встречаются в наиболее северных частях, там, где и по настоящее время распространены леса, например, по течению р. Кадады. Чем дальше к югу и востоку, тем чаще и чаще встречаются курганные группы и отдельные курганы. Они разной высоты, в среднем до 1,20 м, при диаметре до 20—25 м. В большинстве случаев курганы имеют расплывчатые сегментовидные формы, но часть их, обычно меньших по размерам, обладает формами, более четко выраженными. Нередко можно видеть и крупные, массивные насыпи—от 3 до 5 м при диаметре до 50—60 и более метров. Характерным признаком почти для всех видов курганов, за исключением поздних, небольших по диаметру, является более пологий склон от вершины к югу

и более крутой спуск с северной стороны, как результат эрозии. Имея некоторый опыт, можно с большой вероятностью определить, к какой эпохе относится тот или другой курган. Чем древнее его насыпь, тем она уплощеннее, снижаясь иногда до 20—30 см в высоту при большом диаметре — в 25—30 м. Впрочем, иногда высота насыпи зависит от более поздних досыпок, когда мы находим впускные, более поздние, погребения в древних насыпях. Как правило, древнейшие курганы имеют весьма невысокие, расплывчатые насыпи, едва различаемые лишь опытным глазом.

В таких, едва заметных, курганах почти всегда бывает одно погребение, так называемое древнейшее, относящееся к ранним погребениям эпохи бронзы. Вероятно, были в то время и погребения, совершенно не имевшие заметных насыпей. Прекрасным доказательством этому может служить древний могильник, вскрытый Н. Макаренко около г. Мариуполя в 1930 г. В могилах, расположенных рядами, иногда прерывающимися, покойники лежали на спине, головами, главным образом к В., с вытянутыми конечностями. Они были снабжены весьма интересным инвентарем, состоящим из кремневых орудий, повидимому, эпипалеолитического типа или раннего неолита, каменными подвесками, костяными пластинками, ожерельями из зубов диких животных и, таким образом, явно относились к древнейшему типу погребений²³).

Обыкновенно у подошвы курганы окружены со всех сторон ровом, за исключением южной стороны, где ров всегда затянут напльвом насыпи. Это замечание не относится лишь к поздним курганам XIII и XIV вв. Курганы лежат то в низинах у воды, то на высотах, сыртах, служащих иногда водоразделами. Такое размещение курганов опять-таки объясняется временем их насыпки или, вернее, принадлежностью их к известному обществу, стоящему на определенной стадии общественно-экономической формации.

Вторая категория интересующих нас памятников представлена местами поселений (селищами). Они также широко распространены по всей Нижней Волге как по берегам рек, так и в глубине территории. Селища обнаруживаются, как известно, находками на поверхности почвы разных остатков предметов древней материальной культуры, как, напр., черепков глиняной посуды, орудий металлических, каменных и т. п. При более глубоком обследовании селищ вскрываются так называемые культурные слои, содержащие еще больше подобных предметов, иногда лучшей сохранности, а также и остатки жилищ. На юге Нижнего Поволжья, в калмыцких степях, селищ раннего времени не найдено; там, на дюнах, открыты только стоянки временного характера, не давшие пока культурных слоев. Зато в северной части его культурные слои на селищах достигают иной раз значительной мощности от 1 до 1½ метров.

Следующим видом памятников можно назвать городища. Это также места поселений, но окруженные валами и рвами, в прежние времена представлявшие укрепленные поселки в противоположность открытым селищам и стоянкам. На юге, примерно южнее г. Сталинграда, городища не встречаются. Говоря сейчас о селищах, городищах так же, как и курганах, мы имеем в виду только древнейшие из них, которые связаны с древнейшей эпохой, харак-

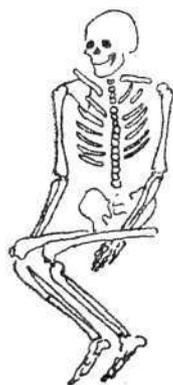
теризуемой родовым строем в его матриархальной форме. Таким образом, мы имеем в настоящий момент в качестве объектов изучения этого строя древнейшие курганы и селища, обладающие вещественными материалами, сходными с имеющимися в могилах под курганными насыпями. Они называются „ямными“ и отчасти „катакомбными“, по общеизвестной для них терминологии В. А. Городцова.

Прежде всего мы коснемся курганов, поскольку они дают наиболее точные материалы для исследования. В противоположность селищам, в курганах мы находим чистые комплексы вещей. Однако, это замечание ни в какой мере не снижает ценности селищ и не уменьшает нашего интереса к ним, как к памятникам бытовому. Значение селищ чрезвычайно велико; при правильном и глубоком их изучении исследователь получает возможность установить в достаточной степени полно экономическую формацию, свойственную обществу, оставившему селища. Особенное значение они имеют в тех случаях, когда на них удастся вскрыть остатки жилищ, форма которых сама по себе имеет научный интерес. Достаточно упомянуть хотя бы о взглядах Л. Моргана на важность изучения архитектуры жилища: в ней можно увидеть „отражение первобытных коммунистических отношений“. Морган, относительно которого Энгельс выразился, что он „по-своему заново открыл в Америке материалистическое понимание истории, открытое Марксом за 40 лет перед этим“, писал, что „известный нам факт коммунизма домашней жизни у северных племен определил весь характер их архитектуры, так как дома туземцев были общинными... практика коммунизма, господствовавшего среди них, может быть показана путем анализа самой архитектуры...“²⁴). Эти замечания по поводу роли селищ в изучении древнего быта еще в большей степени относятся к городищам.

Обратимся теперь к нижеволжскому археологическому курганному материалу и, прежде всего, к формам могильных сооружений. Курганы в их древнейшем виде представляются довольно уплощенными обширными насыпями до 25—30 м в диаметре, при небольшой высоте—до 30—40 см. В отдельных случаях, как мы уже говорили, только очень опытный глаз может заметить такие курганы среди других, более высоких. В качестве примера того и другого явления можно указать на курганные группы на окраинах г. Энгельса, например, на курган № 1 (с.-з. группа—на р. Саратовке) и курган № 5 (в ю.-в. группе около мельниц). Нельзя сказать, чтобы курганы этого типа встречались очень часто в сравнении с более поздними. Это можно объяснить, во-первых, редкостью древнейшего населения, а во-вторых, исчезновением вообще невысоких насыпей их под воздействием времени, учитываемая большую их древность. Не исключена возможность устройства могил и без курганов, чему примером служит погребение близ Криволучья, Куйбышевского края.

Однако, погребения ямного типа находят повсюду в Старом свете, что также понятно, если мы свяжем их с первобытно-коммунистической формацией, памятники которой также повсюду встречаются. В. А. Городцов, установивший термин „ямных“ погребений, усматривает среди них ранние и поздние. На основе прозвонившихся нами раскопок этого типа могил в Нижнем Поволжье

можно дать следующую схему их. В качестве древнейших мы считаем ямные погребения, связанные еще с тарденуазской культурой, являющейся, по мнению Г. А. Бонч-Осмоловского, последним моментом палеолитической эпохи, а по мнению М. В. Воеводского и других исследователей,—уже вышедшей за ее пределы. Для Нижнего Поволжья мы доводим тарденуаз, представленный микролитическими геометризованными формами кремневых орудий, до времени употребления орудий из бронзы, так как не имеем на нашей территории характерного неолита, в частности его керамики. Ямные погребения, которые мы считаем древнейшими, и будут скорее всего принадлежать тому времени, которое в других районах можно иногда определять и неолитом. Появление здесь в очень редких случаях древнейших типов медных и бронзовых орудий только подтверждает это мнение. К таким ямным погребениям мы относим, например, покровские (г. Энгельс) погребения из кургана № 1 и сусловское № 60²⁵).

Костяк из
„ямного“
погребения

Для древних ямных погребений характерны следующие признаки: могилы вырыты в виде овальных и чаще всего прямоугольных ям, всегда почти с округленными углами, прикрыты сверху накатником из бревен или ветвями. На застеленном листьями и стеблями полу лежат костяки на спине, иногда несколько склоненные на бок, с сильно поджатыми ногами и вытянутыми вдоль туловища руками. Покойники, ориентированные головами к СВ или В, обильно посыпаны красной краской, особенно на голове и ногах. В некоторых случаях краски положено в могиле столь много, что она окрашивает весь костяк, дно могилы и лежит большими кусками и порошкообразной массой (см. курган № 4, погр. 5 в группе „Три брата“ — неопубликованный отчет о раскопках в Калмыцкой республике в 1933 г., — предоставлен в ГАИМК). Кроме того, в могилах находят уголь и золу. При этих погребениях мы обычно не находим никаких вещей, за редким исключением обломков кремня, скребков, украшений из костяных колечек и подвесок. Изредка встречаются кости коровы (см. курган № 1—с.-з. группы, № 4 и 5—ю.-з. группы у г. Энгельса (Покровск) и курган № 60 (в Суслах).

В курганах несколько более поздних, очевидно, уже эпохи бронзы, когда, несомненно, существовала и глиняная посуда, в погребениях ямного типа попадают металлические орудия, вроде плоского медного топора из кургана Д. 37 в г. Ровном (Зельман, Респ. нем. Пов.), раскопанного П. Д. Рау²⁶), и керамика в виде горшков тщательной работы с веревочным орнаментом, например, в кургане № 12 (г. Энгельс), раскопанном нами, и в указанном выше кургане около г. Ровного (Зельман).

Вне территории Нижнего Поволжья ямные погребения давали иногда и кости овцы. На это указывает, например, В. А. Городцов²⁷). Однако в раскопках кости овцы сопровождалась костями коровы. Такие же древние ямные погребения, содержащие и кремневые орудия и простейшие подвески, в виде просверленных зубов животных, но не давшие костей домашних животных,

мы видим в раскопках на Северном Кавказе, произведенных в 1929 г. А. А. Миллером в районе г. Нальчика²⁸⁾.

Указанные выше ямные погребения являются типичными для схемы В. А. Городцова, и их следовало бы, по той же схеме, считать наиболее древними. Однако, два открытых нами на окраине г. Элисты, в Калмыцкой республике, погребения в кургане № 7²⁹⁾ побуждают поставить вопрос о древнейших ямных погребениях несколько иначе. Наше мнение о возможности связи древнейших погребений с культурой тарденуаза находит себе поддержку в указаниях В. В. Гольмстен на находку микролитов в комплексе вещей, характерных для эпохи бронзы. Это подчеркивает В. И. Равдоникас³⁰⁾, указывающий на необходимость дальнейших тщательных исследований этого вопроса, и, вместе с тем, очевидно, считающий такую связь вполне допустимой. Мы думаем, что этот вопрос о синхронности древнейших погребений с микролитической культурой тарденуаза в настоящее время достаточно ясен. Однако, необходимо тщательно изучать отдельные погребения из всей массы древнейших, так как термин этот, данный для них В. А. Городцовым — общий для всех погребений, часть которых является более древней в сравнении с другою и, следовательно, стадияльно должна быть иной. Здесь играет роль каждая деталь, всякая частности как в устройстве могилы, так и особенно в инвентаре, — напр., отсутствие или, наоборот, наличие керамики и т. п.

В связи с этим мы обратимся ко 2 и 7 погребениям из кургана № 7 в г. Элисте. Они описаны нами, как „погребения в шалашах“²⁹⁾ и оба оказались совершенно тождественными. Как по позе похороненных в них, так и по покрывавшей их краске погребения эти относятся к древнейшим. Однако, имеется и чрезвычайно интересная деталь опять-таки в обоих погребениях, а именно, наличие устроенных над покойниками, лежащими в глубоких и грубо изготовленных ямах, своеобразных шалашей.

Даем здесь описание одного из них, поскольку другой вполне сходен с первым: „(сделан) шалаш из жердей или кольев, воткнутых в дно ямы по ее краям, причем сохранились конусообразные ямки — следы втыкавшихся в них жердей, имевших заостренные концы. Ямки, в среднем, имеют диаметр до 5 см при глубине до 10—15 см. Все они вырыты наклонно, примерно, под углом до 70°. Общее их число — 23, причем распределяются они неравномерно, больше всего в головах и ногах покойника. Против бедренных костей ямок нет ни по ту, ни по другую от них сторону. Длина жердей могла быть, приблизительно, до 2 м“. Наконец, немаловажным, хотя и не обратившим в свое время на себя серьезного внимания, был факт находки во 2 м погребении кургана № 7, на глубине 60 см над местом, где находился череп покойника, двух обломков камней, из которых один носил некоторые следы как бы отколов.

В своей статье по поводу этих погребений мы писали в заключение, что „шалаш... как форма жилища, указывает снова на кочевой образ жизни той производственной группы, которая оставила нам погребения...“ Под словом „кочевой“ мы здесь понимаем лишь указание на отсутствие оседлости и только. Из этнографических

материалов можно привести некоторую аналогию подобным погребениям: на о. Тасмании, по словам Г. Бушана, покойников также хоронили в шалашах³¹⁾.

Судя по грубой обработке стенок ямы, последняя вряд ли служила подражанием жилищу. Скорее она была лишь ямой для помещения новой формы жилища, которая, повидимому, могла подражать подлинным жилищам людей, живших в эпипалеолите, т. е. возможно, что такие шалаша относятся ко времени существования на территории Нижнего Поволжья, в данном случае, в Калмыкии, свидерской стадии эпипалеолита и тарденуаза. Другими словами, погребения 2 и 7 из кургана № 7, раскопанного около г. Элисты, являются наиболее ранними из древнеямных. Костяные булавки простейшей костьювидной формы, найденные в детском погребении (№ 4), близком по типу погребениям 2 и 7, не противоречат тому же предположению, поскольку и В. А. Гордцов признает возможной их принадлежность к древнеямному инвентарю³²⁾. Изделия из дерева и кости должны были быть в употреблении и у бродячих охотников свидерской стадии эпипалеолита.

Таким образом, мы считаем, что погребения в шалашах, т. е. древнейшие ямные являются наиболее ранними из древнеямных и могут быть относимы, приблизительно, к 10000—6000 лет до нашей эры. После них следуют древнеямные погребения с возможным наличием в них микролитов, нахождение которых в могилах не только не исключено, но должно быть ожидаемо почти бесспорно. Время таких погребений, по общепринятому исчислению—6000—2500 лет до нашей эры. Рядом с ними, имея некоторые своеобразные черты, стоят такие древнеямные погребения, как 5 погребение из кургана № 4 группы 1 „Три брата“, находящейся в 15 км от г. Элисты, Калмыцкой республики, близ колхоза им. В. А. Хомутникова (Ульдючин).

Наши соображения относительно наибольшей древности погребений в шалашах, в сравнении с другими древнеямными, подтверждаются также и отсутствием каких бы то ни было костей домашних животных в этих могилах. Вот почему погребения 2 и 7 из кургана № 7 в г. Элисте мы считаем возможным при этих условиях выделить особо, не отрывая их, однако, полностью от прочих древнеямных до тех пор, пока не будет доказано безусловное отсутствие в них металлических орудий и костей домашних животных. Об этом можно будет говорить лишь по мере вскрытия достаточного количества подобных погребений. Во всяком случае связь их со свидерской стадией еще требует значительно больших доказательств, но связь их с тарденуазом нам представляется верной. Упомянутое погребение 5 из кургана № 4 также не имеет вещей, но необычайно обильно снабжено красной краской и отличается сводчатой формой могильной ямы. Некоторая порча погребальной ямы и разрушения, произведенные в ней вследствие устройства рядом с ней другой могилы, не позволяют судить о том, был ли помещен сюда сосуд. Мы считаем это погребение одним из наиболее поздних среди древнеямных.

В пределах Нижнего Поволжья можно указать также на с. Норку, бывш. Камышинского уезда, где А. А. Спицыным были раскопаны погребения ямного типа, давшие 14 костяных нарезных кольчатых

пронизок в виде трубочек, 6 костяных уплощенно цилиндрических бус (ожерелье), медный, плоский листовидной формы наконечник дротика с длинным черенком и медное шильце.

Аналогичные погребения с костяными изделиями можно указать и в других районах, вне пределов Нижнего Поволжья, например, открытые Брауном около Сергоз³³). Здесь были раскопаны погребения ямного типа, давшие костяную костылевидную булавку крупного размера, ожерелье из пластинчато-цилиндрических трубчатых нарезных пронизок и цилиндрических уплощенных костяных бус, медный наконечник дротика плоской листовидной формы, четырехгранное медное шило. Посуда, найденная при погребениях, оказалась почти круглодонной, вернее с маленькими по диаметру днищами и слегка вытянутыми стенками, без орнамента, с невысокой шейкой. В одном случае на сосудике был орнамент в виде косых, грубо выполненных параллельных линий в один ряд, нанесенных по плечикам. На р. Сале (ближе находки не известны) найдены в погребении: костяная костылевидная булавка и небольшой кремневый отщеп (раск. Крылова из собр. Моск. университета, — хранятся в Государственном историческом музее). Известны аналогичные предметы в виде костяных булавок, колечек, плоских медных наконечников от дротиков, зубов хищных животных со сверлинами для использования их в виде ожерелья, кусочков кремня (находки и вещи из раскопок в Крыму и на Северном Кавказе—хранятся в ГИМ). Ряд вещей, вроде наконечников дротиков, возможно, уже относится к так называемым катакомбным погребениям.

Таковыми погребениями, как описанные выше, мы считаем возможным отграничить от других древние ямные погребения, для которых можно полагать характерным существование пережитков культуры тарденуаза. Другими словами, мы считаем их свойственными родовому обществу, когда развивался материнский род, а население продолжало передвигаться, но уже переходя к земледелию и скотоводству, т. е. мы должны принимать во внимание факт закрепления оседлости, что неразрывно связано с развитием земледелия.

Что касается скотоводства, то для времени описанных выше древних ямных погребений мы должны иметь в виду разведение крупного рогатого скота—коровы, кости которой, как мы видели, находятся в этих древних погребениях, и затем, возможно,—овцы. Здесь уместно напомнить высказывания В. И. Равдоникаса по поводу некоторых утверждений о том, что наиболее ранним прирученным животным была овца, а не корова. Эти высказывания обоснованы пока небольшим материалом, но в достаточной степени интересным. Выступая против утверждения нескольких археологов в Государственной Академии истории материальной культуры о том, что овца была приручена человеком раньше коровы³⁴), В. И. Равдоникас писал: „Везде и всюду настоящее скотоводство возникало из охоты, и поэтому, как общее правило, оно с самого начала было мужским занятием точно так же, как и собственность на скот с самого начала принадлежала мужчинам“³⁵). В. И. Равдоникас поясняет дальше, что эта собственность не была частной собственностью, но родовой, приводя слова Энгельса о том, что „собственность на скот вначале принадлежала всему роду“...

Возражая против гипотезы возникновения скотоводства из приручения мелкого скота, выдвинутой Куновым, В. И. Равдоникас, помимо ряда соображений о неправильности такой концепции, противоречащей взглядам Энгельса, приводит ряд данных и археологического порядка, дающих основание утверждать факт более раннего приручения коровы, а не овцы. При этом, конечно, не имеется в виду собака, бесспорно, первое прирученное животное, которое, однако, не обеспечивало человеку то, что давало приручение коровы, оленя, овцы. Спор по вопросу о том, какое животное было приручено раньше—корова или овца, сводится, по существу, к новому вопросу,—кто же являлся первым владельцем скота, кто его приручал, кто за ним ходил.

Если остановиться на концепции раннего мелкого скотоводства, данной Куновым, это, как убедительно показывает В. И. Равдоникас, приведет нас к отказу от признания утверждения, высказанного Энгельсом, что „промысел всегда был делом мужчины, скотоводства к промыслу изготавлялись им и были его собственностью. Стада были новым средством к промыслу, их первоначальное приручение и дальнейший уход за ними—делом мужчины“³⁶). Отсюда В. И. Равдоникас выводит и второе положение о том, что концепция раннего мелкого скотоводства неверна, так как она ведет к признанию матриархата в качестве более поздней формы в сравнении с патриархатом, поскольку Энгельс считает земледелие и скотоводство признаками, указывающими уже на стадию разложения родового общества. Матриархат, по учению Энгельса, в действительности предшествует патриархату, будучи ранней формой общественного развития. Г. Кунов, вопреки Энгельсу, ведет матриархат из патриархата³⁷), не признает их всеобщности и связывает матриархат не с теми экономическими условиями, которые создали высокое и почетное положение женщины в общественной жизни.

Зависимость между матриархатом и развитым хозяйством дает возможность Кунову отодвинуть матриархат к более позднему времени, и тем самым пытаться подорвать марксистскую точку зрения на значение, условия и время существования матриархата. „Совершенно ясно,—замечает В. И. Равдоникас,—что в этой связи концепция раннего женского скотоводства приобретает особое значение для Г. Кунова, так как она укрепляет его теорию возникновения матриархата... Отодвигая патриархат к дальнейшим временам человеческой истории, Г. Кунов тем самым провозглашает изначальность отцовской, в сущности, моногамной семьи... и пытается, таким образом, нанести удар всему учению Маркса—Энгельса о развитии доклассового общества“.

Выводы, сделанные В. И. Равдоникасом, во всяком случае интересны, поскольку археологический материал, который мы приводили выше, дает основание усматривать более раннее приручение крупного рогатого скота. По частному же вопросу о взгляде В. И. Равдоникаса на взаимоотношения ямных погребений с катакомбными мы согласиться едва ли можем. Здесь прежде всего надо, как в другом месте говорит сам В. И. Равдоникас, учитывать все данные, чтобы делать вывод о той или другой древности погребений, а, во-вторых, следует помнить, что катакомбные погребения

сами по себе разновременны. Катакомбы, например, находимые в калмыцких степях, иные в сравнении с теми, о каких идет речь у В. А. Городцова. Указание, сделанное В. И. Равдоникасом, по поводу катакомбного погребения, открытого П. Д. Рау, вообще для нас неубедительно, поскольку эта катакомба сомнительна, как таковая. Так далеко, как известно, вряд ли заходили катакомбные погребения, хотя категорически этого еще пока утверждать нельзя, но думаем, что это наше мнение — правильное, судя по всем материалам, имеющимся в нашем распоряжении. Другое дело — катакомбный инвентарь. Он мог доходить вследствие обмена и дальше обычных мест, где катакомбные погребения распространены.

Прежде чем обратиться к характеристике общества, памятники которого мы рассмотрели, следует еще коснуться вопроса о местах его поселения. Эти места поселений или селища широко распространены по Нижнему Поволжью. Они расположены как на берегах крупных рек — Волги, Хопра, Медведицы, так и в глубине территории, часто на небольших современных ручьях, частью высохших в настоящее время. О стоянках ранней эпохи — свидерской стадии эпипалеолита и микролитической культуры тардепуаза — мы уже говорили. Они, как известно, имеют свое отражение в древнейших курганах с погребениями в шалашах и в древнеямных общераспространенного типа. Эти стоянки, находясь на дюнах, очень редко сохраняют культурный слой, который сам по себе был незначительным по своей мощности в силу характера быта древнейшего населения — бродячего охотничьего и рыболовческого и только позже — ранне-земледельческого и пастушеско-скотоводческого. Самые условия нахождения стоянок на дюнах уже не обеспечивали сохранения подобного культурного слоя.

На Нижней Волге, как мы уже говорили, нет пока ни одной стоянки, которая давала бы культурный слой. Однако, дюны Калмыцкой республики иногда настолько ярко показывают остатки слоя стоянок, что их присутствие уже несомненно. Достаточно указать хотя бы на стоянку около автобусной станции № 7 на пути из г. Астрахани в г. Элисту, где имеются остатки так называемой мастерской по изготовлению кремневых орудий, или на остатки стоянки около с. Нижней Липовки на р. Узе, которая относится к несколько более позднему времени неолита.

Переходя теперь к вопросу о характере общественно-экономического строя, оставившего древнеямные погребения, мы должны признать его в форме материнского рода, которая определяется уже древнейшими ямными погребениями в шалашах и полностью вскрывается в дальнейших раннеямных, описанных нами выше. В то время на территории Нижней Волги существовали мелкие, полуоседлые матриархальные группы, которые первоначально занимались охотой и рыболовством, начинали приручать животных, так как это приручение вытекало из охоты, приступали к мотыжному земледелию, памятниками которого являются каменные мотыги*. Пастушеское скотоводство и мотыжное земледелие — вот характерные признаки общественно-экономического строя,

* См. коллекции Саратовского краевого музея.

какой мы можем установить на основе изучения ямных погребений. Эта стадия развития общества следует за первой, когда люди представляли собою подвижные группы охотников и рыбаков. Но обе они в целом характеризуются материнским родом или матриархатом.

Ко времени перехода материнского рода к патриархальному, как нам кажется, следует отнести памятники, известные в археологии под именем катакомбных погребений с более богатым инвентарем в сравнении с инвентарем ямных погребений, и некоторые иные типы погребений, о которых скажем ниже. Правильно возражая против объяснений, какие давал В. А. Городцов своей схеме хронологического деления всех погребений со „скорченными“ костяками³⁹⁾, В. И. Равдоникас был не прав, подвергая эту схему сомнению вообще. Надо сказать, что схема, данная В. А. Городцовым, сама по себе дает значительные удобства для изучения многочисленных памятников материальной культуры и в настоящее время требует лишь уточнений на основе новых материалов, как то предвидел и сам В. А. Городцов.

Катакомбные погребения иного типа, чем распространенный в южно-русских степях и на Кубани, известны в Нижнем Поволжье, на юге его, причем линия распространения их не идет с юга на север далее, примерно, параллели между Сталинградом и Камышином. На западе она уходит в донские степи, а на востоке, повидимому, не продвигается далее узкой полосы лезобережья, причем здесь скорее приходится допускать распространение инвентаря катакомбных погребений, чем самих погребений. В северной части Нижнего Поволжья катакомбные погребения имеют синхроничные им „срубные“ — стадии В — типы погребений⁴⁰⁾.

Однако, прежде чем говорить о катакомбных погребениях на Нижней Волге, следует остановиться на весьма интересном типе погребений, которые открыты нами в Калмыцкой республике. Мы склонны относить их ко времени, предшествующему времени катакомбных на юге Н. Поволжья, и связываем их стадияльно с погребениями, распространенными в более северных частях территории, которые мы называли стадией А хвалынской культуры⁴⁰⁾. Достаточно просмотреть инвентарь этих погребений и самый способ захоронения, чтобы убедиться в их сходстве, несмотря на некоторые различия. Особенно показательны здесь сосуды по своей форме и своему орнаменту.

Мы имеем в виду некоторые погребения, открытые нами в 1921 году и позже³⁹⁾ в Калмыцкой республике и В. В. Гольмстен на Маныче в 1934 г., судя по материалам выставки, организованной ГАИМК в связи с работами на мостостройках в том же году. Погребения такого рода мы называем в дальнейшем позднейшими с бревенчатыми накатами и ступенями для последних, устраиваемыми по длинным сторонам ямы на различной высоте. Ямы этих погребений отличаются значительной глубиной, до 2 м. Кратко этот тип могил можно называть ступенчатыми с накатником. Покойники в них обычно лежат на спине с сильно поджатыми ногами, покрыты красной краской и сопровождаются бронзовыми ножами листовидной формы, крупными и средней величины сосудами, часто

имеющими небольшие ушки. Кроме того, при покойниках находят бусы, сделанные из костяной пасты. Ориентировка покойников в этих могилах — к С, с уклоном к З. Другими словами, мы имеем в этих погребениях нечто подобное обычным ямным, но с некоторым видоизменением формы ям и большим количеством инвентаря.

Очевидно, что переход к оседлости, о чем свидетельствует постоянное теперь присутствие костей домашних животных и крупной посуды в могилах, повлек за собой изготовление более надежных, чем шалаши и юрты, жилищ, а именно, землянок, крыши которых представляются нам в виде мощных накатов из довольно толстых бревен, судя по остаткам их в могильных сооружениях. Это, с другой стороны, может также указывать и на изменения стадиального порядка, который изучаем. Наиболее поздним представителем этого типа погребений мы считаем погребение 6 в кургане № 6 в той же группе „Три брата“ в Калмыкии. В виду того, что отчет о его раскопке еще не опубликован, даем выдержку из отчета.

„Форма ямы в плане трапецевидная. Длина ее западной стенки—2,50 м, восточной—2,70 м, при глубине в 3 м. Вдоль западной и восточной стенок вырезаны приступки шириной от 0,20 — 0,40 м на высоте 1 м от дна ямы. Размер ямы: с восточной стороны — 2,60 м, с западной — 2,40 м, с северной — 1,40 м и с южной—1,20 м. Углы ямы округлены. Сверху яма была при-

Погребение женщины с ребенком в кургане № 6, гр. 1 уроч. „Три брата“

крыта колотыми бревнами, концами лежавшими на приступках и имевшими, судя по сохранившимся остаткам, в ширину до 0,20 м. Этот деревянный накат был накрыт слоем травы. На половине длины восточной приступки лежал каменный шарик, вероятно метательный (болас). На дне ямы, на расстоянии 1,16 м от южной стенки, помещались два костяка: первый — молодой женщины и второй — ребенка, лежавший справа от женщины, рядом с нею, т. е. ближе к восточной стенке могильной ямы. Костяк женщины, ориентированный головой к ЮЗ, лежал почти ничком, лицом ко дну могилы... Детский костяк лежал на спине (с согнутыми ногами—П. Р.)“. Женщина имела крупные бронзовые височные кольца около ушных отверстий черепа; в могиле находились глиняный сосуд формы, приближающейся к ямным (ср. с сосудом в погр. 1 из того же кургана), и глиняная мисочка на крестовидной ножке — так называемая жаровня. Кроме этого, в могиле найдены небольшое бронзовое шильце и остатки деревянной коробочки с бронзовыми скрепами.

Мы считаем это погребение более поздним вследствие того, что находка жаровни бесспорно связывает это погребение с погребениями катакомбного типа, в которых подобные сосуды являются почти неизменной составной частью могильного инвентаря. При-

сутствие красной краски также не противоречит указанию на эту связь с катакомбными погребениями.

Однако, как было сказано выше, мы имеем при этом в виду не те катакомбы, которые, главным образом, описаны В. А. Городцовым и послужили ему материалом для установления известной стадии в его схеме. Им, как мы думаем, соответствуют по времени описанные выше погребения с накатами и ступенями, открытые в Калмыкии и на Маныче, т. е., по существу, в том же районе, и погребения стадии А хвалынской культуры в северной части Н. Поволжья. Катакомбные же погребения, известные в Нижнем Поволжье, повидимому, являются более поздними и соответствуют срубным в северной части края. Впрочем, часть катакомбных погребений в Калмыкии, вскрытая нами летом 1936 г., синхронична погребениям с накатником и ступеньками (например, в кургане № 27, 1 гр. „Трех братьев“).

Говоря о хронологическом соотношении срубных и катакомбных погребений, мы не имеем в виду смены племен, за исключением возможных лишь передвижек отдельных групп, в связи с переходом от полуседлости к оседлому образу жизни, затем переходом к пастушескому скотоводству и в дальнейшем в связи с развитием кочевого скотоводства, когда на первое место выдвигается вместо коровы овца, как стадное животное. Катакомбные погребения не являются исключительно примером смены одного племени другим, но показывают чаще изменение быта и хозяйственного уклада в том же обществе, которое, до известного момента, приняло ритуал, характерный для ямного способа захоронения, а потом изменило его.

Это тем более подтверждается фактом сходства инвентаря в могилах древнеямных (более поздних из них) и катакомбных. Здесь достаточно привести примеры из раскопок Брауна в Серогозах, А. А. Спицына — в с. Норках, б. Саратовской губ., и Н. И. Веселовского — в Крыму, о чем мы говорили выше. Между прочим, это мы имели в виду, когда возражали против утверждения, высказанного П. Д. Рау о наличии катакомбы в его раскопках в Республике немцев Поволжья. Вещи — это одно, а погребения — другое. Характерные для катакомбных погребений вещи могут быть свойственны и древнеямным, и это обстоятельство для суждения об изменении похоронного обряда, вернее, способа устройства могильной ямы представляется весьма важным. Форма могильного сооружения, как правильно указывал В. И. Равдоникас, могла и, несомненно, должна была имитировать современное ей жилище определенной группы людей; с изменением формы жилища менялась и форма могильной ямы. Такое мнение о форме жилища и могилы нам представляется верным, особенно в отношении к древнейшему религиозному воззрению. Что же касается вещественных памятников, то они могут принадлежать известному обществу в течение большего срока времени, чем изменялись формы жилища. Поэтому не может вызывать никакого удивления факт находок в разных типах погребений вещей катакомбной культуры. В данном случае, говоря о вещах, мы, главным образом, имеем в виду костяные костьюевидные булавки, костяные цилиндрические бусы и пронизки, небольшие пластинчатые наконечники дротиков, мед-

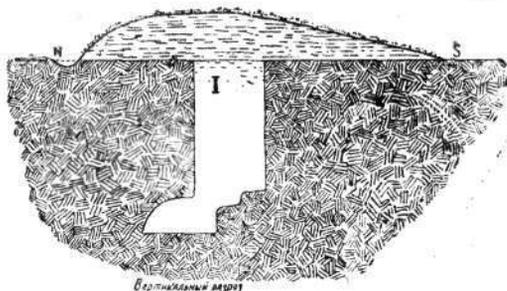
ные или бронзовые шильца, встречающиеся как в катакомбных погребениях, так и в погребениях с накатами и ступенями.

На территории Нижнего Поволжья мы в большинстве случаев не усматриваем таких типичных, — можно было бы назвать их классическими, — катакомбных погребений, которые характеризуются узкими, глубокими входами и узкими нишами, где покойники лежат скорченно, будучи ориентированы головой к Ю. Катакомбные погребения в Нижнем Поволжье несколько иного типа. Прежде всего они в большинстве не отличаются большой глубиной.

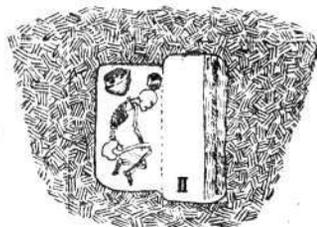
В качестве примера приведем описание третьего погребения в кургане № 2 близ с. Яшкуль, Калмыцкой республики. Мо-

гильный вход имел в длину — 1,50 м, в ширину — 1,10 м и в глубину — 0,95 м. Катакомба, устроенная в западной стенке могильного входа, имела в длину 1,40 м, в ширину — 0,60 м и в высоту — 0,44 м. В ней лежал костяк женщины, на левом боку, скорченно, будучи ориентирован головой к Ю. За головой покойницы стоял глиняный сосуд, формой похожий на современный небольшой чугунок. Сосуд оказался прекрасной работы, тонкостенный. Орнамента на нем не было. Рядом был найден сосуд, называемый жаровней, в виде мисочки для угля с отделением, вероятно, для душистого вещества. Он имеет подножку крестовидной формы и орнаментирован. На шее покойницы найдены мелкие бронзовые пронизки, крючкообразные подвески и мелкие бусинки из лигнита (гешира)⁴¹.

Другая катакомба открыта в ю.-з. группе около г. Элисты. Могильный вход имел в длину — 1,60 м, в ширину — 1,50 м и в глубину — 2,20 м. Катакомба имела в длину — 2 м, в ширину — 1 м и в высоту — 0,65 м. Она оказалась детской могилой, в которой помещался костяк ребенка, лежавший скорченно, на левом боку, будучи ориентирован головой к З. со слабым отклонением к Ю. При костяке обнаружены только глиняные сосуды иной, чем обычная для донецких катакомбных сосудов, формы, а именно: первый — в виде небольшого горшка с округленными боками, вытянутыми плечиками, гладко и прямо срезанным краем, с маленьким по диаметру плоским днищем и петлеобразной ручкой-ушком. Второй сосуд — большой, имеющий шаровидную форму, с отогнутыми краями и несколько выступающим ребром (плечики по диаметру

Вертикальный разрез

Горизонтальный разрез

Катакомбное погребение

уже, чем туловище сосуда). Ручка-ушко — петлевидная. Третий горшок — такой же формы, но грубо изготовлен. Четвертый — шаровидной формы, с низеньким горлом, причем верхняя часть сосуда (до плечиков) как бы отделена от боков высоким ребром. Орнамент — в виде ряда горизонтально размещенных углов, заполненных косой штриховкой ⁴¹).

Наиболее интересной, судя по вещам, является катакомба, вскрытая нами в 1934 г. в Калмыкии. Она помещалась под общей насыпью большого кургана — одного из „Трех братьев“, раскапываемого в настоящее время около колхоза им. Хомутникова (см. неопубликованный отчет за 1934 г., представленный в ГАИМК). Катакомба оказалась, к сожалению, разрушенной другим, более поздним погребением, но вещи сохранились как в остатках самой катакомбы, так и около нее: два пластинчатых кремневых ножа, продолговатый кремневый скребок, красная краска, комья желтой охры и прекрасный глиняный сосуд шаровидной формы с слегка отогнутым, изящной формы, горлом. По плечикам горшка нанесен орнамент в виде четырех параллельных линий, состоящих из крупных вдавлений; на боках, на середине их высоты, такой же орнамент из двух линий. Сосуд имеет красный цвет, так как был явно намеренно густо покрыт порошком красной краски. Такое окрашивание сосудов встречено в погребениях, открытых там же в 1935 г. Описанная катакомба является, повидимому, наиболее древней из ряда других *.

Глиняный сосуд из катакомбного погребения

Что касается керамики катакомбных погребений, то, как видно, она отличается от керамики донецких катакомб. Элементы шнурового орнамента у нее отсутствуют. Характерной же ее чертой является изящность форм, тонкостенность и прекрасный обжиг, резко выделяющий эту посуду из ряда сосудов других погребений, но связывающий через нее катакомбные погребения с погребениями в ямах, но уже иного типа, обладающими большими бревенчатыми накатами, которые напоминают срубные погребения тем более, что орнамента на сосудах их приближается к орнаментике геометрических форм на горшках срубного типа.

В Калмыцких степях мы, таким образом, имеем своеобразную картину того, как катакомбные погребения, будучи, с одной стороны, связаны частью своего инвентаря с древнеямными, с другой — не всегда являются их преемниками, но имеют посредствующую или одновременную фазу в ямных погребениях с бревенчатыми накатниками и ступенями, т. е. в погребениях, которые, очевидно, непосредственно связаны с древнеямными. Это ясно видно

* Раскопки, произведенные нами в 1935 г., дали еще несколько погребений катакомбных, бедных вещами, среди которых, однако, была найдена великолепная костылевидная костяная булавка, покрытая геометрическим орнаментом. Ориентировка покойников — к В. и Ю. Раскопки же, произведенные в 1936 г., дали ряд интереснейших катакомбных погребений в том же курганном могильнике, чему будет посвящена особая работа.

по погребению № 1 в кургане № 6 „Трех братьев“ (см. неопубликованный отчет за 1934 г.). Здесь же характерны находки жаровен как в катакомбах, так и в ямах со ступенями. Впрочем, судя по данным раскопок 1935 г., так называемые жаровни встречаются в более поздних погребениях, вплоть до конца бронзовой эпохи.

Следовательно, мы видим синхроничность глубоких позднемных погребений с бревенчатыми накатами и ступенями (погребений в ступенчатых ямах) с древнекатакомбными погребениями известного донецкого типа, причем нижеволжские катакомбные погребения являются в этом ряду последним, позднейшим звеном, характеризующим конец существования материнского рода на территории Нижнего Поволжья, переход к патриархальному роду, если уже не эту последнюю форму.

Дело в том, что в катакомбах донецкого типа В. А. Городцов находил не один раз парные погребения мужчины и женщины. Это давало основание приходить к заключению о существовании патриархального рода в эпоху, к которой относятся такие погребения. Однако, это мнение вызвало возражение со стороны В. И. Равдоникаса, который, не отрицая полностью парные погребения в катакомбах, настаивает на изучении вопроса о том, действительно ли эти парные погребения свидетельствуют об одновременности захоронения покойников, и нет ли здесь явлений иного порядка, а именно, дополнительных, более поздних похорон⁴⁸). Кроме того, он полагает, что даже наличие такого факта совершенно не лишает его предположение серьезных оснований, так как подобное явление лишь подчеркнуло бы известное развитие общества, т. е. такие парные погребения доказывали бы, что начинался переход от материнского рода к патриархату, поскольку в катакомбах парные погребения составляют большую редкость. Мы полагаем, что на стороне В. И. Равдоникаса лежит некоторая часть истины, которая нашла себе подтверждение в наших раскопках кургана № 1 известной уже группы „Три брата“ в Калмыкии, произведенных в 1933 г.

Это очень неглубокое катакомбное погребение представляло следующую картину. Длинный и неширокий вход в катакомбу имел подобой той же длины. В нем лежало два костяка, причем один находился в значительной степени уже во входе. Сверху вход был прикрыт плитами, из которых одна была сдвинута и уже неполностью прикрывала вход. Получалось впечатление, что сначала здесь был захоронен один покойник, а позже — другой, одна из плит была снята и после захоронения кое-как положена, не закрыв полностью входа. Это было настолько очевидно, что первоначально казалось, не была ли катакомба ограбленной. Нам представляется, что хотя в данном случае мы действительно имеем основания думать, что парные погребения в катакомбах не всегда могут давать одновременное захоронение двух покойников, однако, все же подобные погребения относятся ко времени развития патриархального рода, когда женщину клали в могилу с мужчиной, убивая ее после его смерти. Что это могло иметь место, подтверждают и самые позы захороненных. Они лежат обычно рядом, так же, как, например, в более поздних и заведомо относящихся к патриархату срубных погребениях, где самые позы погребенных

мужчины и женщины указывают на одновременность захоронения их вне всякого сомнения. Собранный М. И. Артамоновым материал прекрасно иллюстрирует и подтверждает высказанные ранее предположения о принадлежности парных захоронений к обрядности, свойственной патриархальному обществу⁴²).

Необходимо отметить еще одну характерную черту ритуала катакомбных погребений, которая заключается в установке близ входа опрокинутого вверх дном горшка, прикрывающего кости ног, нижние челюсти и в одном случае череп барана. В другом случае, в кургане № 4 группы „Трех братьев“, был найден такой горшок с костями, но он не сопровождал катакомбного погребения. В виду того, что тщательное обследование показало невозможность пропуска погребения, мы приходим к выводу о жертвенном характере этого инвентаря, причем, вероятно, жертва приносилась не обязательно в момент погребения, но позже, и возможны были случаи установки лишь приблизительно в яме данного кургана такого горшка без обязательного приурочения к могиле **. Вторая черта, характерная для катакомбных погребений на территории Калмыкии, заключается в отсутствии в них костей коровы, которая замещается овцой. Это еще раз подтверждает мнение о первоначальном приурочении коровы и лишь позже овцы и, в свою очередь, ведет катакомбы скорее к патриархальному роду. Характерно для катакомб изучаемой территории наличие жаровни, которая, как правило, ставилась в катакомбу. Но, впрочем, такие же жаровни (или, вернее, курильницы) встречаются и в ступенчатых ямных могилах с накатниками и в еще более поздних.

Таким образом, для южной части Нижнего Поволжья мы имеем ряд вещественных памятников, которые все вместе дают основание говорить об известном социально-экономическом строе общества, жившего здесь приблизительно 2500—1300 лет до нашей эры и оставившего погребения в ступенчатых ямах с накатниками и катакомбные. Погребения эти дают представление об иной форме жилища, но не меняют наших представлений о существовании раннего патриархального строя, как характерного для данного общества, но, возможно, с элементами еще материнского рода. Мы уже отметили, что в северной части Нижнего Поволжья, т. е. выше Сталинграда, мы не встречаем ни древне-катакомбных погребений, которые здесь имеют свою параллель в виде погребений стадии А хвалынской культуры, ни их предшественников — погребений в ступенчатых ямах с накатниками, которые также соответствуют стадии А хвалынской культуры. Ниже мы приведем пример таких типов погребений, инвентарь которых, кстати сказать, связан с вещественными памятниками мест поселения (селищами).

Переходными от древнеямных погребений к срубно-хвалынской стадии В являются погребения, характерные для стадии А той же культуры. Отметим, что если прежде мы считали неправильным

* Погребения в курганах № 27 и № 28 1 гр. и № 33 2 гр. „Трех братьев“, открытые нами в 1936 г., снова дали парные погребения.

** Это мнение подтверждено раскопками 1935 и 1936 гг. в той же группе курганов, когда были открыты такие одиночные горшки без могил, в небольших ямах.

включение нами этой стадии в хвалынскую культуру, то в настоящее время мы признаем это верным, сохраняя, однако, самое понятие хвалынской культуры условно. Мы имеем общую схему культур эпохи бронзы для каждой стадии и рассматриваем нашу прежнюю схему, как известный прием, позволивший нам разобраться в довольно обширном материале, с тем, чтобы разместить его в пределах первобытно-коммунистической формации, применительно к стадиям ее развития. Материал, имеющийся в распоряжении археолога, правильно определенный, позволяет осветить ту или иную стадию и сам, в свою очередь, делается понятным, поскольку будет учтено развитие производительных сил, то или другое изменение отношений по производству и уяснен характер разделения труда.

С. Н. Быковский в своей последней работе формулирует основное противоречие в первобытно-коммунистическом обществе, „как закон противоречия между разделением труда, как основным показателем и выражением уровня развития производительных сил, и первобытно-коммунистическими производственными отношениями“¹⁸⁴).

Мы полагаем, что эта формулировка достаточно выясняет характер противоречия данной формации. Изучение вещественных памятников имеет столь огромное значение, что не нуждается в доказательствах, и мы должны со всей тщательностью учитывать эти памятники, изучая их как каждый в отдельности, так и комплексно.

Обращаясь к погребениям в северной части Нижнего Поволжья, упомянутым нами выше, необходимо отметить следующие. Около с. Фриденберг (Респ. немцев Поволжья) в кургане № 6 обнаружена ступень в могильной яме. Ориентировка покойника к СВ. Сильная скорченность. Находка куска малахита. Это погребение мы прежде относили к стадии В хвалынской культуры, но, очевидно, оно должно быть отнесено к стадии А. Далее, в кургане № 7 (Фриденберг) покойник лежал на спине с сильно подогнутыми ногами, будучи ориентирован головой в СВВ. Найден кусок кварцита. Имеется настил над могильной ямой. Сосуд орнаментирован по типу орнаментовки посуды катакомбных погребений. Сходные погребения найдены также и на р. Деркуле (приток р. Урала). В кургане № 8 близ ст. Шипово, Ряз.-Уральской жел. дороги, были открыты три погребения. Костяки лежали в них или на боку или на спине, ориентированные к СВ или С. При них найдены кости овцы, куски мела, красная краска, как и в погребениях в Калмыкии. Могильные ямы покрыты дубовыми плахами. Наконец, очень ярким по своему характеру надо считать погребение, открытое в г. Сталинграде. На его описании мы не будем останавливаться, так как оно уже не раз приводилось. Вскрытое не специалистом, оно не дало ясной картины, но все же является несомненным, что катакомбы в кургане не было, имелся только большой накат из бревен. Керамика и бронзовые орудия — долото, шило — типичны для катакомбных древних погребений⁴⁴).

Хронологически, принимая во внимание все Нижнее Поволжье, мы относим погребения в „ступенчатых“ ямах с накатниками, катакомбные древние и погребения стадии А хвалынской куль-

туры ко времени 2500—1600 л. до нашей эры, пользуясь общепринятой хронологией. Что касается селищ этого времени, то они не дают на дюнах однородного культурного слоя, но всегда связаны с более поздними данными, характерными для позднего погребений эпохи бронзы. Эти памятники уже относятся к развитому патриархальному обществу, о чем придется говорить позже. Однако, на таких же дюнах мы часто отмечаем находки керамики катакомбного типа, а также и срубного. Они указывают на то, что быт древнего человека изменился, но жизнь протекала еще в тех же общих условиях, какие побуждали его селиться на дюнах, в непосредственной близости к воде. Здесь же, на дюнах, например, в Приморском районе Калмыцкой республики или на левом берегу Волги, вернее, ее рукава — Ахтубы, в районе ст. Досанг Рязано-Уральской ж. д., в 50 км от Астрахани, мы встречаем погребения, характерные для погребений типа катакомбных, какие имеем в Калмыкии. Редкие отдельные фрагменты посуды того времени — ранне-срубного типа — попадают и на селищах северной полосы Нижнего Поволжья. Все находимые предметы материальной культуры свидетельствуют, однако, о том, что иногда довольно мощные слои селищ, расположенных на Нижней Волге, принадлежат более позднему времени, как нами было уже указано.

Каким же, в итоге, представляется, в результате ознакомления с материалами, то древнее общество, которое продолжало жить и развиваться со времени, характеризующего тарденуазскими микролитами?

Однообразный могильный инвентарь как в мужских, так и женских могилах — небольшие размеры селищ, наличие керамики, костяных изделий, небольшое количество металлических предметов, кости коровы, овцы и изредка лошади, жилища, судя по могильным остаткам, в виде более или менее крупных землянок, одиночные погребения, имеющиеся в конце эпохи и парные погребения, но как исключение, наконец, признаки еще слабо развитого обмена между группами — вот все, что мы имеем в своем распоряжении для восстановления этого древнего быта. Добавим, что отсутствие находок земледельческих орудий при наличии, однако, таких находок, как небольшие зернотерки, маленькие жерновки (курган близ Ханоты в Калмыцкой республике ⁴⁵), говорит о возможности существования в этом периоде земледелия лишь в ограниченных размерах, т. е. мотыжного земледелия.

Следовательно, то общество, которое оставило нам на Нижней Волге описанные памятники, было не кочевым, а пастушеско-земледельческим.

Если мы не имеем достаточных материалов для выяснения жилищ, как, например, остатки жилища на Панфиловской стоянке ⁴⁶), то наш материал показывает, что в то время существовали, как можно предполагать по формам могил, полуземлянки довольно крупных размеров, в которых помещались группы людей. Эти последние оставили нам и коллективные кладбища — курганные могильники, причем мы имеем весьма интересный пример такого, очевидно, родового места погребения, как курган № 4 из 1 группы „Три брата“ в Калмыкии, неоднократно нами упоминавшийся. В этом кургане, в юго-восточной части насыпи, оказались, одно рядом

с другим, четыре поздне-катакомбных погребения, из которых два были детские. Такие погребения родового характера, а также жилища, указывающие на родовые отношения, земледелие мотыжного типа и еще слабо развитое скотоводство, отсутствие парных погребений мужчины совместно с женщиной, о чем уже говорилось нами, позволяют нам признать существование в то время родового общества при наличии материнского рода с небольшими указаниями на формирование уже рода отцовского.

Мы считаем необходимым обратить внимание еще на одно жилище, открытое П. П. Ефименко на берегу Дона, в окрестностях с. Костенок, близ г. Воронежа, и описанное в качестве жилища времени ранней бронзы⁴⁷). Исследователь, на основании изучения культурного слоя, пришел к заключению, что здесь сохранились „остатки обширного жилища, пол которого находился несколько ниже уровня поверхности почвы, хотя это углубление... было в общем очень не велико, не превышая, видимо, 0,30—0,40 м“. Интересно, что помимо фрагментов посуды, характерной для той, которая сопровождает катакомбные погребения, в остатках этого жилища были найдены большой кремневый отбойник, кусок костяного остря, изготовленного из расколотой небольшой трубчатой кости, заточенной на конце, и кости домашних животных, причем особенно много оказалось костей домашнего быка. „Таким образом, на основании наших материалов, — говорит П. П. Ефименко, — можно считать более или менее очевидным, что первобытная группа, оставившая нам свое жилище, поселилась на пойме Дона, главным образом, не для охоты и рыбной ловли. Ее привлекали придонские луга, являвшиеся прекрасным пастбищем для рогатого скота. Возможно, что здесь же заготавливались запасы корма для скота на зимнее время.“ Далее автор указывает на вторую, опять-таки большую по размерам землянку того же времени на городище „Кузнецова дача“ около г. Воронежа. На месте этого жилища были найдены остатки, повидимому, кровли из дубовых плах.

Таковы пока материалы, дающие нам представление о форме жилищ описываемого нами общества. Эти формы отнюдь не противоречат представлениям о раннем патриархальном роде и потому должны быть нами учтены.

Если мы находим керамику, близкую к „катакомбной“ или тождественную ей, на стоянках без признаков землянок, что свидетельствует, как правильно полагает П. П. Ефименко, о выселениях обитателей на летние стойбища ближе к реке, и находим ее же в остатках неглубоких, простых землянок, это дополняет не только картину жилищ древнего человека, но и позволяет делать выводы о характере оседлости того времени. Конечно, оседлость в южной полосе Нижнего Поволжья была менее устойчивой, нежели в северной, о чем говорят места поселений, но все же эта оседлость была, хотя бы наподобие оседлости отдельных групп калмыцкого населения в недавнем прошлом, когда они занимались земледелием больше, чем скотоводством. Примером может служить хотя бы бывший хотон Ульдючин, в настоящее время колхоз им. Хомутникова, около которого находятся упомянутые курганы „Три брата“. Население этого хотона свыше ста

лет, по рассказам, не уходило с своего места, поскольку оно занималось, правда, в небольших размерах, земледелием при наличии и скотоводства.

Подведем некоторые итоги.

Мы знаем, что матриархальное родовое общество является высшей ступенью развития родового строя. „...домашнее хозяйство, — говорит Энгельс, — ведется у ряда семейств сообща и коммунистически, земля является достоянием всего племени... Заинтересованные люди сами все решают, а в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал. Бедных и нуждающихся быть не может... Все равны и свободны, не исключая женщин“. Естественное разделение труда в материнском роде, на которое указывает Энгельс, должно было достигнуть своего максимального развития, поскольку с разложением родового строя мы видим и появление общественного разделения труда. Материнский род дает разделение труда на мужской и женский с наибольшей яркостью. Женщина занята в земледелии, перешедшем к ней из ее занятий собирательством, изготавливает глиняную посуду (известны отпечатки пальцев женских рук еще на неолитической посуде), прядет, ткет и шьет. Мужчина продолжает вести охоту, приручает так или иначе захваченных животных, вероятно, сначала только в расчете на использование их мяса, помогает женщине в земледельческих работах.

Важно отметить появление некоторой специализации отдельных родовых групп или объединений—племен на определенных видах производства, как правильно указывает на это В. И. Равдоникас. Этой специализацией часто можно объяснить то, что прежде считали нужным пояснить только миграциями. О значении женщины в материнском родовом строе говорить не будем, поскольку этот вопрос известен, а из археологических материалов мы не можем многого в этом отношении почерпнуть. Здесь выступают материалы этнографического порядка. Достаточно, однако, указать на ту же работу Энгельса, чтобы вопрос о положении женщины в материнском роде стал вполне ясным: мужчина и женщина „являются хозяевами каждый в своей области: мужчина в лесу, женщина в доме“.

Материнский род, надо сказать, не один является характерно выраженным в приведенных археологических памятниках. Нельзя, разумеется, представлять себе последние, как резко разграниченные. В наиболее поздних из ряда древних памятников вообще мы должны различать и такие, которые могут относиться и, конечно, относились к патриархальному роду, так как начало его образования таится в самом развитии материнского рода. Положить здесь резкую грань между отдельными вещественными комплексами нельзя, да и не следует, так как в противном случае мы слишком упрощенно отнеслись бы к историческому процессу.

Следует помнить, что мы изучаем одну первобытно-коммунистическую формацию, объединенную едиными признаками — коллективным производством, коллективным распределением и коллективной собственностью. Далее мы изучаем фазы развития этой формации и в этих фазах или стадиях отмечаем те или другие существенные изменения, ведущие в итоге к появлению другой, новой формации, вследствие развития указанных выше противо-

речий еще неантагонистического характера. Лишь с появлением рабства возникает первая форма классовой эксплуатации, дающая в результате классовую формацию. Причины, ее породившие, лежали в обществе доклассовом, в том, что с отделением земледельцев от скотоводов создается первое общественное разделение труда, как указывал Энгельс. Это общественное разделение труда повело к разложению первобытного общества. Повторяем, что уже в пределах материнского рода появились черты рода патриархального, сначала у скотоводов и позже у земледельцев. Вот почему, между прочим, парные погребения — мужчины и женщины — встречаются изредка в курганах с катакомбным типом погребения и только в позднесрубных — в северной части Нижнего Поволжья — они уже не редки.

Другим примером того, что не следует проводить слишком резких граней в археологическом материале при отнесении его к матриархальному или патриархальному обществу, служит погребение из Криволучья, описанное В. В. Гольмстен⁴⁸). Это погребение, значительно более богатое в сравнении с близкими к нему по инвентарю и характеру, исследовательница не решалась отнести к раннему обществу и, не видя оснований признать его относящимся к феодальному строю, определила, как памятник распада родового общества, т. е. поставила его в слишком поздний ряд известных нам погребений того же типа. Между тем, если рассматривать могильный инвентарь из Криволучья, не поддаваясь общему его воздействию на изучающего, становится ясным, что все отдельные предметы сами по себе весьма древни и соответствуют действительно ранней бронзе, как правильно этот памятник в целом оценила и сама В. В. Гольмстен. Следовательно, у нас нет достаточных данных связывать его с более поздней формой общества, которое проходит долгий путь изменений, развивает общественное разделение труда и, на основе возникающих противоречий, идет к разложению и переходу в новую формацию. Возражения, сделанные В. И. Равдоникасом на высказывания по поводу погребения из Криволучья⁴⁹), правильно, как мы думаем, отрицают связь Криволучья с Майкопским курганом. Кроме того, не приходится соглашаться с В. В. Гольмстен в том, что древнейшие погребения были „оставлены подчиненным слоем той же общественной группы“, т. е. другими словами, будто в эпоху ранней бронзы существовало сильно выраженное социально-экономическое неравенство. Элементы его, как и мы думаем, могут появляться рано, но Криволучье было бы слишком резким фактом.

В погребении из Криволучья мы имеем памятник, который связывается с погребениями в „ступенчатых“ ямах с накатами и с катакомбными погребениями, т. е., другими словами, это погребение принадлежит обществу, характеризующему развитым родовым строем в форме позднего материнского рода, со всеми вытекающими отсюда последующими изменениями общественного строя.

Так, в конце концов, представляются нам начальные стадии истории древнего общества на Нижней Волге — времени существования материнского рода и ранних моментов развития рода патриархального, — на основе археологических материалов.

ОТЦОВСКИЙ РОД

Патриархальное родовое общество характеризуется развитием патриархальной семьи, которая, в конце концов, по словам Энгельса, „С утверждением фактического господства мужчины в доме... сделалась силой и угрожающе поднялась против рода“⁵⁰⁾. Памятники материальной культуры, свидетельствующие, во-первых, о существовании такой формы общественно-экономической структуры, и, во-вторых, о разложении ее и переходе в иную стадию, имеются и в Нижнем Поволжье.

По категориям они почти не отличаются от памятников предшествующего общества, т. е. это — курганы и места поселения; но в число их мы должны, однако, включить уже и городища, древнейшие из них, т. е. такие селища, обитатели которых начинают их окружать валом и рвом, следовательно, сооружениями оборонительного назначения. Смысл появления таких археологических памятников заключается в самом характере патриархального рода, о чем речь будет идти далее. Надо при этом указать, что городища эпохи патриархального рода в южной полосе Нижнего Поволжья отсутствуют; они широко распространены в северной, лесостепной полосе изучаемого района; здесь они встречаются очень часто и должны быть разделены на известные группы, одни из которых будут относиться к более позднему времени и, следовательно, характеризовать иной строй жизни. Селища же встречаются повсеместно, их распространение на южной территории необычайно широко. Зачастую они связаны с курганными группами, дающими инвентарь, аналогичный тому, который находится на селищах или городищах. В большинстве своем селища расположены близ воды, на речных террасах, реже — в глубине территории, причем даже и в этих случаях — вблизи какого-либо источника или небольшого озера. На селищах нередко открывают остатки жилищ типа землянок; кроме того, здесь находят даже погребения, чаще более поздние, но иногда и современные селищу, как это видно по раскопкам в Хвалынском районе Саратовского края, около с. Ивановки⁵¹⁾. Такие же памятники встречаются и на городищах⁵²⁾.

Селища, городища и курганы, которые будут описаны позже, относятся к периоду расцвета эпохи бронзы и к ранней поре эпохи железа, т. е. хронологически их можно определить временем от XIV—XIII вв. до нашей эры и кончая, приблизительно, II веком нашей эры. Места поселений в виде незащищенных селищ нахо-

дятся обычно на луговых террасах около рек и лишь изредка располагаются на высотах, будучи скрыты растущим здесь лесом. Такую картину мы имеем для средней и северной полосы Нижнего Поволжья. В южной части территории эти селища носят характер кратковременных поселений, от них остаются лишь небольшие площадки в степи, опять-таки близ реки, или довольно обширные площадки на дюнах без сохранившегося культурного слоя, в противоположность тому, что имеет место на севере и в средней полосе Нижнего Поволжья.

Мы можем указать несколько наиболее известных селищ лишь в качестве примеров, так как количество селищ вообще чрезвычайно велико. На первом месте стоит так называемое Покровское селище на р. Саратовке, близ г. Энгельса (б. Покровск, Республика немцев Поволжья). Несмотря на то, что селище это было разрушено давно уже производившейся здесь выемкой глины для кирпичного завода, все же можно было установить его размеры и мощность. Оно занимало площадь в 3—4 га, при наибольшей мощности культурного слоя свыше 1 м. В обнаженных выемкой местах — в обрезах почвы — отмечались остатки кострищ и, возможно, следы землянок. Почти ежегодно до 1923/24 г. с селища поступали в огромном количестве фрагменты глиняной посуды так называемых срубно-хвалыньских типов, т. е. от горшков с острыми ребрами, широких горшков в виде украинских „макигр“. Орнамент, относящийся, по терминологии В. А. Городцова, к типу печатных, на этих черепках был весьма разнообразен и представлял различные сочетания геометрических фигур — треугольников, углов, параллельных линий и т. п. По сведениям краеведа Б. В. Зайковского, на селище находили шлак и куски меди. Кроме того, здесь было собрано большое количество костей домашних животных — коровы, овцы и др., а также имелись сведения о находках осетровых шитков.

Покровское селище, керамика которого описана Т. М. Минойвой⁵³), расположено непосредственно около курганной группы, давней как ямные, так и срубные погребения и находившейся также на р. Саратовке. Судя по обширности селища и некоторым данным о находках погребений на месте г. Энгельса, можно вполне допустить, что это же селище было местом поселения и для людей, оставивших другую курганную группу во много десятков курганов, лежащую с юго-восточной стороны города и давшую весьма важные в научном отношении срубно-хвалыньские погребения⁵⁴), а также и другие, скифского, сарматского и золотоордынского времен.

Другое селище, небольшого размера, было открыто нами около с. Усть-Узы, на р. Узе, при впадении ее в р. Суру. Оно лежит на краю левого берега, над поемной долиной, и обладает богатым культурным слоем, насыщенным фрагментами глиняной посуды и костями домашних животных. Селище это было нами обследовано поверхностно во время рекогносцировочного просмотра берегов рр. Узы и Суры в 1926 г.⁵⁵). В настоящее время размеры селища оказались небольшими: часть его оползла, будучи подмыта водой.

Наиболее крупным является огромное селище, которое тянется по правому берегу р. Волги, вверх от с. Ивановки к г. Хвалынску.

А819777

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Оно расположено на довольно низком берегу (первая терраса), который в этом месте выдвигается двумя небольшими мысами к Волге. Северный край его находится приблизительно в 7 км от г. Хвалынска, а вниз по Волге селище тянется далеко. От берега вглубь территории селище протянуто приблизительно на 200—220 м. Во время его обследования, в связи с раскопками, произведенными в дореволюционное время В. Ф. Ореховым⁵⁶), удалось собрать большое количество фрагментов посуды того же типа, что и на Покровском селище, и обломок бронзового ножа⁵⁷). Позже, в 1930/31 г., здесь был найден каменный топор. Кроме того, неоднократно сообщалось о находках на селище обломков точильных камней и зернотерок. Открытое на селище В. Ф. Ореховым погребение, по правильному, как нам представляется, предположению самого В. Ф. Орехова, каким-то образом связано с бывшим здесь жилищем. Раскопка была проведена недостаточно широко, а потому трудно точно установить все обстоятельства, вскрывшиеся здесь.

Судя по значительному количеству плоских камней, служивших то для растирания зерен, то красной краски, по большим и многочисленным крупным сосудам, а также и по отсутствию могильной ямы, действительно напрашивается мысль о том, что погребение оказалось в какой-то связи, может быть случайной, с остатками бывшего здесь жилища. Из находок здесь следует еще упомянуть половинку крупного глиняного кружка, очевидно служившего крышкой для сосуда, и черепок от горшка, орнаментированный прямоугольным чеканом, нанесенным густо и неправильными рядами, начиная от венчика вплоть до стенок. Последняя находка, как увидим, дала основание связывать керамику поздне-бронзовой эпохи с так называемой „рогожной“ керамикой, характерной для эпохи раннего железа.

Обследование района с. Старой Яблонки, в 20 км ниже Хвалынска, на том же правом берегу Волги, показало, что этот район, представляющий собой лишь часть береговой полосы (первая терраса), которая продолжается вверх до Ивановки и вниз (не установлено, как далеко), сплошь покрыт остатками селищ. Здесь же собраны сведения о многочисленных находках на этих селищах: вислообушного бронзового топора, ножей и серпов из бронзы и, наконец, погребения, при котором находился медный кинжал⁵⁷).

В этом же районе, в Липовом долу, было осмотрено селище, названное М. А. Радищевым городищем № 17⁵⁸). Культурный слой достигал здесь почти 1 м мощности и дал те же керамические материалы, что и Покровское или Ивановское селища, затем кости домашних животных и костяное острие в виде проколки. На р. Медведице, в пределах бывш. Саратовской губ., в ряде мест на дюнах, например, у д. Пески, Голицыно и др., были открыты значительные остатки селищ с такими же находками керамики, какие были сделаны на Покровском селище. Кроме того, в 4 км к СВ от с. Ст. Бахметьевки, на р. Жилой Рельне, было осмотрено, с применением пробной раскопки, селище, названное нами Бахметьевским. Оно имеет мощность до 1½—2 м и тянется на несколько десятков метров в направлении от реки к высотам, причем вдоль речки оно лежит на протяжении до 70 м. Здесь были обнаружены

многочисленные фрагменты упомянутых выше типов посуды, глиняные пряслица плоской формы и кости домашних животных.

На р. Колышлее, в Аткарском районе, И. В. Сеницыным в 1933 году было обнаружено селище с остатками жилищ в виде землянок того же типа, как и раскопанная нами в 1929 г. на р. Медведице близ г. Аткарска, в 3—4 км от ст. Красавка Ряз.-Уральской ж. д. Последняя землянка была на краю обрыва, спускающегося к реке, и частично оказалась уже разрушенной вследствие осыпания берега. Внизу, в осыпавшейся почве, были собраны черепки от посуды с характерным резным и чеканным хвалынско-срубным орнаментом, кости домашних животных и бронзовый нож. Землянка имела прямоугольную форму со входом с юго-западной стороны, длина ее до 3,60 м, ширина — 2,60 м и глубина — 1,20 м. Почти посредине, несколько к северу, обнаружен очаг, сложенный из камней и врытый в землю, на котором и вокруг которого найдены уголь и зола, черепки и кости домашних животных—коровы, свиньи и овцы.

Еще одно крупное селище было открыто нами на дюне близ с. Салтово (АССР НП, на р. Еруслане ⁵⁹). Масса черепков посуды, осколки кремней, кремневый наконечник стрелы, бронзовые обломки, пастовые красные бусы, уголь, зольные пятна и остатки гумусного слоя свидетельствовали о бывшем здесь месте поселения, которое в настоящее время в значительной своей части заливаается в половодье р. Ерусланом, а частично развезено.

Наконец, весьма интересное место поселения было открыто в 1933 г. в 3—4 км на СЗ от г. Сталинграда и изучалось Т. М. Минаевой. „Поселение располагается близ верховьев на правом берегу оврага, впадающего в р. Царицу... Мыс, на котором располагается селище, постепенно переходит в волго-донское водораздельное повышение“ ⁶⁰). Судя по описанию, здесь отмечено шесть землянок, одна из которых была раскопана, причем было установлено следующее: „землянка имеет четырехугольную форму, длиною около 12 м и глубиною — 1,60 м с выходом на юг. В центре землянки располагался очаг. Вдоль стен — нары шириною 65 см, слегка покатые внутрь землянки“. Найдено большое количество костей коровы и овцы, а также черепки посуды и остатки проса. Исследовательница определяет открытое ею место поселения временем около 1000 лет до нашей эры, т. е. концом эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. Подобное же сооружение было открыто и обследовано В. В. Гольмстен на Дону близ с. Ляпичева, Сталинградского края.

Таковы селища, известные в качестве наиболее крупных в северной и средней части Нижнего Поволжья, не говоря о ряде более мелких, обнаруженных во время наших археологических обследований. В южной части территории таких мощных остатков мест поселения не встречается, за исключением селищ на дюнах в Приморском районе Калмыцкой республики; здесь они были открыты И. В. Сеницыным „в пристепных ильменах“ ⁶¹).

В то время, как селища в северной части Нижнего Поволжья принадлежали земледельческому населению, быстро развивавшему мотыжное земледелие, такие же памятники в южной части территории, очевидно, принадлежали скотоводам, как правильно гово-

рит об этом И. В. Синецын: „природные условия Приморского района вполне отвечали потребностям скотоводческого хозяйства в более ранние периоды. Пастбища в южной части степи и до сегодняшнего дня доставляют животным главный и единственный корм... В зимнее время сюда перекочевывали со своими стадами овец калмыки-кочевники“⁶¹). Нельзя, конечно, полностью отрицать возможность и земледелия, которое могло иметь здесь место, хотя и в ограниченных размерах, на что указывает тот же исследователь: „по береговым склонам Беровских бугров разводят бахчи, культивируют просо, редко пшеницу“. И во время существования описанных нами мест поселений просо, очевидно, играло значительную роль в земледельческом хозяйстве и, возможно, было главным продуктом питания для древнего земледельца на Нижней Волге. При последних раскопках, производившихся в 1933 г. Т. М. Минаевой около г. Сталинграда и указанных нами выше, в одной раскопанной землянке находилось на нарах просо, хранившееся, по видимому, в глиняном сосуде, осколки которого лежали рядом. Просо было найдено и около очага. Исследователи — Т. М. Минаева и проф. А. Д. Фурсаев (ботаник) указывают, что „просо служило, наряду с мясом... основной пищей обитателей землянок“⁶⁰).

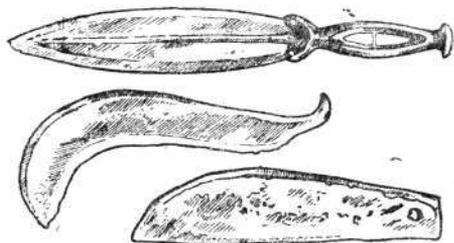
Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что места поселений, открытые в Нижнем Поволжье, при всей недостаточности их исследования, показывают их принадлежность населению, занимавшемуся земледелием, а в южной полосе района — также и скотоводством. Это очень четко подтверждают такие находки, как зернотерки, серпы, крупные сосуды для хранения зерна, даже настоящие ручные мельницы, напр., жернова, найденные местным жителем с. Старой Бахметьевки на упомянутом нами селище на берегу р. Жилая Рельня.

Интересным и важным надо признать исследование найденного проса проф. А. Д. Фурсаевым, опубликованное им в журнале „Советская ботаника“⁶⁰).

Проф. А. Д. Фурсаев приходит к следующим весьма важным, как для археологов, так и для ботаников, выводам. Во-первых, найденный подвид проса — *Panicum miliaceum* L. ssp. *Effusum* Alf. — характеризуется как наиболее скороспелый, хотя и менее засухоустойчивый и урожайный. Вместе с тем, этот подвид наименее требователен к почве и далеко продвигается к северу. Во-вторых, „наличие сорняков в просе... говорит о том, что культура проса уходит еще дальше в глубь истории человечества“. Проф. А. Д. Фурсаев утверждает, что в эпоху существования поселения около Сталинграда велась сплошная обработка почвы, повторявшаяся из года в год на одном и том же месте, и уборка производилась не просто руками, а при помощи орудий, так как уборка руками не могла бы дать значительный процент сорняков, как это имеется в данной находке. Указывая, что находки проса известны еще в культуре неолита и в свайных постройках, проф. А. Д. Фурсаев делает заключение о том, что мнение о происхождении проса из Америки неверно, скорее эта культура попала туда из Старого света.

Ссылка автора работы, приведенной нами, на наличие земледельческих орудий подтверждается материалами Саратовского

музея, а также чрезвычайно интересной находкой подобных орудий жителями с. Сосновой Мазы бывш. Хвалынского уезда⁶²). Это — известный клад, состоящий из 50 целых, 5 сломанных бронзовых так называемых серпов, в разной стадии их обработки, 3 кельтов, долота и слитка меди; он хранится в Государственном историческом музее, а отдельные вещи из него — в Саратовском краевом и Хвалынском районном музеях. Время изготовления орудий, составляющих клад, относится к концу эпохи бронзы, т. е. приблизительно за 1000 лет до нашей эры, если не позднее. Сомнения в правильности толкования орудия из клада, как серпа, возникали уже давно, и, наконец, появилась работа В. В. Гольмстен⁶³) по поводу этих „серпов“, в которой автор рассматривает эти орудия, как косари, употреблявшиеся для рубки мелкого кустарника при расчистке места, предназначенного под посев. Такие места, как думает В. В. Гольмстен, находились на поймах рек, а земледелие отнюдь не носило характера подсечного земледелия. Эти пойменные пашни должны были быть очень удобными, так как „аллювиальные почвы пойм степных рек представляются достаточно плодородными“, вследствие того, что содержат значительное количество гумуса. Одновременно эти почвы являлись „вполне доступными для взрыхления при помощи самых примитивных орудий“. Эти орудия В. В. Гольмстен усматривает в тех плоских камнях неправильно округлой формы, „у которых одна сторона сколота и образует рабочий край, с боков обычно имеются выемки, служившие для привязывания камня к рукоятке“. Есть основания думать, что такие орудия могли употребляться в качестве наконечников мотыг.

Коса, серп и кинжал из сосново-мазинского клада

Считая правильным указание исследовательницы на характер мест для посевов на пойме, мы не можем безоговорочно согласиться с ее истолкованием сосново-мазинских „серпов“, как косарей. Произведенный в Саратовском музее Н. К. Арзютовым опыт употребления этого орудия показал, что оно не может, в силу своей конструкции, быть таким косарем и скорее было небольшого размера косой. Подобным орудием было, повидимому, удобно косить траву в лесистой местности. По своим конструктивным особенностям это орудие вполне отвечает назначению косы, за которую мы и склонны принимать сосново-мазинский „серп“. Что же касается настоящих бронзовых серпов, то они известны довольно в значительном количестве (есть и в Саратовском музее) и по своей форме близки современным железным серпам.

Таким образом, можно утвердительно говорить, что люди, оставившие после себя места поселений — селища, подобные описанным выше, занимались, в качестве основного производства, земледелием в его довольно древней форме, еще не развившейся до плужного земледелия, т. е. мотыжным земледелием. Эта слабость земледельческой техники и побуждала человека использо-

вать пойму, она же в известной мере поясняет, как считает В. В. Гольмстен, и самое устройство поселков на надпойменных речных террасах, поскольку эти поймы были особенно привлекательны для людей. Что касается кельтов из Сосновой Мазы, то было бы правильным считать их мотыгами*.

Второй вид производства состоял в разведении домашнего скота, особенно крупного рогатого, и лишь в небольших количествах лошадей: конские кости составляют очень редкие находки не только на селищах, но и в курганах. Находки грузил, костей рыб, наконечников стрел и изредка костей диких животных указывают на то, что человек еще не расстался ни с охотой, ни с рыболовством, находки пряслиц напоминают о прядении, а отсюда и о ткачестве. Наконец, найденные нижние челюсти коровы, гладко обработанные и истертые, дают полное основание, на основе и этнографических данных, считать их орудиями для обработки кожи.

Мы не могли не заметить, что такая находка, как сосново-мазинский клад, и наличие большего, сравнительно с предыдущим временем, количества бронзовых орудий свидетельствуют о развитии обработки металла. Трудно доказывать в настоящих условиях наших знаний, что Нижнее Поволжье обладало своей медной рудой (скорее этого не было) и что здесь производилась обработка металла в широких размерах. Однако, ряд данных археологического порядка побуждает ставить вопрос и, больше того, решаться утверждать существование такой обработки на месте, т. е. между прочим, и в тех поселках, какие мы знаем. Прежде всего сам сосново-мазинский клад интересен по своему содержанию. Орудия, составляющие клад, представляют собой вещи, еще незаконченные обработкой после их отливки в формах. Лезвия этих кос не отточены, видны затеки металла на изготовленных орудиях. Много отдельных орудий переломлены сознательно на небольшие куски, как будто бы в целях переливки. Получается впечатление, что клад состоит из полуфабрикатов. Кроме того, здесь также найден и слиток меди.

Далее, необходимо обратить внимание на находки литейных форм как в Нижнем, так и в Среднем Поволжье. Мы имеем в виду одну характерную форму, вернее, обломок ее,—для отливки орудия сосново-мазинского типа, найденную близ Куйбышева, на р. Самарке, в 1933 г.⁶³), затем форму для отливки копья, тип которого был найден в кургане № 7 ю.-в. группы около г. Энгельса в 1924 г. Эта форма была найдена в обломке на городище № 13 в бывш. Хвалынском уезде, около с. Старой Яблонки. Можно еще указать на форму для отливки вислообушного топора, найденную в одном из курганов близ Киевки бывш. Землянского уезда, Воронежской губ.; ее фотографический снимок был нами получен из Воронежского музея от С. Н. Замятнина.**

Кроме того, довольно широко известны находки обломков глиняных льячек, а также и своеобразных крупных каменных молотов, несколько экземпляров которых хранятся в Саратовском

* В данном случае мы вполне согласны с толкованием М. Г. Худякова в его работе „Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области“ М.-Лнгр. 1935, стр. 78—79.

** См. фотоснимки, помещенные в ESA, т. I, стр. 75, р. 19 и т. II, стр. 73, р. 47.

краевом музее, куда они поступили, главным образом, из бывш. Камышинского уезда (д. Даниловка) от Б. В. Зайковского. С известной осторожностью следует принять к сведению его сообщение о том, что там, где находили эти молоты, находили также и медные слитки и шлак. Существует мнение об этих молотах, как об орудиях для разрыхления почвы в первобытном земледелии. Но здесь надо обратить внимание на работу Д. И. Лева о горном деле, появившуюся недавно⁶⁴). Говоря о древних разработках меди в Сибири, автор приводит довольно много важных материалов по истории горного дела в древности и дает ряд изображений каменных молотов, употреблявшихся в то время. Помимо молотов, им также упоминаются и каменные песты, медная кирка и пр. орудия и предметы, служившие при разработке рудников. Среди этих вещей есть указания и на керамику, которая представлена глиняной лампочкой и черепками посуды, характерной для эпохи разложения родового строя в древней Сибири.

Д. И. Лев приводит ряд сведений о способах выплавки меди. Например, он указывает, что медь могла выплавляться непосредственно на кострах, как об этом свидетельствуют и этнографические данные. Не редкостью Д. И. Лев считает и находки глиняных сопл от плавильных печей. Между прочим, он приводит сообщение, сделанное ему проф. В. А. Городцовым, о раскопке таких остатков „мастерской“ в Закавказье, где была найдена литейная форма для отливки топора „кобанского“ типа.

Ознакомившись с описанными Д. И. Левом каменными молотами и пестами, мы имеем все основания видеть полное сходство с ними молотов и пестов, найденных на территории Нижней Волги. Сравнительная простота плавки меди, указанная тем же исследователем, находки на Нижней Волге ее слитков, льячек и литейных форм, такие факты, как починка деревянной посуды посредством наложения бронзовых заплаток на них⁶⁵), широкое распространение бронзовых орудий несколько иных типов, чем соответствующие им категории предметов, находимых в Сибири (так называемой Андроновской культуры) или, в частности, в Казахстане⁶⁶), — все это позволяет нам притти к заключению, что выделка бронзовых орудий могла иметь место в Нижнем Поволжье. Нельзя предполагать, что все изделия из бронзы поступали сюда лишь посредством обмена. Скорее обмен давал нужное для изготовления орудий сырье. Несомненно, обмен этот уже имел достаточно развитые формы, но все же не в такой степени, чтобы объяснить поступление бронзовых орудий в Нижнее Поволжье исключительно им. Этому объяснению противоречило бы и то обстоятельство, что керамика Сибири, — например, так называемая Андроновская, — совершенно не имела места на Нижней Волге. Необходимо считаться при этом и с обычным этнографическим наблюдением известной замкнутости отдельных племен, чего не могло не быть в условиях человеческого общества, жившего в глубокой древности в Нижнем Поволжье.

Итак, материалы селищ раскрывают перед нами, хотя и в общих, довольно грубых очертаниях, сложный комплекс древнего хозяйства. Этот комплекс дополняется курганным материалом, достаточно обильным для изучаемого времени.

Что же дают курганы, которые мы можем легко связывать с местами поселений, а частью — с еще более сложными памятниками — городищами? Изучение курганов на этот раз мы начнем с севера и будем продвигаться к югу, так как на севере они представляются очень своеобразными чертами, характерно отличающими их от южных нижеволжских курганов. Это сравнение мы дадим лишь после изучения каждой группы в отдельности. Прежде всего, о так называемых срубно-хвалынских погребениях, давших материалы срубной и хвалынской культур. Некоторые исследователи не склонны отделять понятие срубной культуры от культуры хвалынской. Мы же считаем, что хвалынская культура была своеобразной локальной формой культуры срубной с элементами соседних культур, например, в бывш. Пензенской губернии или в Горьковском крае (так называемая сейминская), или открытой в Батыревском районе Чувашской республики. Это можно объяснить распространением населения и установлением все больших связей между отдельными родовыми группами, усилением обмена.

Конечно, не следует говорить о культурах, как о чем-то особом, свойственном непременно отдельным группам и объясняемом расовыми или иными свойствами и явлениями. Под культурами мы понимаем лишь некоторое своеобразие, выработанное вследствие известной нам первоначальной замкнутости родовых групп. Но в целом для определенной стадии развития общества мы наблюдаем общие черты в материальной культуре, причем можно различать лишь местные варианты этого общего. Таким вариантом, характерным для Нижнего и, отчасти, Среднего Поволжья, и является культура срубная в ее форме, называемой хвалынской.

Типичным погребением для срубной культуры можно считать устройство в могильных ямах деревянных срубов, которые имитируют жилью вроде землянки с крышей. Внутри сруба умерший бывает положен в позе спящего на правом или левом боку, с поджатыми ногами и подложенными под щеку, а иногда просто около лица, кистями рук. Ориентировка в большинстве случаев бывает к СЗ, С и редко к СВ. Вместе с покойником кладут принадлежавшие ему вещи: орудия производства, украшения, посуду и пищу в виде кусков мяса; в большинстве случаев в могилах находят кости ног и нижние челюсти овцы, коровы, очень редко свиньи и еще реже, как исключение, коня. Красная краска встречается здесь уже в незначительном количестве или, как правило, вовсе отсутствует. Примером таких погребений могут служить в северной части Нижнего Поволжья погребения в курганах № 2 в сев.-западной группе, № 9, 10, 13, 20, 21 в юго-восточной группе около г. Энгельса (Покровск) и многие другие.

В своей последней работе В. В. Гольмстен, повидимому, отказывается признавать форму малой скорченности костяков, как форму, указывающую на позу спящего. Мы полагаем, что совершенно не следует отрицать это, как нельзя понимать все формы скорченности в качестве только подражания позе спящего человека. Скорченность следует рассматривать всякий раз в зависимости от разных моментов в мировоззрении древнего человека¹⁸⁶).

Следует особо отметить характерную форму сосудов, найденных в срубных погребениях. В них мы встречаем горшки с реб-

ром, резко обозначенным на переходе от плечиков к бокам — так называемой „острореберной“ формы; орнамент их или резной, или чеканный, геометрических форм, чаще всего в виде треугольников, зубцов и т. п. Таким сосудам сопутствуют простые горшки баночной формы разной величины. Последние изготовлены очень примитивно и не несут на себе никакого орнамента, который свойственен „острореберной“ посуде и который мы видим также и на украшениях — в подвесках от ожерелья — цилиндрических отрезках костей. Бронзовые ножи — предмет, часто встречающийся в срубных погребениях — имеют большие размеры, нежели ножи в ямных погребениях, а форма их более широкая, с небольшими, но широкими черенками и продольным ребром в средней части пластины. Попадают бронзовые иглы (г. Энгельс), ожерелья из зубов животных (там же), бронзовые массивные браслеты и мелкие белые бусинки уплощено-цилиндрической формы, сделанные из костяной пасты (там же).

Срубные погребения, с нашей точки зрения, зародившись на основе древнеямных, представляют собой погребения, характерные для времени перехода от матриархальной формы родового строя к патриархальной. Они тесно связаны хронологически с поздне-катакомбными в южной части Нижнего Поволжья, пройдя через стадию А хвалынской культуры на севере изучаемой территории подобно тому, как катакомбные прошли от древнеямных через стадию погребений в „ступенчатых“ ямах с накатниками. Развитие южного типа погребений пошло в сторону устройства могил катакомбного типа, а развитие северного типа могил — в сторону изготовления срубов, поскольку в лесистой части Нижней Волги землянки с надземными деревянными перекрытиями — крышами занимали все большее место в сравнении с древними землянками — ямами, прикрытыми плахами. Это явление особенно подчеркивается устройством мощных срубов в курганах, которые содержат погребения стадии С хвалынской культуры, как мы их определяли в своей первоначальной схеме.

В качестве примера можно указать на погребение 3 из кургана № 7 в ю.-в. группе около г. Энгельса (б. Покровск) или на погребения 2 и 3 в кургане № 15 (там же)⁶⁷. В погребении 3 кургана № 7 мы видим обширный сруб с поддерживающими крышу столбами, стоявшими посредине ямы. Покойники лежат в могилах на боку, слегка скорченные, часто парами, или могила женщины устраивается рядом в том же кургане (сравн. кург. № 7 и № 15). В таких погребениях встречается довольно большое количество вещей, например, костяные и кремневые наконечники копий, бронзовые ножи, шилья, украшения из бронзовых пронизок кольчужного типа (см. курган № 15 близ Энгельса), подвески к ожерельям, височные кольца в виде спиралей, бронзовые иглы, разнообразные глиняные сосуды с небрежно нанесенным орнаментом, особые горшочки в виде курильниц с крышками, кости домашних животных,

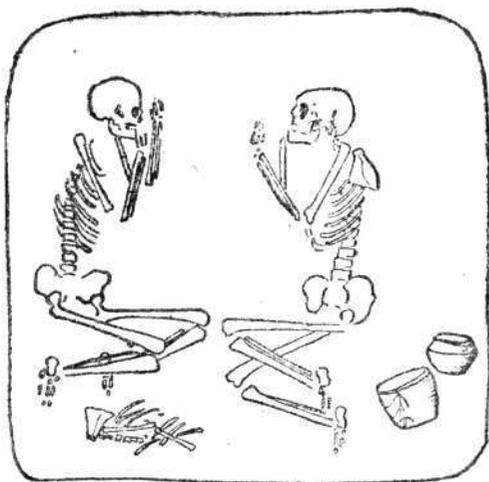
Глиняный сосуд из срубного погребения

в том числе лошади, наконец, деревянная посуда в форме чашек и блюд.

Парные погребения часто уже резко подчеркивают подчиненное положение женщины, являющейся в погребении как бы частью инвентаря (сравни погребение в кургане № 37 в ю.-в. группе около г. Энгельса)⁶⁸). Эти погребения (стадия С хвалынской культуры) имеют по своему типу (но уже без срубов, с аналогичным инвентарем) сходство с более поздними — позднейшими погребениями эпохи бронзы и, очевидно, начала железа, т. е. времени окончательного разложения родового строя и перехода к сельской, территориальной общине, когда родовые курганные кладбища принимают вполне отчетливый вид. Для северной части Нижнего Поволжья можно указать такие погребения, как в кургане № 3 около

Чардымского городища, в 40 км от Саратова вверх по Волге⁶⁸), для южной части территории — погребения 3 и 4 в кургане № 4, в 1 группе „Три брата“, в Калмыкии⁶⁹).

Эти погребения представляют собой могилы глубиной от 1—1,20 м, прямоугольной формы, в которых покойник лежит слабоискорченным, в позе спящего, на боку, ориентированный головой к С или СЗ. Вещей при покойнике обычно немного: горшок простой баночной формы, спиральные височные кольца из желобчатой пластинки, костяные наконечники стрел, метательные каменные шары. Часто погребения встречаются парами. Из

Парное погребение из Чардымского кургана

костей домашних животных встречаются здесь кости овцы, коровы и в северной части территории, например, около Чардымского городища — свиньи.

Время поздних хвалынских срубных погребений мы относим к 1200—900 гг. до нашей эры, а их непосредственное продолжение — наиболее поздние погребения описанного типа — к тому же почти времени — вплоть до 800-х годов до нашей эры. Такие погребения представляют собой последний этап перед появлением погребений, относящихся к скифскому времени на юге и времени развития городищ — на севере. Отметим, что встречаемые повсеместно в Нижнем Поволжье так называемые погребения в насыпях, по терминологии В. А. Городцова, относятся, как можно полагать, к тем же погребениям хвалынской культуры в наиболее поздней форме ее и характеризуют наступившее и ясно различаемое экономическое расслоение в родовом обществе.

Действительно, если мы ознакомимся с инвентарем этих погребений, то убедимся, что он не дает ничего нового в сравнении с инвентарем описанных погребений позднего хвалынского типа,

но значительно беднее. Если керамика последних представлена вазообразными сосудами и баночными, то погребения в насыпях дают только баночные сосуды. Ножи встречаются очень редко, как и другие вещи. Примером таких погребений может служить хотя бы погребение 1 в кургане № 1 на реке Деркуле, притоке р. Урала ⁶⁹). Редчайшим исключением следует считать лишь погребение 8 в кургане близ с. Улан-Эрге в Калмыкии ⁷⁰). Здесь было найдено ожерелье, состоящее из 12 сердоликовых шаровидных бус, и 5 пронизок в виде литых, вероятно, серебряных сплюснутых трубочек.

Переходя к следующего вида памятникам—городищам, необходимо заметить, что северная часть Нижнего Поволжья необычайно богата этого рода памятниками. Расположенные на мысах, образуемых оврагами, и защищенные валами и рвами, городища представляют собой небольшие укрепленные поселки, состоящие из хижин или землянок. Здесь же укрывался и скот, как это видим, например, в Чардымском городище Саратовского края ⁷¹). Нижние слои подобных городищ дают материалы, которые свидетельствуют о связи их с курганами эпохи бронзы, т. е. с так называемой хвалынской культурой. Городища относятся не только к более позднему времени, но и ко времени существования курганов поздней поры бронзовой эпохи ⁷²). Доказательства связи городищ с курганами, с их инвентарем, в частности, заключаются в керамике (срубно-хвалынского типа) и в отдельных находках, например, кремневого наконечника стрелы, найденного на Алексеевском городище близ Саратова, на правом берегу р. Волги ⁷³) и др. Эти городища не принадлежали какому-либо народу, мигрировавшему на Среднюю и Нижнюю Волгу откуда-нибудь, но относились к обществу, которое жило здесь еще в течение времени, определяемого эпохой бронзы. Можно предполагать, что в некоторых случаях древние селища в более позднее время обносились частоколом-изгородью и валом.

Небольшие в сравнении с более поздними городища особенно характерны для приволжской полосы Нижнего Поволжья, где они отмечаются, в особенности от Хвалынска до Саратова, чуть ли не на каждом мысу, выступающем над Волгой, и на высотах вдали от берега (как, например, городище № 1 по списку М. А. Радищева). Здесь, на расстоянии 20—22 км от г. Хвалынска до с. Старой Яблонки, насчитывается минимально 17—18 городищ, занимающих отдельные высокие точки на холмистой гряде, идущей над первой террасой у Волги. Форма городищ зависит от места, избранного для их сооружения, и в большинстве своем представляет в плане треугольник, неправильную трапецию или овал, в зависимости от того, занимает ли городище мыс, образуемый реками или оврагами, или вершину холма. Напольная сторона таких городищ, обычно, ограничена валом и рвом, иногда двойными и даже тройными. В раскопках вала можно открыть остатки палисадов, окружавших поселение.

Если керамика нижнего слоя почвы на городищах часто дает указания на связь с хвалынской культурой, то верхние слои дают особый, на первый взгляд, тип керамики; это—простые и грубые горшки с своеобразным орнаментом, так называемым „рогожным“ и „сетчатым“, т. е. сделанным будто бы отпечатками рогож и

грубых тканей, а также довольно крупные горшки с фестончатыми краями, без орнамента. В этом „рогожном“ орнаменте следует видеть грубый сплошной узор, нанесенный чеканом такого рода, какой известен в орнаментике срубно-хвалынской посуды; с другой стороны, можно действительно подметить орнамент, исполненный посредством тканей и рогожи. Поэтому „рогожную“ керамику, которую мы находим на городищах Нижнего Поволжья, мы называем псевдо-рогожной, не отрицая полностью орнамента второго рода, которого, однако, на Нижней Волге мы не видим. Опыты, проведенные в Саратовском краевом музее, показали, как этот орнамент производился⁷⁴). Самая связь керамики этого времени с более ранней,—эпохи бронзы,—была нами установлена в 1923 году⁷⁵); это было позже подтверждено работами Н. К. Арзютова и Б. С. Жукова, причем первый обосновал предположение постановкой опытов, а второй привлек новые материалы.

Если отбросить чисто формальные элементы и всмотреться в материал во всем его историческом комплексе, то мы еще более твердо установим такие связи. Дело в том, что развитие патриархального рода и его последующее разложение и переход в новую форму сельской или соседской общины, естественно, не допустит резкого отделения такого памятника, как городище, от незащищенного места поселения. Наоборот, на нем отразится вся история разложения патриархального рода, когда отдельная семья делается силой и, по словам Энгельса, угрожающе поднимется против рода. На этом моменте—образовании городищ, характеризующихся керамикой с псевдорогожным орнаментом, мы считаем необходимым остановиться.

Мы имели в виду указать на их появление на месте селищ, отмеченных в связи с курганами позднего времени бронзы, или на новых местах,—с учетом их оборонительных задач, свидетельствующих о каких-то изменениях в социально-экономической структуре общества. В южных частях Нижнего Поволжья мы не встречаем для этого времени подобных памятников. Здесь, в силу степных условий жизни, население, переживая тот же процесс развития, показывает нам иные формы своего быта. Другими словами, в северной части территории мы встречаемся с развитием земледельческого общества, тогда как на юге мы видим полупастушеское общество, занимавшееся в небольших размерах и земледелием, а позже ставшее кочевым. Разложение патриархального рода здесь проходило медленнее и выливалось в несколько иные по внешности формы, нежели на севере, где это разложение шло быстрее. К этому же моменту относится и появление племен, имена которых становятся нам более или менее известными, хотя часто они еще включают ряд отдельных групп, которые впоследствии выделяются под иными именами.

Таким образом, постройка укрепленных мест поселения свидетельствует о разложении отцовского рода в лесостепных и лесных местностях, где укреплялось земледелие.

Какие же выводы мы можем сделать из археологических материалов эпохи бронзы, имеющих в нашем распоряжении? В общих чертах повторим главнейшее. Во-первых, существовали сравнительно небольшие открытые места поселений — селища, культур-

ный слой которых очень невелик, лишь в северных частях Нижнего Поволжья достигающий 1—1½ метра мощности. Основной материал его—керамика, представленная более или менее крупными горшками. Во-вторых, видим землянки, переходящие в надземные сооружения из дерева (на севере) или крупные землянки с накатами из плах, либо с нишами-подбоями („катакомбы“) (на юге). В-третьих, появляются места поселения, огороженные и защищенные валом и рвом; в более позднее время укрепления эти становятся мощнее (по 2—3 вала и рва), и сами городища по своим размерам увеличиваются. В-четвертых, наблюдается большее количество погребений однородного характера в отдельных курганах, равно как и чаще встречаются парные погребения мужчины с женщиной, а иногда и коллективные погребения, состоящие из нескольких костяков. В-пятых, такие погребения начинают на севере территории напоминать кладбища: число могил одного времени и характера в одном кургане доходит до 10—12 (ср. Чардымский курган). В-шестых, мужские и женские погребения сопровождаются инвентарем, четко говорящим о роде занятий умерших. В-седьмых, известна металлообработка и земледелие с применением ряда орудий, появляются в большом количестве мелкий скот, а на севере — свинья. Отмечается также присутствие лошади, кости которой впервые встречаются в могильном инвентаре мужчины. Наконец, в-восьмых, можно констатировать факты появления вещественных памятников культуры, которая указывает на их импортный характер, т. е. имеются доказательства развивающегося обмена.

Из всех этих кратких данных вытекает ряд выводов о структуре общества, для которого характерной чертой прежде было наличие матриархата или раннего патриархата. Теперь этот строй переходит в иную форму. Появляются постоянные места поселения, переходящие в защищенные „городки“. Мужчина становится впереди женщины, которая играет второстепенную роль, занимаясь домашним хозяйством и предоставляя мужчине значительную долю забот о земледелии, помимо уже бывшего в его руках приручения животных. Если женщина жнет, прядет, шьет, изготавливает посуду, готовит пищу, в частности печет хлеб (зернотерка в женских погребениях), и заботится о детях (погребения женщины с детьми), то мужчина охотится, сражается, обрабатывает землю и пасет стада. Эти стада первоначально были полудикими, подобно современным стадам оленей на севере и Дальнем Востоке СССР. Мужчина же заботится о безопасности своих родичей и, в первую очередь, о своей семье. Он же производит, как и женщина, ряд вещей, часть которых обменивает с тем, чтобы получить необходимые ему другие предметы.

Если принять во внимание этнографические материалы, следует отметить, что, повидимому, некоторые предметы быта и хозяйства можно было приобрести только посредством обмена, например, посуду. Несомненно, в начале эпохи и металлические предметы в значительной степени попадали в Нижнее Поволжье путем обмена. Этим же явлением следует, как нам кажется, объяснить и влияние, усматриваемые в том, что принято отличать в качестве особых „культур“. С другой стороны, нельзя не допу-

скать и некоторого увеличения населения, что побуждало его занимать все большие и большие пространства. Это—не миграция, не смена одного населения страны другим, но лишь естественное продвижение, встречи, взаимосвязи, которые, в конце концов, вели от существования чуждых отдельных предметов материальной культуры к новому комплексу, отражающему изменение *иногда в составе населения* и изменение *всегда в социально-экономическом отношении*,—стадиальное изменение. Однако, такое изменение редко бывает резким и может объясняться в таких случаях и проникновением чуждого племени, т. е. действительно миграционным моментом, но неизмеримо чаще тем, что накопление нового дает в итоге новый тип так называемой культуры.

Неполная оседлость населения Нижнего Поволжья в эпоху материнской формы родового строя объясняется необходимостью перехода на новые места для земледелия, так как обрабатываемые почвы могли быстро истощаться. С другой стороны, пастушеская форма скотоводства, т. е. наличие небольших стад, позволяла еще не переходить к кочевому скотоводству и, следовательно, оставаться при оседлости, хотя бы и неполной. Эта неполная оседлость характерна сначала для всей территории Нижней Волги до тех пор, пока не разовьется скотоводство до его кочевого состояния на юге, а земледелие в более высокой форме не создаст условий для прочной оседлости в северной части ее. До этого времени нельзя предполагать интенсивного разделения труда, но, как правильно отмечает В. И. Равдоникас, необходимо допустить существование межгруппового разделения труда,—например, добывание медной руды и литейное производство, причём, повидимому, существовали уже и обособленные центры металлургии, на что указывают, хотя и косвенно, находки кладов ⁷⁶⁾.

Следовательно, селища, нами указанные, подтверждают предположение еще о полуоседлом быте людей, но увеличение размеров селищ, большая мощность их культурных слоев, более сложные жилища, крепче устроенные, наконец, переход к защитным сооружениям говорят о том, что оседлость укрепляется; вместе с тем появляются новые элементы в структуре общества, требующие что-то защищать и охранять. Появление при костяках в курганах вещей, при этом увеличение числа последних, указывает на черты иной, не коллективной, а уже частной собственности. Вместе с тем такое подтверждение существования частной собственности мы находим в парных погребениях; самая поза похороненной женщины говорит об ее подчиненности, которая была немислима в материнском роде. Наличие большого количества могил в кургане создает убеждение о существовании родовых курганов, вернее, родовых кладбищ: курганом такого типа владеет один род, одна семья такого рода, но семья, уже начавшая обособляться. Впрочем, этот последний момент пока еще слабо отмечается, его развитие—дело будущего.

Наличие характерного инвентаря при мужских и женских костяках весьма определенно и убедительно свидетельствует о разделении труда, при явном подчинении женщины мужчине. Мы как бы присутствуем при той революции, которая, по словам Энгельса, была одной „из самых решающих, какую пережило человечество“ ⁷⁷⁾.

Это был переход от материнской формы рода к отцовской, т. е. от матриархата к патриархату. Эта революция „целиком завершилась в доисторическую эпоху“,—указывает Энгельс, и „ниспровержение материнского права было поражением женского пола, имеющим всемирное историческое значение“. Увеличение находок костей домашних животных, особенно овцы, в могилах подтверждает это мнение, так как самое наступление патриархальной формы рода объясняется развитием скотоводства и образованием собственности мужчин на скот, а находки металлических орудий и кладов, доказательства существования ткачества (пряслица и ткацкие грузила) еще более подчеркивают и утверждают это явление. „Первый результат установившегося таким образом единовластия мужчин (находки, возможно, знаков власти — каменных булавы — П. Р.) сказывается в том, что с этих пор появляется промежуточная форма—патриархальная семья“.

Энгельс далее указывает, что порабощение мужчинами женщин является первым классовым угнетением. Впрочем, и это определение относится к более позднему времени, нежели то, которого мы касаемся сейчас. Именно, сейчас мы рассматриваем сложившееся патриархальное общество, когда отдельная семья еще не встала угрожающе против рода.

Необходимо также обратить внимание и на указание Энгельса о том, что родовой строй в его высшей форме „предполагал в высшей степени неразвитое производство, следовательно, крайне редкое население на обширном пространстве, следовательно, почти полное подчинение человека

враждебно противостоящей ему, непонятной внешней природе, что и отражается в младенческих религиозных представлениях“.

Эти замечания Энгельса прекрасно подтверждаются археологическими памятниками. Так, малочисленность населения на обширном пространстве Нижнего Поволжья от Урала до Хопра и от Каспийского моря до р. Суры объясняет относительно незначительное за несколько тысячелетий количество курганов, оставшихся от эпохи бронзы, в сравнении с огромным числом курганов последующего времени.

Второе замечание Энгельса о младенческих религиозных представлениях, существовавших в то время, дает основание указать на такие находки, сделанные И. В. Синицыным в 1930 г. на р. Колышлее ⁷⁸⁾ и позже нами совместно с ним там же, как два человеческих изваяния, высеченные с исключительной примитивностью из камня. Они стояли над покойниками в могильных ямах и, очевидно, представляли собой предков умершего. Другая находка таких двух изваяний была отмечена нами в Калмыкии во время нашей экспедиции в 1929 году ⁷⁹⁾. Несколько иной памятник, который следует также связывать с религиозными представлениями, был открыт нами на Алексеевском городище, на правом берегу Волги близ Саратова ⁸⁰⁾.

Человеческое изваяние в могильной яме

Здесь, в довольно крупной землянке, в центре ее, находился большой круглый очаг, сложенный из плиточных камней, сильно потрескавшихся от разводившегося на них огня. В очаге среди золы, угля, черепков посуды срубного типа, костей домашних животных лежали обрубленные большая и малая берцовые кости человека. Они лежали в естественном соотношении друг к другу, т. е. другими словами, представляли обрубок ноги. Рядом с очагом обнаружен костяк человека, лежавший с распростертыми руками. Был ли это в данном случае пленник, убитый жителями городища и съеденный ими, или он являлся жертвой ритуального характера, трудно сказать. Но находка обрубленных костей явно свидетельствует о бывшем тогда людоедстве с ритуальными целями. Мы еще очень немного знаем о религиозных представлениях эпохи; о них говорит лишь весь похоронный ритуал, который дает ряд черт, указывающих на анимистические воззрения человека древнего родового общества, поскольку мы находим в могилах вещи, пищу для покойника и имитацию жилища.

Замечания, сделанные в цитированной нами выше работе В. В. Гольмстен¹⁸⁶), здесь особенно следует принять во внимание. Не следует игнорировать и орнаментики, какую мы знаем по керамике и костяным подвескам к ожерелью. Геометрический орнамент, известный по посуде срубно-хвалынского типа, имеет своим происхождением, конечно, орнамент, дающий представление о животном мире, т. е., вероятно, связан с тотемизмом. Но первоначальные формы его настолько глубоко лежат в прошлом, что этот геометрический орнамент уже не может быть легко расшифрован. Единственным исключением можно считать лишь изображение свастики, в ее наиболее яркой форме открытой на одном черепке с селища в бывш. Хвалынском уезде. Крестовидные же изображения попадаются более часто: в качестве примера можно указать на сосуд из кургана № 3 близ Фриденберга⁸¹). Вообще же вопрос о смысле и содержании орнамента, применявшегося очень широко в срубно-хвалынской культуре, заслуживает большого внимания и ждет своего специального исследования, особенно в связи с привлечением этнографических материалов.

Возвратимся, однако, к вопросу об экономическом состоянии патриархального общества на Нижней Волге. Большая роль, которую играет скотоводство у племен, живших на юге Нижнего Поволжья, совпадала с той же ролью, какую играло скотоводство в причерноморских степях в процессе развития патриархальных отношений. Если В. И. Равдоникас достаточно убедительно говорит об этом в отношении к „кимерам“ юга России, т. е. к населению, стоявшему на стадии кимерской, по терминологии академика Н. Я. Марра, и видит в этом явлении причину „ликвидации оседлого земледельческо-пастушеского образа жизни“, то это же самое следует сказать и о населении южных частей Нижнего Поволжья. И там и тут, в равной степени, патриархальные семьи идут по одному пути развития, стремясь увеличить поголовье скота, как основного вида своего богатства, своей силы, давшей патриархату перевес над матриархатом. Мы видим и появление вождей, являющееся следствием возникновения частной собственности. Погребения таких вождей можно указать, например, в могиле

2 кургана № 7 из ю.-в. группы близ г. Энгельса. Даже в таких местах, более северных, этот процесс вполне заметен. Другой пример погребения, очевидно главы семьи, можно указать в кургане близ с. Синодского, Петровского района, раскопанном в 1923 г. работниками Петровского музея. Погребения, где костяки лежат с каменными, изящно изготовленными булавами, не столь уже редки. Вот почему мы связываем патриархальный род полностью со временем, представленным поздними погребениями эпохи бронзы.

Нельзя, наконец, не отметить такого явления, как обмен. Этот междуродовой обмен чрезвычайно ярко сказывается в указанную эпоху, выявляясь в привозных вещах икладах, подобных сосново-мазинскому. Такие факты, бесспорно, относятся к патриархальному роду, когда имелись все предпосылки для возникновения обмена. Известно, что эти предпосылки могли возникать в условиях общественного разделения труда, приобретающего большую интенсивность. С выделением пастушеских племен, как указывает Энгельс, произошло первое крупное общественное разделение труда. Эти племена имели не только больше продуктов питания, но и „...шкур, шерсть, козий пух и все возрастающее с увеличением массы сырья количество разных тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен (подчеркнуто нами — П. Р.). На прежних ступенях развития мог иметь место лишь случайный обмен“. Этот обмен был обменом внутривидовых общин. Скот являлся главным предметом обмена уже между родовыми общинами, а с ним вместе пошли в обмен и другие предметы. Энгельс рисует дальнейшую культуру „из достижений в области промышленной деятельности“ патриархального общества, когда вместе с развитием земледелия появляется ткацкий станок *, плавление меди и обработка металлов (вспомним находки каменных молотов и слитков меди) и, наконец, изготовление предметов украшений.

Далее, мы должны иметь в виду такие археологические памятники, как наиболее ранние городища. Городища являются ярким свидетельством изменявшихся отношений. Материнский род, основанный на коммунистической собственности, не имеет оснований эту собственность охранять, поскольку ни один член такого рода не рассматривал ничего в качестве личного имущества, но видел его во владении всех членов рода, как это имело место, по описаниям Л. Моргана, напр., у северо-американских индейцев. Патриархальный строй, сломивший устой материнского рода, пришел, как мы хорошо знаем, к иному взгляду на собственность, хотя в первоначальном своем моменте мало отличавшемся от взгляда, свойственного матриархальным отношениям.

Развитие земледелия и рост скотоводства, возникший и все более развивавшийся обмен, начавшее занимать особое место ремесло привели, как известно, к главенству мужчины и созданию, в конце концов, отдельной семьи, как экономической единицы. Она, в зависимости от своих удач, экономически становилась сильнее в то время, как другая семья того же рода слабела. Это экономическое неравенство, выявляемое курганными основными погре-

* Чрезвычайно интересный образец ткани был открыт нами при раскопках центральной могилы в кургане 9, 1 гр. „Три брата“ в Калмыкии в 1935 г., которая дала прекрасные отпечатки тяжелой ткани с геометрическим узором.

бениями в родовых курганах или „впускными“ погребениями (всегда с бедным инвентарем), является несомненным признаком становления нового вида собственности, — частной собственности. Последняя, выдвигая своих защитников, создает вождей рода, которые, с одной стороны, охраняют род, а, с другой — стремятся экономически подчинить себе более слабые семьи.

Таким образом, в городищах мы узнаем те места поселения, которые были предназначены для охраны не только рода, но и отдельных семейств, главы которых были вождями. Городища, под защитой которых очень часто расположены селища, показывают нам, как устраняется на нем население во главе с вождем. Обычно на площади их мы замечаем ряд землянок, видим несомненные признаки содержания здесь стада, этого богатства родового общества, и признаки общественного разделения труда. Особенно хорошо выявляются занятия женщин домашними работами. Находки изредка оружия указывают на роль мужчины.

Археологические материалы, к сожалению, не дают нам возможности выявить, в какой степени существовало на Нижней Волге патриархальное рабство. Мы уже упоминали о том, что некоторый намек на наличие убийства пленных наши материалы все-таки дают. Это обстоятельство позволяет допускать, что пленные в дальнейшем могли быть той рабочей силой, о которой говорит Энгельс: „Представлялось желательным привлечение новых рабочих сил. Война доставляла их: военнопленные стали обращаться в рабов“. В данном случае рабство могло быть только в зачаточной форме и носить черты рабства чисто патриархального*.

Последним этапом в истории патриархального родового общества, некогда жившего на территории Нижнего Поволжья, должно было быть окончательное разложение этого рода, т. е. зарождение и развитие сельской общины или общины соседской, территориальной. Обратимся к археологическим памятникам на Нижней Волге и посмотрим, в какой мере они подтверждают этот момент существования данного общества. Этими памятниками являются прежде всего городища, характеризующиеся керамикой с так называемым рогожным орнаментом, о котором мы уже упоминали. Между прочим, вопрос о взаимоотношениях находок керамики хвалынского типа с находками „рогожной“ керамики сам по себе является одним из интереснейших в археологии юго-востока европейской части РСФСР, так как он должен разрешить окончательно проблему древних городищ и их отношения к срубнохвалыньскому археологическому комплексу.

Обращаясь к этим городищам, необходимо прежде всего указать, что они расположены в лесостепной и лесной полосах восточной Европы, а в Нижнем Поволжье занимают северные его районы, где развивалось древнее земледелие, становясь основным признаком хозяйства в противоположность югу Нижней Волги, где полуседелье земледельцы-скотоводы превращались в кочевников и основным видом их хозяйства было кочевое скотоводство.

* Указанное в предыдущей сноске центральное погребение в кург. 9, I гр. „Три брата“ в Калмыкии дало нам, как полагаем, несомненные доказательства роста рабства и на Нижней Волге в конце эпохи бронзы.

Городища, характеризующиеся присутствием в них культурных слоев с так называемой „рогожной“ керамикой, относятся именно к тому типу общества, которое можно назвать земледельческим, представленным очень поздним моментом патриархального строя, когда создаются условия для выделения семьи из рода. Разобщение интересов таких семей ведет, однако, к тому, что семьи разных родов, территориально соседящие друг с другом, находят общие интересы, уже не родовые, а соседские, и объединяются в сельские или соседские общины. Таким образом, порываются кровнородственные связи, некогда служившие основой общества, и возникают иные связи, чисто экономического значения, между соседними семьями, принадлежащими к разным родам, основанные на *общем* владении землей. Однако, частная собственность уже преобладает над общей, что приводит к падению первобытно-коммунистического общества, к переходу его в иную формацию. Здесь лежат корни той революции, которая взорвет старые формы и создаст новые, т. е. произойдет скачок, который приведет к созданию классового общества, элементы которого зародились и росли в обществе доклассовом.

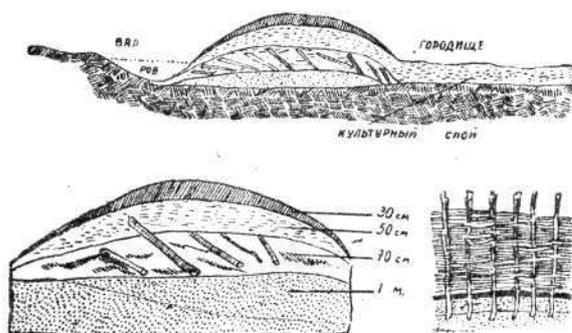
Вот этот момент, характеризующий сельской или соседской общиной, и представлен в северной половине Нижнего Поволжья городищами с керамикой „рогожного“ типа, являющимися памятниками разложения родового общества. Городища характерны и для северных, соседних с Нижним Поволжьем, районов, как например, района Самарской луки ⁸⁴⁾ или Окского района. Здесь мы видим подобные же городища, вроде Городецкого или Дьякова городища под Москвой. Время их существования—эпоха железа в ее ранней стадии. Появление таких городищ относится к IX—VIII в. до нашей эры, а их развитие—к VII в. до нашей эры и вплоть до первых веков нашей эры, когда они сменяются городищами другого типа, о чем мы будем говорить позже.

Древнейший начальный период существования городищ отмечен нижним слоем почвы их, характеризующимся керамикой эпохи бронзы—так называемой хвалынской типа, о чем мы уже говорили. Что же касается времени развития таких городищ, здесь мы имеем иные характерные черты, и прежде всего обращает на себя внимание керамика с так называемым „рогожным“ орнаментом. Невьясненная до сих пор причина привела орнамент, типичный для срубно-хвалынской посуды, к его, так сказать, извращению в виде крайне небрежного нанесения на стенки сосудов чеканных узоров, свойственных посуде раннего времени, но без всякого чувства меры и интереса к орнаментике, значение которой уже было забыто. Произведенные Н. К. Арзютовым опыты показали, что орнаментация сосудов выполнялась тем же чеканом, который был известен и хвалынской керамике, очень быстро, несмотря, казалось бы, на значительное поле сосуда, покрываемое чеканом.

В культурных слоях городищ, т. е. в гумусе, находятся, помимо керамики, такие предметы, как глиняные разнообразной формы пряслица, грузила для ткацких станков вертикального, древнего, типа ⁷¹⁾, глиняные бусы, льячки, костяные поделки вроде наконечников стрел, шильев, игл, скобелей, кости домашних животных—коровы, овцы, лошади. Находят также кости и чешую рыб,

осетровые щитки и кости диких животных, например, лося, но в небольшом количестве по сравнению с костями домашних животных. Нередки находки жерновков, точильных камней и небольшого количества железных орудий, например, ножи, пещни и т. п.

Наряду с керамикой „рогожной“ в верхних слоях почвы встре-

Разрез вала на Чардымском городище

чается и керамика „ло- шеная“, указывающая на какие-то связи изучаемой территории, существовавшие в то время с более южными районами. Обращают на себя внимание находки обожженных кусков глины с отпечатками прутьев. Это — остатки обмазки хижин и плетней, существовавших на городищах. Последние, как мы уже отме-

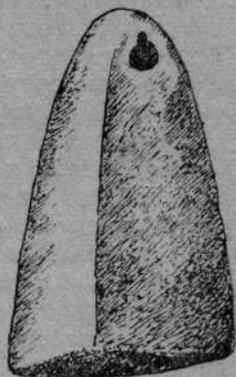
чали, обыкновенно невелики по своим размерам, в среднем до 70—80 м в длину при ширине до 50—60 м или немного более. На таких городищах раскопками устанавливается существование нескольких—до десятка—жилищ. Эти жилища, как показало Чардымское городище, находящееся в 40 км от Саратова вверх по Волге, представляли собою хижины, четырехугольные в основании, при длине стороны до 4 метров. Постройки были несколько углублены в почву и обсыпаны землей (завалинки). Они расположены по 3—4 рядом. За ними—на дальнем краю городища—помещался скот. Почти в центре хижины, ближе к южной стене, устраивался очаг из камней. Стены, изготовленные, судя по остаткам, очевидно, из плетня, обмазывались затем глиной.

Более древние постройки представляются в виде глубоких землянок, как это можно было видеть на Алексеевском городище около Саратова. Городища всегда были укреплены валом, достигавшим 2,50 м высоты, при ширине до 6 м, и рвом—до 2 м. На валу, как мы уже говорили, стоял палисад в виде плетня, укрепленного мощными столбами, врытыми в глиняный слой, наложенный поверх земляного вала и некогда обожженный для придания ему большей крепости. Столбы стояли в два ряда, как показала раскопка вала на Чардымском городище. Въезд в городище не был широким, а мыс, на котором стояло поселение, имел обрывистые склоны вследствие срытия земли. Описанное городище, в данном случае Чардымское, характерно вообще для городищ Нижнего Поволжья по своему устройству и по своему инвентарю.

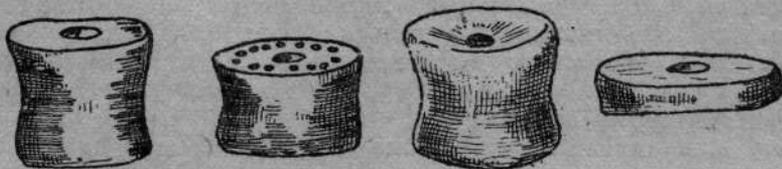
Что же в итоге, на основании имеющихся археологических материалов, мы можем сказать о хозяйственном быте людей, владевших этими древнего типа городищами? Прежде всего надо иметь в виду отсутствие на них обыкновенно инвентаря, изготовленного из дерева. Он не сохраняется или остается лишь в крайне незначительных фрагментах. Однако, такие остатки, как столбы от изгороди, куски обожженной глиняной обмазки плетня, части

стропил от построек, самые ров и вал городища указывают на употребление лопат и заступов; очевидно, были и некоторые плотничные инструменты, вроде хотя бы топоров и долот. Пирамидальной формы глиняные ткацкие грузила говорят о возможности изготовления рогож и цыновок. Так, по крайней мере, они употреблялись у казахов до последнего времени. Находки осетровых щитков и костей крупной рыбы, которая ловится вдали от берегов, дают право предполагать существование лодок, скорее всего однодеревок. Наличие железных орудий, наряду с находками глиняных лячек, указывает на то, что среди населения были уже ремесленники-кузнецы, так как литейное дело потребовало особой подготовки людей к этому занятию.

Железные и костяные шилья и костяные скобели, сделанные из лопаток животных, являются прямым свидетельством того, что жители городищ умели обрабатывать кожу, следовательно, изготавливать из нее некоторые предметы, не говоря уже об одежде и, возможно, обуви, подобной, например, той, которая была найдена в могильнике XIII века Н. К. Арзютовым в г. Аткарске⁸²). Глиняные пряслица и грузила дают представление о женском труде—прядении, ткачестве и плетении и, вместе с тем, указывают и на использование шерсти овец; это, с другой стороны, подтверждается фактом находок костей овцы в слоях почвы городища. Попутно заметим, что грузила иногда считают также и принадлежностью рыболовства, а один исследователь—Красников—считал их гилями, по аналогии с находками в Крыму. Однако, мы уже высказывались в одной из наших работ в том смысле, что форма грузил, их находка с пряслицами и аналогия их в древнем изображении Пенелопы за ткацким станком побуждают считать эти грузила скорее всего ткацкими, отклоняя объяснение, данное Красниковым⁸³).

Глиняное ткацкое грузило

Глиняные пряслица

Обломки жерновов и каменный пестик прямо указывают на сельское хозяйство, которое в эпоху расцвета жизни на городище, несомненно, стояло уже на известной высоте. Находясь в местности, покрытой лесом, население ее должно было обрабатывать землю, подготавливая для запашки некоторые участки, занятые лесом.

Для этого приходилось очищать почву от порослей, вероятно сжигать их, и, таким образом, подсечное, огневое земледелие должно было иметь здесь место. Такая форма земледелия требует значительного количества рабочих рук, а также участия в нем домашнего скота. Район, занятый пашнями, принадлежавшими жителям городка, вряд ли превышал 3—4 км.

Наличие скота показывает, что женщины, ведя домашнее хозяйство, приготавливали молочные продукты и, между прочим, судя по находкам сосудов с дырочками в боках, умели готовить сыр и творог. Щетина и конский волос, вероятно, также были в употреблении, поскольку в городище найдены кости свиньи и лошади. Наконец, находки „лощеной“, так называемой сарматской посуды указывают на существование уже не только внутривидового, но и междуплеменного обмена. Это подчеркивается, с другой стороны, находками берестяных изделий в сарматских могилах в Нижнем Поволжье, имеющих несомненное происхождение из северных, несарматских районов. Находки костей диких животных и наконечников костяных стрел говорят об охоте, которая также имела место в хозяйстве жителей городищ.

В итоге краткого ознакомления с археологическими данными, можно прийти к заключению, что перед нами все признаки натурального хозяйства, удовлетворявшего потребности общества людей, владевших городищами в эпоху их развития. Намечается появление ремесла, которое, однако, удовлетворяет внутренние потребности коллектива, и имеется развивающийся междуплеменной обмен. Жилища устроены своеобразно—по 3—4 хижины вместе, т. е., другими словами, мы видим 2—3, вряд ли более 4 семей, совместно владевших городищем. Это обстоятельство объясняет нам причину дальнейшего укрепления мест поселения, появления вторых и третьих валов, позднейших в сравнении с первым валом. Хозяйство родовой общины, начавшей делиться на семьи, требовало в момент развития своего основного стержня—частной собственности—наибольшей охраны и защиты от возможного врага—другого коллектива, не связанного интересами с первым.

Существование многочисленных городищ, иногда отстоящих друг от друга на 3—4 км, показывает, что нередко, а впоследствии—как правило, родовые общины должны были разделяться и, в конце концов, образовывали „большие“ семьи, которые в дальнейшем уже объединялись в сельские общины, где развивалась частная собственность и возрастало экономическое неравенство. Это вело к классовому антагонизму, который был чужд первобытнокоммунистическому обществу.

Кому принадлежали городища с рогожной керамикой? На этот вопрос, однако, дать ответ не так просто. Поскольку они принадлежали родовым организациям, постольку становится невозможным определить их племенную принадлежность. В. И. Равдоникас в своем докладе „О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных“⁸⁵⁾ делает правильное заключение о том, что в это время „происходило формирование различных племен“. Мы в данном случае полагаем, что городища с рогожной керамикой могли принадлежать тем родовым группам в момент наступившего их разложения, на основе

которых образуется в Нижнем Поволжье, в его северной части, мордовское племя, памятники которого мы увидим в несколько более позднее время.

Считаем нужным здесь отметить, что мы не можем согласиться с мнением В. И. Равдоникаса, который объединяет в единый комплекс городища так называемые Дьякова типа, характеризующиеся упомянутой керамикой с рогожным и сетчатым орнаментом, вместе с так называемыми финскими могильниками рязанского типа. Для этого мы не видим достаточных доказательств, а имеющийся в нашем распоряжении материал из раскопок Армеевского могильника, быв. Кузнецкого уезда, и мест поселений там же говорит против такого комплексирования археологических памятников.

С другой стороны, мы, как и В. И. Равдоникас, полагаем, что эти более поздние памятники не отрываются от других, характеризующих первобытно-коммунистическую формацию, но относятся к ее последней стадии — сельской, территориальной общине с известными чертами родового строя. Об этом, впрочем, мы намерены говорить позже.

Таковы итоги. Городища с рогожной керамикой завершают собою историю развития родовой коммун. Они — свидетели того явления, которое называют последним этапом существования родового строя, когда начинают возникать сельские или соседские общины, еще коммунистические по своему отношению к владению землей, — последняя остается коллективной собственностью, но делится на отдельные участки. Так заканчивается история родового общества в момент его разложения, представленная на Нижней Волге такими памятниками, как описанные выше городища. Позже, в эпоху развития сельской общины, эти городища иногда превращаются в своеобразную крепость или „твердь“, как позже ее называют русские летописи, где находит себе защиту древняя мордва. В большинстве же случаев эти городища покидаются населением навсегда и лишь в течение кратких моментов ими впоследствии пользуются. Например, Алексеевское городище около Саратова было в XIV веке использовано татарами, которые оставили здесь ряд своих могил, а в верхнем слое городища — слабые следы своего пребывания в виде небольшого, сравнительно, количества черепков характерной золотоордынской керамики.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство. До сих пор мы не имеем погребений, которые соответствовали бы времени развития городищ описанного типа. В 1934 г. П. Н. Третьяковым было найдено сожжение в срубе, находившемся на городище, им раскопанном во время экспедиции на новостройках, организованной государственной Академией истории материальной культуры. В остатках такого сруба были открыты, помимо сожженных костей, и предметы материальной культуры, например, топоры. Ожидая дальнейшего изучения этого памятника, нельзя, однако, отрицать возможности такого способа погребения, так как сожжения в качестве ритуального обычая погребения известны уже в эпоху бронзы, хотя и очень редко*; с другой стороны, самый факт, что до сих

* Такое погребение было открыто нами в кургане около Кордона Деркульского на р. Деркуле в 1925 г. (Западный Казахстан).

пор нет никаких погребений, какие можно было бы связывать с городищами, говорит о том, что мы не должны отрицать сожжения в срубах на городищах, как погребения, свойственные тому времени.

Нижнее Поволжье в северной своей полосе в эпоху городищ с „рогожной“ керамикой представляется нам, как мы видели из общего описания, территорией, которая, главным образом, вдоль рек была усеяна укрепленными местами поселений, составлявшими владения того или другого патриархального рода. Каждое городище дает одну и ту же картину, вырисовывающуюся перед исследователем на основе однотипных материалов, очень скромных самих по себе, но позволяющих делать значительные выводы по мере их изучения. Это — поселения, которые производили для себя все необходимое и лишь в небольшой степени получали кое-что посредством обмена. Однако, в первых веках нашей эры Нижнее Поволжье в его северной части дает несколько иную картину. Появляются открытые поселки, стоящие под защитой небольших укрепленных мест, усиливается обмен, приносящий сюда большое количество предметов иного производства, интенсивнее выделяются отдельные семьи, отделяющиеся от прежней крепкой родовой основы, т. е. „большие“ семьи. Они объединяются с другими, но уже по территориальному признаку.

Юг Нижнего Поволжья представляет в это время иную картину, так как степные пространства его заселены скотоводами, превращающимися в кочевников. Таким образом, каждый район Нижнего Поволжья — северный и южный — дает свою историю развития родовых групп.

До сих пор мы почти совершенно не упоминали о религиозных воззрениях, существовавших в родовом обществе. Поступали мы так вследствие того, что археологические материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, совершенно недостаточны для более или менее полноценных суждений. Можно лишь указать на находку каменного, весьма примитивного изваяния в могильной яме над костяком в кургане, раскопанном И. В. Сиицыным на р. Колышлее, о чем мы уже упоминали. Кроме того, культовое, до известной степени, значение, как правильно указывает А. В. Шмидт⁸⁶), может иметь факт присутствия довольно богатых украшений у молодых женщин, погребавшихся в родовых курганах, что дает основание думать о существовании культа женского божества, связанного с земледелием. Помимо этого женское божество было и покровителем домашнего скота, как это до последнего времени имело место, например, у мордвы (Кудава), уже пережившей, разумеется, стадию родового общества.

Мы полагаем, что древнее общество на Нижней Волге в течение долгого времени имело такие же религиозные представления, какие имеют современные нам племена, стоящие еще на низком уровне развития. Поклонение духам предков, сопровождающееся всеми элементами шаманизма, было свойственно этому обществу, причем, конечно, роль женского божества оставалась значительной и при патриархальном родовом строе. Однако, наряду с этим выдвигался предок — мужчина, отождествлявшийся, в конце концов, с известными силами природы, а позже превращавшийся

в бога — покровителя племени. Тотемические воззрения, широко развитые в раннем родовом обществе, уступали постепенно свое место культу предков, поскольку производственное значение тотемизма исчезало, а первоначальный тотем, самое понятие о нем, заменялся более поздним богом-предком.

Открытые нами летом 1936 г. в курганах урочища „Три брата“ в Калмыкии вторичные захоронения покойников, известные и по этнографическим данным, также проливают некоторый свет на верования того времени, связанные с магическими представлениями.

Гораздо более ясным является для нас представление, существовавшее в древнем обществе о „загробном“ мире. Устройство могильных сооружений, ям и насыпей, снабжение умершего обычным для него бытовым инвентарем и пищей, символика, заключающаяся в употреблении красной краски, мела, наконец, сжигание трупов умерших и т. п., — все это указывает на то, как первоначальные, вполне реалистические взгляды на „загробный“ мир, как на такой, в котором обитают живые, изменялись. Они заменялись представлениями, все более и более отвлеченными и неясными, пока классовая религия не построила представления о царстве бога на небесах, чтоб притуплять сопротивляемость угнетенных и эксплуатируемых масс эксплуататорам, будь то рабовладельцы, феодалы или капиталисты.

Вопрос о религиозных представлениях, о культе, существовавшем в древности, заслуживает большего и пристального изучения археологических памятников, в частности, орнаментики на глиняной посуде и других предметах, вроде, например, костяных орнаментированных привесок и булавок.

ГЛАВА III

МОРДВА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Первобытно-коммунистическое общество знает свою последнюю стадию, когда, еще при сохранении коллективной собственности, возникают новые отношения, строящиеся на все развивавшемся принципе частной собственности, нашедшей для себя благодарную почву в парцеллярном хозяйстве. По мере развития производительных сил, в связи с разделением труда и развитием производства, матриархальное общество, как известно, перешло в патриархальную форму рода. В свою очередь, с развитием скотоводства и земледелия, с появлением ремесла, с дальнейшим развитием частной собственности и исчезновением экономического равенства, в патриархальном роде выделяются некоторые семьи. Они получают по целому ряду причин часто значительное превосходство над другими, а это создает для них еще большие возможности экономического усиления, содействует выдвижению из их среды вождей, пользующихся благодаря своей экономической силе большим влиянием в сравнении с прежними родоначальниками—главами рода.

Эти обстоятельства, равно как и общественное разделение труда, приводят патриархальное общество к разложению, которое уже было заложено в нем и прогрессировало с момента возникновения этой формы рода. Таким образом возникает последняя стадия первобытно-коммунистической формации—сельская или территориальная община. Она представлена в Нижнем Поволжье известным, хотя и небольшим количеством памятников, но чрезвычайно интересных. Мы имеем в виду городища, относимые нами к мордовским, и остатки сельских построек в северной части Нижнего Поволжья, в бывш. Кузнецком уезде Саратовской губ. Эти памятники дают нам возможность подметить и образование классового общества в его первоначальной стадии. С наибольшей же яркостью это образование классов может быть вскрыто в других археологических памятниках—именно в курганах скифо-сарматских родоплеменных общин, относительно которых, как увидим, существуют пока разногласия,—являются ли они родоплеменными или рабовладельческими образованиями. Изучать те и другие археологические материалы при этом надо одновременно, поскольку они довольно тесно связаны друг с другом. Отдельные находки свидетельствуют о существовании между земледельческим мордовским населением севера Нижнего Поволжья и скотоводами—скифо-сарматами на юге—отношений в то время, которое хронологически определяется V в. до нашей эры вплоть до IV—V в. нашей эры.

Считаем необходимым отметить, что в своем предыдущем изложении мы мало привлекали археологический материал из соседних с Нижним Поволжьем районов. Это ни в коей мере не означает, что мы не придавали значения этим районам в общем обзоре памятников материальной культуры. Напротив того, изучение какого-либо района не может быть сделано с исчерпывающей полнотой без учета других районов, так как материальная культура данного района не является характерной только для него. Как сходны формы социально-экономической структуры общества, так сходны и соответствующие им памятники культуры. Вместе с тем, нельзя отрицать и местных особенностей, которые имеют под собой определенную почву, обуславливающую разновидности в материальных памятниках. Эти разновидности все же отражают единый, в основном, процесс развития того или другого общественного организма, в каком бы районе он ни находился.

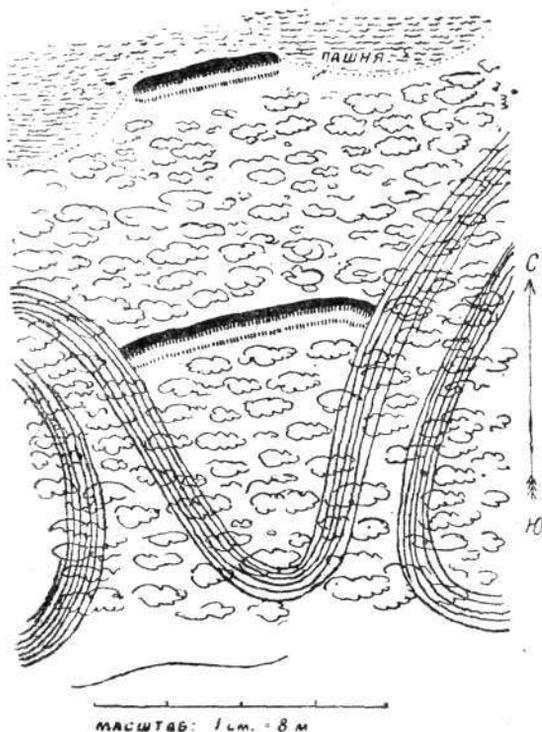
Вот почему, изучая древнейшие стадии исторического развития человеческого общества на Нижней Волге—территории, понимаемой нами в весьма широком смысле,—мы не говорили о пограничных с нею местностях и культурах, преимущественно там открываемых. Так, говоря о времени поздней бронзы, мы воздерживались от упоминания об Абашевской культуре той же эпохи (Средняя Волга), или о казахстанских памятниках родового общества, например, об Афанасьевской или более поздней, чрезвычайно интересной стадии — Андроновской⁸⁷⁾. Мы мало также упоминали о городищах на Средней Волге или о курганах Северного Кавказа. Зато всякий раз, когда приходилось касаться вопроса о той или иной общественной форме, мы приводили справки о памятниках материальной культуры, насколько это требовалось для восстановления картины прошлого нашей территории.

Повторяем, что разновидности в материальной культуре весьма относительны, и нельзя, изучая их, делать слишком далеко идущие выводы о связях и влияниях, имевших отношение к существованию известного общества. В противном случае мы рисковали бы скатиться к прежним приемам объяснения прошлого только фактами миграций, которые, как нам кажется, нельзя отрицать полностью, но и невозможно только на них основываться. Сравнения и аналогии должны быть применяемы в археологии с достаточной осторожностью и, главным образом, для хронологических определений тех или других явлений и фактов данного общества, поскольку локальные особенности в материальной культуре мы признаем при наличии общности черт исторического развития.

Обратимся теперь к памятникам, хронологически следующим за городищами с „рогожной“ керамикой—именно к городищам и могильникам древней мордвы^{88, 89)}. Почему, прежде всего, мы устанавливаем такую именно хронологическую последовательность в изучении этих памятников? Дело в том, что городища, о которых речь будет ниже, при раскопках, например, их вала показывают присутствие под настилающей насыпью этого вала черепков с „рогожной“ керамикой, т. е. другими словами, вал закрыл более древний культурный слой, и, таким образом, новое городище следовало за предшествующим. Во-вторых, инвентарь древних могильников довольно четко, как увидим, определяется первыми веками

нашей эры, тогда как этими же веками заканчивается существование мест поселения, представленных городищами с „рогожной“ керамикой.

Как мы уже сказали, мордовские ранние, как мы их будем называть, городища занимают места древнейших городищ, т. е. расположены на мысах рек, но в большинстве случаев помещаются в глубине территории, в лесных чащах, близ небольших речек или ручьев. Алексеевское городище можно, пожалуй, привести в качестве примера первого типа городищ, а примерами второго служат такие городища, как № 1 и 2 в районе р. Узы, около с. Армеева⁸⁸), и многие другие, известные теперь в Мордовской Автономной Республике, насколько мы осведомлены о производившихся там археологических разведках по реке Мокше и в других местах.

План городища близ села Армеева

Дадим описание городища № 2. Оно носит теперь название „Ошпанда“, т. е. „городка на горе“ или „торгового места“ и находится в 4 км от с. Армеева, к СВ, в лесу. Своим первым, едва теперь заметным валом городище подходит к обширной поляне, на которой расположено селище. Форма этого городища обусловлена мысом, выступающим над ручьем и образованным двумя большими оврагами. Следова-

тельно, городище, имея треугольную форму, обращено вершиной треугольника к югу. В более раннее время, как мы уже говорили, городище принадлежало той родовой группе, которая пользовалась керамикой с „рогожным“ орнаментом, что явствует из находки черепков подобной посуды, найденных под вторым — высоким — валом городища. Культурный слой городища отмечается, как и на других городищах этого же типа, слабой насыщенностью остатками черепков гладкостенной грубой посуды, мелкими костями домашних животных, угольками и золой. Следов землянок не обнаружено, но можно предполагать, что они здесь были, судя по открытой землянке на другом городище № 1, находящемся в 3 км от с. Армеева, к ЮЗ, также в лесу. Вскрытая нами здесь землянка оказалась очень неглубокой, с небольшим

количеством черепков такого же типа, что и найденные на городище № 2. Другим примером может служить землянка на 3 городище около с. Чардыма, открытом нами в 1933 г.

Сделанные на этих городищах наблюдения привели к выводу, что такие городища вряд ли были местами постоянного обитания; они скорее служили убежищем для некоторой части населения в момент какой-либо опасности. Подтверждением такому мнению могут служить известия, сохранившиеся в русских летописях, правда, для позднего времени, о том, что мордва, вынужденная спастись от набегов, чинимых русскими князьями, обычно скрывалась в лесах, где были ее „тверди“, т. е. убежища.

Наряду с городищами, следует упомянуть и о селищах, расположенных около городищ или невдалеке от них. Подобные места поселения сохранились около городища № 2, в 1½ км от городища № 1. Первое селище, лежащее у подошвы мыса, на котором помещается городище, обладает богатым культурным слоем, давшим много предметов быта, а именно: пряслица, обломки точил и зернотерок, жерновок, черепки посуды. Это селище, окружая другое городище, приближается к месту расположения другого интереснейшего памятника древней жизни, — это остатки жилищ, имеющие в настоящее время форму невысоких курганов, за которые они сначала и были нами приняты. Однако, своеобразное расположение их, напоминающее размещение изб в современных деревнях, побудило произвести в 1926—1927 гг. более внимательное обследование их.

Вскрытые два холма показали нечто вроде землянок, очень неглубоких, до 20—30 см, в которых находились деревянные сооружения. Вероятно, мы имеем в этом случае тип курной избы. В основании постройка была обложена камнем. Форма жилища приближалась к круглой, но это получилось вследствие оплыва почвы. В центре жилища были обнаружены остатки столба, поддерживавшего, очевидно, крышу. В действительности площадь постройки была прямоугольной формы. Жилище отапливалось очагом. По стенам находились, вероятно, нары, на месте которых были найдены в истлевшем колчане 27 железных наконечников стрел разной формы, изготовленных для охоты на различных зверей, и черепки посуды. Местные жители сообщили, что в одной из таких насыпей они нашли железную саблю, красные пастовые бусы и бронзовые браслеты. Другая постройка оказалась прямоугольной формы, тех же размеров, что и первая, т. е. около 8 м. Крыша обмазывалась глиной, судя по остаткам такой обмазки, найденной здесь же на полу. В постройке были также найдены черепки посуды и один почти целый сосуд в виде глиняной миски. Общее количество насыпей, под которыми хранятся остатки жилищ, не превышает 12—15.

Этот поселок, благодаря находкам в нем, прекрасно связывается с большим древним могильником, значившимся в нашем отчете о раскопках под № 1 или под именем старшего Армеевского⁶⁸⁾. Он был открыт и отчасти обследован в 1925 г. нашей экспедицией, имевшей целью изучить район, занимаемый древней и, частично, современной мордвой в пределах бывш. Саратовской губернии. В 1927 г. здесь были произведены значительные по своим размерам

раскопки, давшие весьма важные результаты. Этот могильник относится к так называемым „рядовым“ могильникам вследствие того, что могилы в нем лежат правильными рядами с равными интервалами между ними—до 0,60 м—в ряду, а ряды отделены друг от друга пространством до 0,50 м. В среднем каждая могила имеет в длину 2 м, в ширину—0,60 м и в глубину—1,30 м. Наиболее крупные могилы содержали мужские погребения вообще, а также и женские, но только богатые. Крупные по размерам могилы дали и детские погребения, но опять-таки богатые. Очевидно, устройство могил определялось социальным положением покойников при жизни. Все могилы были ориентированы по линии С—Ю и имели форму прямоугольников с округленными углами. Покойники лежали в них на спине, будучи ориентированы головой к югу. Руки их то вытянуты вдоль туловища, то скрещены высоко на груди или кистями покоились на бедрах.

Могильный инвентарь оказался довольно обильным, но не во всех могилах. Этот инвентарь состоит из женских украшений в виде накосников, т. е. головных уборов, на темени прикреплявшихся бляхой к платку и спускавшихся в виде узких ремешков с нанизанными бронзовыми спиралями в несколько рядов, височных привесок в форме спирали, заканчивающейся кубиком, спиралей-витушек, красных пастовых бус, довольно массивных бронзовых гривен, нагрудных блях с крестовидным орнаментом или с прорезными звездами, кольцевых застёжек, пряжек, фибул, браслетов, перстней, трапецевидных „шумящих“ подвесок, бутылчатых, звездчатых, конусовидных, лопастных и пирамидальных подвесок, лунниц, поясных наборов и украшений от обуви. К женскому инвентарю относятся также пряслица, гребень, пинцеты и ножи; ножи, впрочем, найдены и в мужских погребениях. Последние содержат, главным образом, оружие и, возможно, орудия охоты, а именно железные ножи, мечи, копья, топоры, наконечники стрел. Кроме того, нередко в могилах находились и железные удила. В могилах найдены простые, грубо выделанные и без орнамента горшки, кости коров, овец и лошадей, а также бронзовая игла, железное шило и остатки тканей с вытканым на ней узором в виде косых клеток.

Обильное количество предметов материальной культуры объединяет Армеевский старший могильник с рядом других могильников, известных в археологической литературе. Наш могильник обладает и некоторым своеобразием в сравнении с ними, при общем, однако, сходстве. Эти могильники, обычно, носили название финских. В основном Армеевский могильник представлен такой археологической культурой, которая известна в Рязанском районе, но в деталях указывает на отдельные предметы, которые объединяют его с Пьяноборским, Вичмарским и Ивановским могильниками, а также и с другими, но более поздними. Не останавливаясь на деталях, мы дадим общий обзор тех выводов, которые были нами сделаны при исследовании этого археологического памятника.

Время существования общества, оставившего могильник, лежит между IV—VII веками нашей эры. Такие широкие хронологические границы не удивительны, так как могильник чрезвычайно велик

и занимает весьма значительную площадь. Основная же хронологическая дата его—V—VI век, так как большинство раскопанных могил относятся к этому времени.

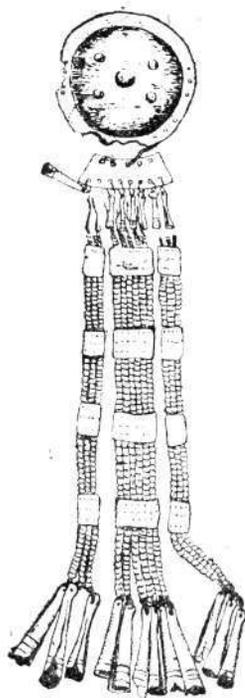
Армеевский могильник дает отдельные предметы, позволяющие нам сделать несколько выводов как о принадлежности его известному племени, так и о связях его с другими районами. Прежде всего, характерным предметом могильного инвентаря, как мы видели, можно считать накосники. Их форма дает возможность сопоставить их с подобными же украшениями головного убора из окских могильников бывш. Рязанской губ., например, Борковского ⁹⁰). Время их — IV—VII вв. нашей эры. Второй предмет—височные привески — особенно важен, так как связывает Армеевский могильник с камско-волжскими. Привеска эта—форма более поздней серьги—прикреплялась, вероятно, также к головному убору или вплеталась в волосы, против уха. В Вичмарском могильнике, бывш. Вятской губ. ⁹¹), можно увидеть такой же предмет, который определяется IV — VI вв. Многочисленные бусы, особенно глиняные красные, местного изготовления, также указывают на связь изучаемого могильника с рядом других, наиболее древних могильников на Оке и Волге.

Важным предметом для некоторых наблюдений о существовавшем обмене между волжско-окскими племенами и Черноморьем являются нагрудные бронзовые бляхи в виде

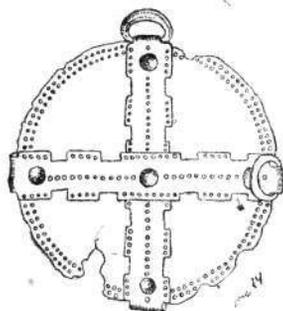
дисков, орнаментированные то накладными, то прорезными крышками и крестовидными накладками. Такой предмет украшения, в его более высоком исполнении, был найден на Недвиговском городище (Азово-Черноморский край).

Разнообразные формы застежек и пряжек, с одной стороны, ведут нас к V веку, а, с другой — говорят нам также об обмене, который уже легко выясняется на этом именно материале. Этот обмен имел место опять-таки с племенами на юге Нижнего Поволжья, которые мы обычно называем сарматскими в их поздних объеди-

нениях. На то же намекают и бронзовая фибула IV—V века, лунница и пряжка с гранатом в золотом ободке. Такого же назначения предметы—сюльгамы или кольцевые застежки—также представляют в этом отношении весьма большой интерес, особенно после раскопок, произведенных нами в Калмыкии и Б. Н. Гра-

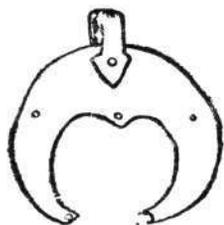
Накосник
из Армеевского
могильника

Нагрудная бронзовая бляшка
из Армеевского могильника

ковым в Республике немцев Поволжья. Большое количество „шумящих“ привесок — трапецевидных, бутыльчатых и других форм, указывает на принадлежность инвентаря нашего могильника к однородной культуре, свойственной в IV—VIII вв. нашей эры нескольким племенам, жившим на Оке и Волге, и связывает ее с более поздней, характерной для тех же племен в XIII—XV вв. Отсылая интересующихся более подробными данными об инвентаре Армеевского могильника к нашей специальной работе о нем⁸⁹⁾, мы остановимся на вопросе о принадлежности этого могильника одному из племен, заселявшему северные районы Нижнего Поволжья в III—VII вв. нашей эры.

Из родового строя, представляющего ряд производственных групп, обладавших определенным социальным устройством, создается такая организация, как сельские или территориальные общины, соединения которых в новые образования дали уже племя.

Лунница
из Армеевского
могильника

М. Н. Покровский по этому вопросу говорит: „Разрастаясь естественным путем, семья (в данном случае, по правильному толкованию С. Н. Быковского, — отцовский род — *П. Р.*) могла при благоприятных обстоятельствах сохранять свое хозяйственное единство... Так образовалось племя, члены которого были связаны общим родством, а, стало быть, и общей властью...“⁹²⁾ Племя, как указывает товарищ Сталин, является этнографической категорией, которую нельзя смешивать с понятием нации, представляющей категорию историческую. Отсюда ясно, что мы

не можем говорить о национальностях в отношении к такому обществу, которое находилось в условиях первобытно-коммунистической формации, так как нация — продукт более поздней структуры.

С развитием производительных сил, „чем сложнее поэтому становилась культура, — отмечает С. Н. Быковский, — тем шире становились племенные образования, и больше и больше выявлялись местные различия разных объединений как в культуре вообще, так и в языке, в частности“⁹²⁾. Что касается рода, то он является зародышем племени. Однако, союз племен Энгельс всегда относил к наиболее позднему времени развития родового строя. Племя, таким образом, складывается „на основе тех географических и исторических условий, которые начинают оказывать свое действие на какое-либо данное общество на определенной стадии его развития“. В. И. Ленин указывал, что марксизм требует при разработке какого бы то ни было социального вопроса ставить его в определенные исторические рамки. Исходя из всего сказанного, мы не видим возможности признать общими для многих племен такие наименования, как финны, славяне и т. п. Мы можем знать финнов, как особую племенную группу, отличную от мордвы, в радимичах видеть наименование племени, не покрываемое общим именем славян, и т. д. и т. п. С племенным именем мордвы мы встречаемся на определенном этапе ее развития, именно том, о котором говорим теперь. „Рядовые“ могильники или соответствующие им городища мы не можем считать

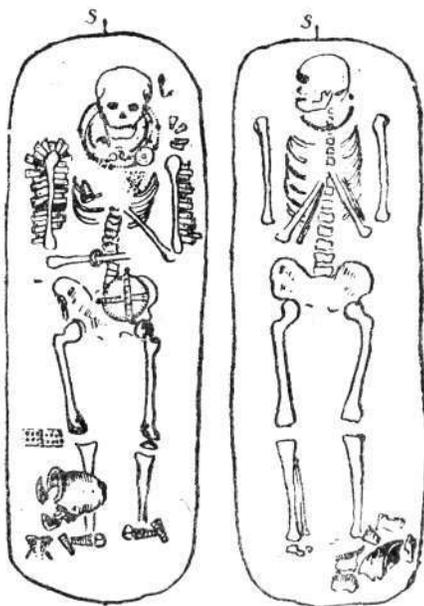
финскими, поскольку никаких финнов в этих районах, в Нижнем Поволжье в частности, мы не знаем и не можем знать. Проф. Тальгрэн, рассматривая в своей работе⁹⁴⁾ мордовские территории в качестве финских, несомненно, делает ошибку, которая объясняется его общей концепцией. В марксистской археологической литературе подобные взгляды в настоящее время уже достаточно вскрыты, и для нас не представляется необходимым много об этом говорить⁹⁶⁾.

Обращаясь к рассмотренным выше археологическим материалам, мы видим, таким образом, что „рядовые“ могильники замесили собою курганы; городища с десятком жилищ сменились поселком в виде ряда жилых построек, расположенных около небольшого укрепленного места, где жили, повидимому, кратко-временно. Сохранились около него и селища со значительным культурным слоем по своему содержанию, но не мощным по глубине, так как и здесь простые землянки не имели, вероятно, того значения, каким они обладали прежде, будучи единственным видом жилища.

Могилы дают весьма различный по своему характеру инвентарь, показывающий, что перед нами разветвляется иной, чем в курганное время, социальный строй. Мужчины — воины и охотники обладают богатым инвентарем, другие — не имеют ничего, кроме небольшого железного ножа. Женщины также неодинаково снабжены вещами. Одни

обладают множеством украшений, вплоть до золотых (хотя и очень скромных, в виде пряжки с золотым ободком и гранатом), с ожерельями, включающими по несколько сот бус, другие имеют только височные привески — характерное для всех украшение — и 3—4 бусины. Детские костяки также различно украшены, некоторые не менее пышно, чем богатые взрослые, причем и могилы их так же велики, как у мужчин. Наконец, точный учет расположения могил дает некоторые основания усматривать группы могил, более богатых по инвентарю, в них содержащемуся, и группы более бедных, причем хронологическая разница здесь не играет роли, т. е., это взаиморасположение не зависит от времени устройства могилы, — их общая дата в основном — V—VI вв. с небольшими отклонениями в более раннее или позднее время — от IV к VII вв.

Археологические данные указывают на то, что население северных районов Нижней Волги в IV—VII вв. нашей эры вело натуральное хозяйство, которое заключалось в пашенном земледелии

Погребения из Армеевского
могильника

(находки ручных жерновов), в разведении домашних животных (находки костей коровы, овцы, лошади и свиньи), не в столь крупных, как прежде, размерах охоте, на которую указывают наконецники стрел разных типов в *одном* колчане и рогатины. Находки тканей и пряслиц дают представление о качестве довольно высокой техники, позволявшей изготавливать, по определению В. К. Клейна, узорчатые тонкие и простые грубые ткани. Топоры кельтовидной формы или пешни дают указание не только на военное их назначение, но и на хозяйственное, а именно, на бортничество, о чем можно говорить на основе исследования по вопросу о перемещении местных центров производства средств с.-х. производства в экономической истории древней России ⁹⁷⁾, и, кроме того, на земледелие. Тот же топор указывает на то, что население перешло от построек землянок к сооружению бревенчатых изб ⁹⁸⁾. Скорняжные работы подтверждаются находками обработанной кожи. Гончарство местного характера, разумеется, было широко распространено, судя по обильным находкам посуды, равно как и глиняных красных бус. Изготавливалась также и деревянная посуда, — на это указывает с полной определенностью находка железного инструмента для вырезывания ложек. Наличие широко практиковавшегося обмена подтверждается сравнительно большим наличием инвентаря импортных типов — пряжек, блях, кольцевых застежек и, наконец, парчевых тканей, образец которых мы имеем из одной армеевской могилы. Естественно поставить вопрос о том, что же шло в обмен на эти обычные для населения лесных областей украшения? Повидимому, на первом месте стояли рабы, далее — меха и шкуры животных, затем — мед, воск, щетина, изделия из бересты и луба и, наконец, может быть в незначительном количестве, хлеб, хотя последнее и сомнительно. Это могло иметь место только в отношении к ближайшим районам, занятым скотоводами, напр., на р. Колышлее (Аткарский район), судя по раскопкам, произведенным там И. В. Синицыным, материалы которых хранятся в Саратовском краевом музее.

Мы имеем, следовательно, иную картину общественной структуры в сравнении с той, которая развернулась перед нами в результате изучения городищ с „рогожной“ керамикой или городищ Городецкого и Дьякова типа. Теперь нет уже такой формы поселения. Городища покинуты, сделавшись местами временного пребывания в случае военной опасности. Население располагается на открытых местах около них и либо устраивает при этом поселки, состоящие из хижин и принимающие вид небольшой деревни, либо живет так, как об этом говорят нам оставшиеся обширные селища позднего типа, описанные выше.

Земледелие, переходящее к типу пашенного, становится яркой чертой для такого общественного строя. Могильный инвентарь подчеркивает рост имущественного неравенства, т. е. значительную дифференциацию в этом обществе. Четко выявляются ремесла — в частности, гончарное и кузнечное, — которыми, несомненно, занимаются уже не все члены общества, а только специализирующиеся в них. Развитие ремесла влекло за собой и увеличение обмена не только внутри племени, но и между племенами, причем этот

обмен продвигается в южные части территории Нижней Волги, откуда поступают характерные предметы украшения.

Не всегда обмен носил, как известно, мирный характер. Мы можем отметить и военные столкновения; взять хотя бы такой пример, как находку в тазовой кости погребенного в кургане сармата наконечника костяной стрелы, известной в качестве обычного вида оружия у наших северных племенных групп⁹⁹). Война, документируемая подобной находкой и типом городищ, своеобразных маленьких крепостей-убежищ, занимала, несомненно, достаточное место в жизни племен, оставивших указанные нами памятники. В этих условиях ускорившихся темпов развития обмена, другими словами, складывавшейся меновой торговли, растет все интенсивнее и интенсивнее имущественное неравенство, усиливается значение военных вождей, которые „выбирались независимо от происхождения“, как замечает Энгельс, говоря о германцах в своей книге „Происхождение семьи, частной собственности и государства“. Такой племенной вождь с своим вооружением и характерным брашлетом на левой руке был найден нами в одной из могил Армеевского могильника.

Но того, что можно было бы определить как дружину, мы еще не видим. Погребения мужчин слишком мало отличаются друг от друга могильным инвентарем, а находки железных орудий и оружия у некоторых из них не столь сильно отделяют их от других.

Дифференциация гораздо ярче выявлена в женских погребениях и отчасти в детских. Если мы знали патриархальное рабство, то здесь оно носит, несомненно, еще более резкий характер. Правда, мы не можем заметить прямых доказательств его существования по археологическим материалам, но зато сведения античных писателей о торговле рабами, которая процветала и позже, когда в ней участвовали хотя бы киевские князья, дает нам право говорить о наличии рабства в его первичной форме.

Племена, которые представлены нашими памятниками материальной культуры, мы называем мордовскими на основании дошедших до нас письменных источников. Так, например, готский историк Иорнанд упоминает о мордв в VI в.; хазарский царь Иосиф (X в.) называет здешние племена арису (эрзя), и византийский император Константин Багрянородный знает мордву в тех же местах. Что касается упоминаний о финнах у Тацита (в I веке), мы не считаем нужным опираться на них: финнами были, очевидно, другие племена, жившие на западе, и связывать с ними мордву, явившуюся в результате слияния иных родовых групп, вряд ли следует.

Однако, нет никакого сомнения в том, что упоминания о мордв и эрзе, как о племенах мордовских, восходящие к IX—X вв., вполне могут относиться и к VI—VII вв., так как предполагать какую-либо миграцию сюда других племенных образований нет никаких оснований. При этом и облик культуры этих веков мало чем различается; мы имеем множество общих для них черт, что и дает право для дальнейшего времени развития территориальной общины видеть ту же мордву—мокшу и эрзю, как она сама себя называет, не зная в своем языке этого общего, но чуждого ей наименования мордвы.

Здесь кстати будет напомнить, что русские летописи не знают финнов, как объединяющего имени, и, наоборот, называют мордву, мерю, черемису, пермь, печеру и др., которых позже великодержавные шовинисты стремятся объединить в единое финно-угорское племя с иными, отнюдь не научными целями.

В итоге ознакомления с материалом археологических исследований и в результате учета всех остальных данных мы устанавливаем последнюю ступень доклассового общества на территории Нижнего Поволжья. Такие памятники, как „рядовые“ могильники, т. е. кладбища с резким разграничением имущественного положения семей, „вставших против рода“, как городища — известные нам укрепления оборонного характера, — говорят нам о территориальной сельской или соседской общине, порвавшей с патриархальным родом, но сохранявшей многое из установлений, свойственных еще родовому строю. Так происходило развитие истории человеческого общества на Нижней Волге в первые века нашей эры, примерно с IV—V вв. и вплоть до VII—VIII вв. Дальнейшее развитие его протекало в условиях образования классового общества.

В данном нами освещении вопроса мы считаем верным указание, сделанное А. В. Арциховским о том, что „распад родовых отношений начался не в IX в., а раньше; о распаде можно говорить, начиная с V века“. Это замечание хотя и относится к лесной полосе, однако, в значительной степени совпадает с нашими взглядами на процесс разложения родового строя на Нижней Волге. Следует сказать, что на этой территории мы, к сожалению, не имеем памятников X—XI вв., т. е. того времени, когда в лесной полосе развиваются феодальные отношения. Однако, есть на это отдельные указания, с одной стороны, в некоторых позднейших вещах Армеевского городища, а, с другой — в ранних предметах другого могильника, относимого в целом к XIII—XV вв., который был раскопан Н. К. Арзютовым в г. Аткарске, Саратовского края.

Кроме того, близость территории, где находятся знаменитые Окские могильники, совпадающие частично с Армеевским, а затем дающие в своем инвентаре и вещи IX—XI вв. и даже более поздние, позволяют предполагать, что в Нижнем Поволжье этот процесс развития феодализма имел место и протекал в тех же формах, как это отмечается для Окского района. Говоря о вещах, мы имеем в виду, например, часть керамики, спирали и пр., которые встречаются в более поздних могильниках, вроде Лядинского¹⁰⁰⁾, а упоминая о могильниках, укажем хотя бы тот же Лядинский или Максимовский. Другими словами, такие могильники в Саратовском крае, как Аткарский^{82, 89)}, Куликовский⁸²⁾ и Черемшанский¹⁰¹⁾, Ефаевский и Муранский в Куйбышевском крае¹⁰²⁾ — представляют памятники уже феодального времени, когда сельская община приобретает характер деревенской, с отсутствием той имущественной дифференциации, какую мы видим в могильнике Армеевском и ему подобных или близких.

Здесь уместно привести заключительные слова упомянутого доклада В. И. Равдоникаса: „Сельская община, существовавшая под покровом феодализма, есть организация угнетенного класса, класса крестьян, и она остается возможной, как писал Энгельс, „только

до тех пор, пока ее члены отличаются друг от друга богатством лишь в ничтожной степени". Но, если мы отмечаем некоторые элементы зарождающегося феодализма у мордвы по памятникам вроде Армеевского могильника, то время более позднее, вплоть до XIII—XIV вв. в Нижнем Поволжье не может быть пока иллюстрировано и объяснено археологическими материалами. Однако несомненно, что памятники такого рода должны существовать и остаются пока еще не открытыми, а городища не раскопанными в необходимой степени. Самый же процесс становления классов стоит вне всяких сомнений и фиксируется данными археологии на примере Армеевского первого могильника и небольших городищ, вроде № 1 или № 2 около с. Армеева. Однако, этот процесс внутреннего развития феодализма как бы прерывается затем вследствие того, что на территории Нижнего Поволжья повсеместно распространяется феодализм Золотой Орды. Появляются богатые города, подчинившие себе сельское население, местные „свои“ феодалы ступеньваются, по крайней мере по археологическим материалам их заметить становится невозможным, а на первый план выдвигается феодал-бек, хан и т. п. Это явление, как увидим, очень ярко вскрывается в Аткарском могильнике, где среди рядовой массы могил была обнаружена могила № 15, содержащая костяк воина-кочевника, очевидно, похороненного здесь среди своих крестьян мелкого феодала или доверенного лица, стоящего над крепостной земледельческой массой⁸²). Покойник был похоронен вместе с лошадью, лежавшей над его гробом.

Впрочем, в другой могиле — № 22 — такое же погребение с конем показывает, что покойник вряд ли был воином, скорее ему не было чуждо непосредственное занятие земледелием, судя по найденному в погребении железному серпу.

Что же представляет собой крестьянская масса мордвы, оставившая нам Черемшанский, Хвалынского района, Саратовского края, или Аткарский могильники?

В 6 км к югу от г. Хвалынска, на р. Черемшане, близ впадения ее в Волгу, в 1913 г. был обнаружен и раскопан В. Ф. Ореховым могильник¹⁰¹). Исследователь сообщает, что большая часть погребений оказалась „в гробницах“, сделанных из двух продольных брусьев с двумя же поперечными, причем с ю.-з. стороны поперечный брус был шире, чем в ногах, т. е. с с.-в. стороны. Иногда брусья совершенно отсутствовали. Покрышки изготовлялись также из дерева и реже из луба. Покойники лежали вытянуто, головами к ЮЗ или З. Руки их были то сложены на груди, то одна на другую, то одна лежала у пояса или, наконец, обе у пояса. Изредка руки оказывались вытянутыми вдоль туловища. Вещей находили немного, причем они представляли собой почти исключительно украшения, преимущественно медные или бронзовые. В трех погребениях была найдена кожаная обувь. Надо отметить, что большинство украшений состояло из кольцевых застежек — сургамов и медных пуговок. Такие же предметы были найдены и нами при незначительных раскопках этого могильника в 1922 году. Судя по инвентарю, мы не расходимся с В. А. Городцовым и А. А. Спицыным, считая могильник относящимся к мордве XIV в., когда уже достаточно ярко сказалось влияние на мордву Золотой Орды.

Отдельные же предметы, как например, вышивки одежд, носят характер более старого влияния, шедшего от болгар со Средней Волги. Наиболее датирующим Черемшанский могильник предметом следует считать кольцевые застёжки переходного типа от армеевских древних к поздним сьюльгам XVII—XVIII вв. Черемшанский могильник можно поставить рядом с Муранским могильником, бывш. Ульяновской губ. ¹⁰²⁾.

Аткарский могильник относится к более раннему времени, хотя отдельные могилы, по мнению исследователя, должны относиться и к XV в. ⁸²⁾. Здесь усмотрены два района, а именно: один—где находились погребения с покойниками, лежащими головами к З, и другой—где ориентировка покойников давалась иная—к Ю. Эта часть могильника, по мнению Н. К. Арзютова, древнее, с чем, как

Серьга из Армеевского
могильника

Серп и топоры из Армеевского
могильника

нам кажется, следует согласиться. Характерными предметами материальной культуры, найденными в Аткарском могильнике, являются следующие: 1) сьюльгамы, еще не полностью развившиеся. На одном из них мы видим узор на полостях; эти сьюльгамы Н. К. Арзютов сближает с сьюльгами Пичпандинского и Муранского могильников, т. е. датирует их XIV веком; 2) кольцевые застёжки поздних в сравнении, например, с армеевскими типов; 3) наконечник—также поздней формы в виде полутрубки из коры, поверх которой идет спиральная обложка, составленная из узкого ремешка, обвитого тонкой бронзовой проволокой; этот предмет еще более поздней формы носит у мордвы название полукеръ, т. е. „отрезанного хвоста“, как иногда переводят это слово; 4) серьги в виде знака вопроса—формы, распространенной в памятниках золотоордынского времени, т. е. XIII—XV вв. Такие же предметы украшений дают Мурманский, Куликовский и Черемшанский могильники; 5) кожаная обувь в виде коротких сапожков с мягкими подошвами; 6) шерстяные чулки, доходящие до колен. Затем были найдены глиняные пряслица, железные ножи, грубо изготовленная посуда, кольца и четырехугольные пряжки от поясов, проушные топоры с слегка расширяющимися лезвиями. Последний предмет находится также и в инвентаре Муранского и Гагинского могильников, а также и Черемшанского, т. е. датируется XIV в. Характерна находка железного серпа, сходного с современным типом серпов.

Упомянутое нами выше погребение кочевника среди могил Аткарского могильника дало железные наконечники стрел, ти-

пичные для XIV—XIII вв., в виде узких лопаточек с расширяющимися ромбическими лопастями.

Значение открытого в Аткарске могильника заключается в том, что благодаря ему мы можем отодвинуть границу мордовских поселений в XIII—XIV вв. к югу, по крайней мере на линию Аткарск—Саратов. Кроме того, мы имеем ряд находок отдельных предметов на Увекском городище — древнем Увеке — городе эпохи XIII—XV вв.; эти находки опять-таки указывают на возможность существования здесь мордовского поселка. Муранский могильник, находящийся в Сызранском районе, Куйбышевского края, определен В. Поливановым, как относящийся к буртасам, т. е. также мордовский. При этом в его инвентаре отчетливо выделяются болгаро-золотоордынские черты, принесенные сюда в виде отдельных вещей, изготовлявшихся в городах Золотой Орды и поступавших повсеместно в торговлю. Аткарский могильник, как видим, говорит о таком же влиянии, находясь всего в сотне километров от Увека — довольно значительного золотоордынского городского центра XIII—XIV вв. Н. К. Арзютов считает Аткарский могильник принадлежащим мокшанской ветви мордовского племени. Население, оставшее его, было, повидимому, значительно беднее, чем то, которое оставило нам Ефаевский могильник, бывш. Пензенской губ., относимый к XIII в.

Это обстоятельство — некоторая меньшая древность и большая бедность Аткарского могильника — может, как нам представляется, объясняться уже укрепившимся в Нижнем Поволжье феодализмом Золотой Орды, т. е. пришлым сюда и, естественно, сильнее давившим на крестьянскую массу туземцев, чем феодалы из мордовской среды, где феодализм развивался медленнее и не обладал такой значительной силой, как в Золотой Орде. Это подчеркивается также и сходством с Аткарским и Куликовским могильниками еще одного могильника, расположенного в г. Наровчате (бывш. Пензенской губ.), являвшемся опять-таки одним из оживленных центров феодальной эпохи той же Золотой Орды.

Из обзора инвентаря мордовских могильников XIII—XV вв. можно установить, что население в то время имущественно меньше дифференцировано — могилы одинаковы и весьма бедны в сравнении с предыдущими по времени могильниками, например, Лядинским или еще более древним — Армеевским. Отмечается меньшее количество скота, но земледелие подчеркивается сильнее — находки в могильниках серпов и на местах поселений сошных лемехов показывают, что земледелие было пашенным. Население северной половины Нижнего Поволжья в XIII—XV в. было тем классом, на котором лежала вся тяжесть феодального гнета. Его общинная собственность медленно, но неуклонно превращается в частную. Внутри общины уже полностью созданы все условия для возникновения и развития классов. Территориальная или сельская община видоизменяется в связи с ростом частной собственности, как это можно было наблюдать по Армеевскому могильнику, усиливается расслоение на богатых и бедных, очень громко говорят о себе грабежи и войны, которые для Нижнего Поволжья в половине XIII в. облекаются в форму прямого захвата извне, со стороны золотоордынского феодализма.

Крестьянские общины, представленные Аткарским, Черемшанским, Наровчатским, Куликовским и им подобными могильниками, при наличии иногда здесь же в непосредственной близости феодального замка, вроде Увека или Наровчата, определенно подтверждают наступившие резкие изменения в социальной структуре общества, иными словами, мы стоим перед фактом образования классового общества в его феодальной форме. Начало этого образования было отмечено уже раньше, когда разложение родового строя с его патриархальным рабством, продажей рабов, составлявших ценный товар, с захватом общественной собственности более сильными семьями могло быть прослежено в условиях существования, в начальной стадии, сельской, территориальной общины. Эта последняя доживает в Нижнем Поволжье до XIII—XIV вв., когда она как изнутри, так и извне взрывалась и теряла свою характерную черту — остатки коммунистической собственности. Пережив известную стадию рабства, укрепив тем самым богатый слой общины, из которого вышли будущие господа, сельская община подпадает под влияние феодализма Золотой Орды, а частично этот процесс ее феодализации мог поддерживаться и русским феодализмом, укреплявшимся в благоприятных для него условиях распада родового строя в более северных районах, например, на Оке. Так создавался класс местных феодалов внутри мордовского племени, который в известной степени сливается, подчиняясь, с феодалами Золотой Орды.

Дальнейшая история северной половины Нижнего Поволжья заключается в развитии золотоордынского феодализма и его борьбы с феодализмом Московского государства. Самостоятельного существования феодальной верхушки мордовского общества мы не усмотрим в Нижнем Поволжье, как то имело место на Оке, когда мордовские феодалы делали попытки, с отдельными моментами удачи, образовать собственный центр племенной федерации¹⁰³, но потерпели разгром со стороны русских феодалов. М. Н. Покровский заключает по этому поводу, что „князья сев.-вост. Руси продолжали порабощение ее (мордвы) в более позднее время“ подобно тому, как их предшественники — норманны-дружинники справились с мордвой в XI веке. Несомненно, такие факты не могли не иметь своего влияния и на нижеволжскую мордву, хотя бы и в иной степени. Процесс развития феодализма имел благоприятную почву, а наличие этого процесса сказалось в появлении новых данных в памятниках северной части территории Нижнего Поволжья — бедных могильников и открытых бедных поселений, наряду с городищами золотоордынской эпохи. Стремившаяся избавиться от тисков феодальных условий, мордва уходила в далекие уголки лесов, унося с собой свои привычные взгляды и обычаи, обломки родовых привычек и понятий, разбиваемые и там своими же феодалами, возникшими в среде мордовского племени, которые неуклонно содействовали дальнейшей феодализации мордвы в условиях золотоордынского феодализма.

СКИФЫ И САРМАТЫ НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ

В то время, как в северных частях Нижнего Поволжья разложение патриархального рода и становление классового общества происходили внутри земледельческого общества, что отражается такими памятниками, как древнейшие городища, и сменявшими их древнейшими могильниками, относимыми нами к мордве, — в степной части юго-востока РСФСР мы имеем несколько иную картину того же самого исторического процесса. По южному течению Волги, развертываясь от Оренбургских степей, по течению р. Урала, в завожских и калмыцких степях, в Каспийском приморье, по Манычу, переходя на Северный Кавказ, в южно-русские степи, широко раскинулись курганы как крупными группами, так и небольшими куртинами. Обыкновенно такие памятники носят название общего характера, а именно скифо-сарматских. Однако, те памятники, которые принято считать скифскими курганами, все же отличаются от сарматских — иначе говоря, в них мы должны видеть известные стадиальные изменения.

Ознакомимся с памятниками так называемой скифо-сарматской культуры, оговорившись, однако, что в пределах Нижнего Поволжья у нас нет пока возможности оперировать материалами из раскопок больших курганов, характерных для указанного времени, так как подобные курганы не были ни разу раскопаны на изучаемой территории. Между тем, существование их здесь несомненно так же, как и там, где они хорошо известны в археолого-исторических исследованиях. Достаточно, например, указать „царские могильницы“ в Пролейках, на Волге, Каменный и Крестовый мары по правому ее берегу, в бывш. Камышинском уезде, ряд таких же курганов в Калмыкии, на р. Урале близ коммуны „Спартак“ и т. д. Эти мощные памятники-курганы, высотой в 7—10 м при диаметре от 60 до 90 м, ждут еще своих исследователей.

Материалы из невысоких курганов дают нам все же полное право разрешать вопрос о характере культуры, ее стадиальном значении; при этом мы будем привлекать аналогичные и сопутствующие им памятники крупного размера хотя бы на Сев. Кавказе и в Приднепровье.

Какие же памятники материальной культуры, обычно относимые к скифам, мы можем указать на изучаемой территории? Они

одиночны, сравнительно редки, но, несмотря на это, характерны и весьма показательны. Нам в настоящее время известно около 50 курганов, которые можно отнести к скифским, и часть которых мы перечислим ниже, а часть опишем несколько подробнее после приведенного перечня. В ю.-в. группе у г. Энгельса—курганы № 5, 12, 31 из наших раскопок, там же по раскопкам П. Д. Рау—курганы Е 4:2, Е 23, F 1, F 6:6; в районе с. Визенмиллера—курганы № 4 (2 гр.), № 3 (3 гр.), № 2, 8 и 10 (4 гр.); у с. Фриденберга—№ 5, погр. (1 гр.); у хут. Шульц—F 10, D 4, Боаро D 24 и D 25; Суслы—№ 5 и 43; Альт Веймар D 17:2, B 12; с. Меркель (на правом берегу Волги), Экгейм—F № 13 и F 14, хут. Лебзак—F 19 (Красный Кут), Норка—№ 4; близ с. Харьковки № 9 и 14 (3 гр.), Блюменфельд—A 12, B 4 и B 5.

Скифское погребение

Таким образом, как видим, большинство скифских погребений находится на территории Республики немцев Поволжья, в ее завожской части. Отдельные курганы встречаются на территории почти всего Нижнего Поволжья: у жел.-дор. станции Лебязья—курган № 1, Гуселки—курган № 2; Ковыловка—курган, разоренный местными жителями, Труевская Маза; 2 кургана у ж.-д. станции Уральск; у с. Золотушинского на р. Ахтубе—погребение на дюне; в Калмыцкой республике—курган № 7 (1 гр.) в урочище „Три брата“ близ г. Элисты ^{106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113}.

Все отмеченные выше погребения, как мы уже сказали, в большинстве своем определяются в качестве скифских на основании тех предметов материальной культуры, которые мы в них имеем, а именно: бронзовые втульчатые с шипом или удлиненно-трехгранные наконечники стрел, золотые бляшки с изображением хищных животных, грубая местная посуда, костяные, резные или орнаментированные изделия, напр., „звериного“ стиля, мечи особого типа (акинаки) с сердцевидной крестовиной. Ориентировка покойников в могилах почти исключительно головой к З, а сами могилы довольно крупные и глубокие. Кроме того, в могилах мы находим целые или разделенные на крупные части туши домашних животных, главным образом овцы, затем лошади и коровы.

Рау, изучавший типологию бронзовых наконечников стрел, в основном правильно, как нам представляется, дал хронологическое определение памятников скифского времени, а именно: он рассматривает такие курганы, как № 5 из г. Энгельса в ю.-в. группе, 4 (5 погр.) из окрестностей хутора Шульц, № 3 (3 погр.) из окрестностей Визенмиллера и др.—относящимися к концу VI в.; такие, как, например, A 12 из Блюменфельда, Ковыловки и др.—к середине V в., расходясь в датировке с Б. Н. Граковым; такие,

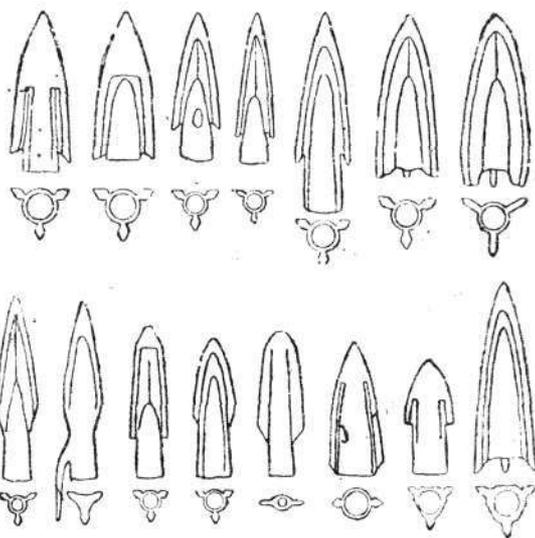
как курган в окрестностях Мергеля—к V—IV вв. ¹¹²). (Все даты относятся, конечно, ко времени до нашей эры).

Кроме курганов можно еще указать на некоторые случайные находки на территории Нижнего Поволжья, относящиеся также к скифскому времени, а именно: большое количество наконечников стрел, иногда наиболее древних форм (на речных дюнах—повсюду на Нижней Волге), бронзовый литой античный шлем (близ с. Ст. Печуры, Саратовского края), каменное овальное блюдо на ножках (Заволжье), бронзовый шаровидный котел с ручками и изображением кулана на боку (с. Салтово, на р. Еруслане), железные короткие мечи-акинаки, золотой сосуд (на дюнах у с. Соломатина, на р. Иловле и др.).

Что же нам дают в итоге перечисленные курганы? Мы остановимся только на некоторых из них в виду того, что остальные лишь повторяют материалы.

Курган № 5 (Суслы): в прямоугольной могиле с округленными углами, имеющей в длину 2,40 м, в ширину—1,60 м и в глубину 1,75 м, лежал костяк женщины на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к З. Погребение было ограблено, и из вещей сохранились только золотая нашивная бляшка со штампованным, типичным для скифов изображением хищника, кусок серы, костяная пластинка, два разрезанных на части костяка овцы без черепов и железный нож небольшого размера. Кроме того, в засыпке могильной ямы найдены черепки от двух сосудов: одни—от крупного, баночной формы, и другие—от небольшого, шаровидной формы. Там же найден верхний щиток черепахи, на котором лежала половинка баночного сосуда. Такая находка черепахового щитка не единственный случай.

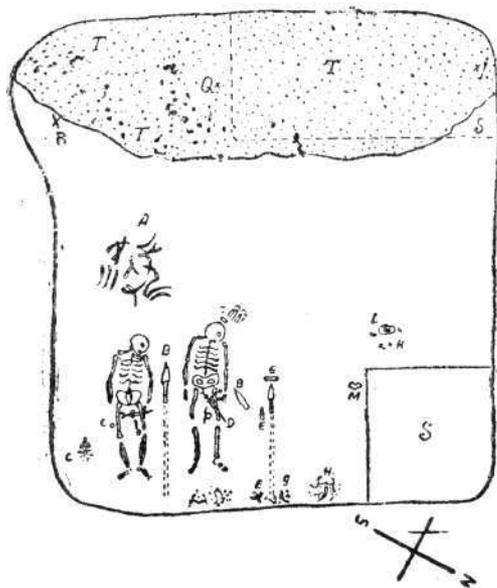
В кургане того же Сусловского могильника, под № 43, второе погребение дало следующее: в могиле, имевшей в длину 2,80 м, в ширину—1,30 м и в глубину—1,17 м, находился сильно потревоженный грызунами костяк мужчины, лежавший на спине и ориентированный головой к З. При костяке оказались следующие вещи: железные удила с S-видными псалиями и пряжками в форме литых бронзовых стилизованных козлов, маленькое бронзовое колечко, часть уздечного ремня с бронзовыми украшениями (кольцами), грубый широкогорлый сосуд без орнамента, второй, почти такой же, горшок с короткой шейей, обломок меча длиной до 20 см и такой же длины железный нож, 8 ребер лошади, кости перед-

Наконечники скифских стрел

ней ноги овцы и отдельно кости разрубленных туш коня и овцы также без черепов ¹⁰⁶).

В кургане близ ст. Уральск найдены в неглубоких могилах погребения мужчин, лежавших на спине вытянуто и ориентированных головой к З. Около них находились железные короткие мечи с серповидными навершиями.

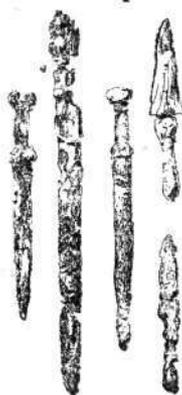

Скифское погребение в кургане А 12 близ Блюменфельда

Курган № 31 в ю.-в. группе близ г. Энгельса дал погребение, состоявшее из двух костяков, из которых один лежал головой к З, а другой рядом с ним, но ориентированный головой к В. Около первого, хорошо сохранившегося костяка мужчины, возле его левой руки найдены трехгранные бронзовые наконечники стрел и глиняный горшок. Около второго покойника, вероятно, женщины, вещей не было. Однако, в ногах обоих покойников, т. е., в с.-в. и ю.-з. углах могильной ямы, лежали по костяку овцы без черепов и грубые, плоскодонные глиняные горшки ¹⁰⁷).

В кургане № 5 той же ю.-в. группы близ г. Энгельса

было открыто нами погребение № 2, в котором оказался костяк мальчика, положенного головой к В. Около него найден глиняный горшок скифского типа, довольно грубой работы, с слегка округленными боками, выделенной шейкой и выпукликами на ней, как бы опоясывающими сосуд. Темнобурого цвета вещество, вероятно, кровь жертвенного животного, покрывает часть сосуда. Далее, около правого бедра покойника, лежал короткий железный кинжал с бронзовым навершием в виде двух соединяющихся спирально завитых концов. Крестовина кинжала сердцевидной формы, а ножны его имели кожаный наконечник, выше которого к ножнам была прикреплена бронзовая ромбовидная бляшка. Вдоль левой руки покойника находилось 10 бронзовых наконечников стрел скифского типа разной формы ¹⁰⁸).

Скифские мечи и кинжалы

Особенно интересным оказалось погребение в кургане А 12 близ Блюменфельда (Республика немцев Поволжья). Оно было описано Б. Н. Граковым. Приводим это описание в сокращенном виде. В кургане, имевшем в высоту до 1,6 м, была открыта могильная яма длиной в 5,4 м, шириной—4,9 м и глубиной—3,25 м. В ней оказалось погребение двух воинов, лежавших вытя-

нуто, головами к ЮЗ. Погребение было расположено в ю.-в. углу ямы и содержало следующие вещи: в головах первого покойника — железный нож и кости лошади. Вдоль левой стороны каждого костяка лежало по копыю с железным наконечником, причем одно из них имело для наконечника костяной футляр в виде головы хищника. Около левой кисти второго костяка лежал еще один наконечник копья. Близ голени правой ноги первого покойника находилась кучка бронзовых наконечников стрел. На бедренных костях левых ног обоих костяков помещались железные кинжалы с брусовидным навершием. В стороне от покойников, ближе к западной стенке ямы, найдены железные удила с псалиями и в разных местах ямы — части конского убора: сбруи, кольца, подвески и т. п., иногда украшенные головками грифов. Затем найдены были орнаментированные кабаньи клыки. Орнамент их так называемого „звериного“ стиля изображает изгибающиеся фигуры львов или тигров, спирально свернувшихся змей, а широкие концы клыков изображают раскрытые пасти тигров. Далее были найдены какие-то наконечники из кости, изображающие лежащих с поджатыми ногами верблюда, оленя и морды хищников. Большое скопление костей животных было обнаружено в ю.-з. части могилы, которая, судя по некоторому беспорядку в ней, была, очевидно, частично ограблена, а все сохранившееся лежало лишь в одном углу ямы ¹⁰⁹).

Наконечник из кости с изображением лежащего верблюда

На описании курганов В 4 и В 5 мы не останавливаемся, так как погребения в них оказались разрушенными, хотя и дали отдельные предметы, вроде наконечников стрел, сходных с таковыми же из кургана А 12, бус и кинжала ¹⁰⁹).

В кургане № 2 гр. 4 близ Визенмиллера оказалось также разрушенным погребение в могиле, ориентированной по линии В-3 и имевшей в длину 2,5 м, в ширину — 1,1 м и в глубину 1,4 м. В ней лежали разрушенный костяк человека, два костяка овец без черепов и глиняный сосуд с короткой шейкой ¹¹⁰).

Курган № 4, 2 гр. (там же) дал погребение № 2, оказавшееся в могильной яме длиной 2 м, шириной — 0,75 м и глубиной 2,56 м. В ней лежал на спине, вытянуто, костяк человека, ориентированный головой к ЮЗ. Погребение потревожено при рытье впускной могилы (№ 1), причем верхняя часть костяка, от правого плеча его до локтя левой руки, была срезана. Справа от покойника найден железный меч длиной 0,42 м (лезвие — 0,3 м). Навершие меча прямое, с крышечкой (сходно с мечом из кургана А 12 близ Блюменфельда), крестовина же — сердцевидной формы. Около рукояти меча найдено железное кольцо. В ногах покойника

Костяной предмет, изображающий морду хищника, служил чехлом для наконечника скифского копья

помещались кости ног овцы, а в засыпке ямы попадались черепки глиняного сосуда черного цвета ¹¹⁰).

Курган № 3 гр. 3 (там же) дал следующее: в могильной яме, имевшей в длину 2,60 м, в ширину — 1,45 м и в глубину — 1,25 м и ориентированной по линии СЗ — ЮВ, лежал костяк человека, на спине, вытянуто. Покойник был ориентирован головой к СЗ. У кисти левой руки его найдены бронзовые наконечники стрел, железный предмет, вероятно, короткий меч, и точильный камень. В головах покойника вдоль стенки могилы лежали костяки овцы и барашка без черепов и здесь же, справа, разбитый сосуд. Могила была прикрыта деревянным настилом, на котором, в засыпке ямы, в центре, на глубине 0,17 м, лежали кости человека, сложенные грудой, а около южной стенки ямы, на той же глубине — кости овцы ¹¹⁰).

В кургане № 5 гр. 1 близ Фриденберга открыто погребение № 1, в котором заключалось следующее: ориентированный головой к СЗ, в могильном входе погребения 2-го, лежал костяк человека на спине, с руками согнутыми в локтях и раскинутыми в стороны, как и ноги. Между бедром и кистью правой руки лежал раздавленный глиняный сосуд, под которым найден точильный брусок. Вдоль правой ноги покойника лежали кости овцы и утки. У правого колена помещался миниатюрный сосудик. В левой руке покойник держал железный кинжал с брусовидным навершием и сердцевидной крестовиной. Длина кинжала — 0,32 м, а длина лезвия не более 0,10 м. Под кинжалом оказался кабаньий клык со сверлиной. Здесь же лежала железная цепочка. Невдалеке от левой руки покойника находился костяк овцы без черепа, рядом с этим костяком — бронзовый наконечник стрелы ¹¹⁰).

Подобные же погребения открыты также в Республике немцев Поволжья — близ хуа. Шульц на р. Торгуне, в кургане Д 4, погр. 5, и близ Альт-Веймара — в кургане Д 17, погр. 2, раскопанных П. Д. Рау. В первом из них — Д 4 — найден костяк человека, ориентированный головой к З, и при нем — костяк овцы без черепа, бронзовые наконечники стрел, железный нож. Погребение было разрушено, вследствие чего полной картины его не имеем. Нахождение в нем одного железного наконечника стрелы вызывает вопрос, не попал ли он сюда случайно, не принадлежа к комплексу инвентаря. Очевидно, этот же вопрос ставит и П. Д. Рау ¹¹¹). В кургане Д 17, где было несколько погребений, одно относится к скифским и дает лишь остатки вследствие разрушения. Могила была ориентирована по линии СЗ — ЮВ. В с.-з. углу сохранились части костяков двух овец и отдельные части костяка человека. Кроме того, из погребального инвентаря уцелели трехгранный бронзовый наконечник стрелы, обломок, повидимому, бронзового браслета и кусок кристаллического гипса ¹¹¹).

Наконец, упомянем курган № 7 1 гр. близ г. Элисты („Три брата“). Покойник лежал здесь головой к З. При нем оказались кости овцы без черепа, ребра коровы, большое бронзовое зеркало с пластинчатой широкой ручкой, глиняный сосуд, железный ножик и, в засыпке ямы, колоколовидный небольшой предмет — часть конского убора.

Мы более или менее подробно остановились на перечисленных погребениях и их инвентаре, относящихся, по общему мнению

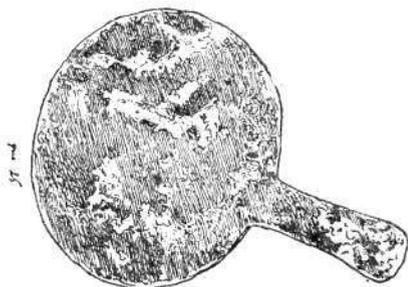
исследователей, к скифскому времени. Как видим, их очень немного вскрыто на территории Нижнего Поволжья. Это во всяком случае не говорит о том, что таких погребений вообще немного в Нижнем Поволжье. Надо сказать, что незначительная в большинстве высота насыпей, иногда еще сильно испорченных разрушениями, делает такие курганы мало заметными и не привлекающими внимания исследователей. Однако, мы видим, насколько важным представляется изучение именно этих погребений, так как в степных частях Нижнего Поволжья они являются прямыми приемниками более древних погребений со скорченными костяками, подтверждением чего могут служить хотя бы костяные трехгранные наконечники стрел в кургане близ с. Марьевки, Кузнецкого района. Совершенно ясно поэтому, что исследование подобных памятников имеет большое значение для выяснения вопроса о взаимосвязях скифских ранних памятников с поздними памятниками эпохи бронзы.

Ознакомившись с погребениями скифского времени, можно сделать заключение о том, что все они довольно четко выделяются из массы других, которые относятся к более позднему времени и которые принято считать памятниками сарматскими. Время их датируется, главным

образом, концом VI в. вплоть до III в. до нашей эры. Однако, нет больших оснований отказывать и в более поздней датировке некоторых позднейших погребений эпохи бронзы. Приводимые нами даты имеют главной своей целью дать бесспорные хронологические границы тем материалам, которые столь характерны для скифов в Нижнем Поволжье. Дальнейшие работы по изучению поздних погребений эпохи бронзы, вероятно, дадут более серьезные материалы, на основании которых мы действительно убедимся в продвижении хронологических определений для эпохи бронзы вперед, ближе к нашему времени, а, следовательно, и ко времени существования скифского общества. Такие попытки уже предпринимаются; достаточно назвать хотя бы работу В. А. Городцова о „киммерийской“ культуре¹¹⁴). Вопрос этот нельзя, как нам представляется, считать пока разрешенным, но мы приводим эту справку в доказательство возможности и необходимости таких исследований.

Не имея в виду ставить перед собой в исчерпывающей форме вопрос о характере общественно-экономического строя, существовавшего у скифов или у тех производственных групп, которые жили в VII—III в. до нашей эры на юге и юго-востоке европейской части РСФСР и в оренбургских степях¹¹⁵) и которые известны под именем скифов у античных писателей, мы должны коснуться точек зрения на этот вопрос, имеющихся в советской археологической литературе.

Вопрос о формации, которая была свойственна скифам, вызы-

Бронзовое зеркало

вал и вызывает большие разногласия; ответы на него можно свести к трем основным. Первая, наиболее старая и не марксистская точка зрения была высказана М. И. Ростовцевым в его большом исследовании о скифо-сарматской эпохе^{116, 117}). Основная мысль его заключается в признании скифского общества феодальным государством. Ростовцев видит в скифском обществе царей, дружину, феодалов и крепостных. Заключая свои соображения по поводу скифского общества, он говорит, что „скифская держава была крупным и серьезным государственным образованием“. Эта точка зрения была достаточно подвергнута критике со стороны марксистов-историков и в настоящее время может считаться полностью отвергнутой, так как она не подкрепляется ни фактами археологическими, ни самым пониманием характера феодального строя, основанного на частной собственности на землю, которой обладают эксплуататоры-феодалы, применяя внеэкономическое принуждение к крестьянам-крепостным. Этому явлению мы не можем установить в скифском обществе.

Другая точка зрения представлена уже советскими археологами и наиболее ярко выражена А. П. Смирновым, обосновавшим эту экспозицию скифской материальной культуры в Государственном историческом музее в Москве. Доклад А. П. Смирнова, сделанный им в Историческом музее в 1933 году, опубликован последним с оговоркой в предисловии о том, что вопрос об общественном строе у скифов до настоящего времени является еще дискуссионным, но что „проблема общественных отношений скифов вновь подвергалась всестороннему обсуждению в доклассовом секторе ГАИМК, где взгляды, аналогичные взглядам А. П. Смирнова, приобрели новых сторонников“¹¹⁸). Этот взгляд заключается в признании у скифов рабовладельческого строя. Автор доклада, опираясь на свидетельства Геродота о наличии у скифов рабов и указывая на работу В. И. Ленина „Государство и революция“¹¹⁹), приходит к заключению о том, что не следует думать непременно об античном рабстве, когда ставится вопрос о рабовладельческом строе. А. П. Смирнов говорит: „Из всех высказываний основоположников марксизма можно сделать вывод, что рабовладельческий способ производства это такой способ, когда непосредственный производитель юридически исключается из общественных отношений. Он обращается в простое орудие производства, и общество, вырастающее из эксплуатации рабского труда, имеет широкий диапазон развития и распространения. От патриархальной системы, рассчитанной преимущественно на собственное потребление, античный способ производства отличается хозяйством, рассчитанным на обмен“. Таким образом, — заключает А. П. Смирнов, — „рабовладельческий способ производства может быть распространен и на кочевые народы, так как и там можно найти производство, рассчитанное на обмен“. Отсюда исследователь переходит к скифам и, усматривая у них наличие признаков, какие он привел в качестве основных, считает скифов-кочевников рабовладельческим обществом. При этом здесь имеется в виду отнюдь не домашнее, патриархальное рабство, а именно то рабство, какое характерно для античного способа производства, когда „к рабу относятся, как к машине. Эксплуатация достигает максимума“. Сле-

пленение рабов, практиковавшееся, по словам Геродота, у скифов, А. П. Смирнов считает лишним доказательством существования как раз рабовладельческого способа производства, так как, по его мнению, этот прием калечения не отличается от других, имевших целью оградить общество от восстания рабов.

Обращая внимание на то, что влияние греческого торгового капитала совершенно разложило архаический строй скифов, А. П. Смирнов указывает на слова Маркса: „В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство“⁹³). Рассматривая скифское общество в дальнейшем, исследователь видит в нем развитие торговых отношений в связи с деятельностью причерноморских античных колоний, достигавших огромных размеров. Отсюда он делает вывод о том, что к скифскому обществу применимо известное высказывание Энгельса о постепенном отрыве органов родового строя „от своих корней в народе, роде, фратрии, в племени, а все родовое общественное устройство превращается в свою противоположность: из организации племен для заведывания своими собственными делами оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы государства и угнетения против собственного народа“¹²⁰). Следовательно, по мнению А. П. Смирнова, такие факты, как находки в Чертомлыкском кургане (золотые вещи и знаменитая серебряная ваза), в кургане Солоха (сосуды, известные золотые предметы украшения, золотой гребень и пр.), данные о грандиозных погребениях с лошадьми и свидетельства античных писателей о рабовладении у скифов и их воинственности говорят о том, что в скифское время существовали „вожди, превратившиеся в наследственных царьков, и военная дружина, ставшая опорой господствующей верхушки рабовладельческого общества, где каждый мужчина мог быть воином“¹²¹).

Мы не вполне разделяем точку зрения А. П. Смирнова на характер общественной структуры скифов, но высказаться дальше, после того, как изложим еще один взгляд по этому вопросу, с которым мы считаем возможным согласиться, но также с оговоркой. Взгляд этот лучше всего мотивирован В. И. Равдоникасом¹²²) и поддержан С. Н. Быковским¹²³). В. И. Равдоникас считает, что „скифы стояли на стадии родо-племенного общества (существование обряда побратимства, культ предков) с резко выраженным усилением роли вождей и их дружины, с элементами рабства, с патриархальным строем семьи, с семейной собственностью на жилище, на скот и т. д., с начавшейся имущественной дифференциацией между семьями и культом предков по мужской линии“. Для данной стадии, отмечает автор, „как ведущая производственная форма, типично кочевое скотоводство. Вместе с тем, на данной стадии существовало земледельческое общество (скифы-пахари, скифы-земледельцы)“...¹²²).

Подчеркивая важную роль земледелия в хозяйстве скифов, В. И. Равдоникас в то же время указывает на кочевое скотоводство, как основное ядро их хозяйства. Между ними была связь, отражавшая противоречия между кочевниками и земледельцами. Это проти-

воречие выступало „в форме обмена и в форме известного господства кочевников над земледельцами“. Земледельцы должны были в целях защиты „создавать типичные для данной стадии родо-племенные союзы и воздвигать крупные оборонительные сооружения“... И исследователь указывает на обширные городища в Приднепровье. Но царские скифы—скифы-кочевники обычно имели перевес на своей стороне и подчиняли себе земледельцев, как об этом говорит Геродот. Вооруженные отряды конных скифов-кочевников успешно нападали на земледельцев. Создавалась, по мнению В. И. Равдоникаса, такая система отношений, когда „скифское общество в целом имело производственной основой и кочевое скотоводство и земледелие, неразрывно связанное с пастушеским скотоводством“, земледельческие племена „находились в противоречивых меновых и даннических отношениях с племенами кочевническими“. Вместе с тем В. И. Равдоникас признает момент начального образования государственной власти вождей.

Считая, в основном, правильной концепцию старого исследователя Лаппо-Данилевского¹²⁴) и правильным, опять-таки в основном, освещении вопроса С. А. Семеновым-Зусером¹²⁵), В. И. Равдоникас тем не менее подвергает критике мнение последнего, как слишком идеализирующее общество у скифов, изображающее его как „идеальное воплощение первобытного коммунизма“¹⁶⁹). В заключение В. И. Равдоникас замечает, что в древней Скифии имели место, помимо стадии разложения родового общества, такие уклады, как рабовладельческий—в районах Нижнего Буга, Днепра, Тамани, Нижнего Дона и в некоторых районах Крыма, и родовой уклад в области лесостепи. Эта точка зрения, как мы уже сказали, разделяется и нами, но только мы считаем, что В. И. Равдоникас напрасно полагает существование матриархальной формы рода столь длительным—в предшествующей стадии, кимерской, представленной обществом, оставившим нам поздние погребения со скорченными костяками.

Как мы уже видели, эпоха бронзы, несомненно, коснулась и времени разложения родового строя; патриархальный род был ей полностью свойствен, и невозможно, например, отрицать в качестве относящегося к развитому патриархальному обществу ряд погребений эпохи бронзы в моменты ее развития, а не только конца. Вряд ли было бы верным считать группы кимеров в качестве однотипных матриархальных групп. Там, где мы имеем мужчин, вооруженных боевыми топорами, луками, стрелами, копьями и дротиками, иногда обладавших каменными булавами, где видим женщин, вполне подчиненных мужчине, как это следует из самой формы захоронения, мы едва ли будем в состоянии доказать, что перед нами та однотипная группа, о которой говорит В. И. Равдоникас. Это уже нечто более развитое, указывающее не только на патриархальное общество, но и на такое, когда имеются все элементы его разложения, создавшиеся в силу развития обмена, появления имущественного неравенства, вплоть до появления рабства. Еще более вероятно, что известная часть скорченных погребений будет уже относиться к скифам. Это особенно подчеркивается вновь открытым нами в 1936 г. впускным в боль-

шой курган № 25 (один из „Трех братьев“) погребением с пряжками, имеющими изображения хищных зверей.

Следовательно, та стадия развития скифского общества, о которой говорит В. И. Равдоникас, может показывать в начальном своем моменте и часть того, что упомянутый нами автор отбрасывает в предыдущую стадию. Нельзя стадиально объединять древнейшие погребения с погребениями срубно-хвалынскими или катакомбными. Здесь разница достаточно очевидна. Отсюда следует, что скифы не могли не быть тем обществом, которое уже достаточно ясно говорит о позднем патриархальном родовом строе*. В. И. Равдоникас правильно, как нам кажется, разрешает вопрос о существенных признаках этого общества, так как, по выражению С. Н. Быковского, он не равняет „всех скифов под одну гребенку“¹²³). Это как раз видно в высказываниях А. П. Смирнова, который усматривает лишь одну формацию для скифского общества, забывая, что скифы, занимая обширные пространства, должны были находиться в разных отношениях, например, хотя бы к античным колониям. Скифы-кочевники приволжских степей совсем не те, что скифы, кочевавшие близ греческих колоний, то наводившие ужас на соседей, то заимствовавшие от них предметы быта и даже сами включавшиеся в их хозяйственный уклад. Этим скифам рабовладение не могло быть чуждо.

Рабовладение существовало, конечно, и у древних скифов, но это рабство не выходило за пределы домашнего рабства, а жестокие формы его, как правильно указывает тот же Равдоникас, объясняются именно характером такой формы домашнего рабства, а не рабовладельческим способом производства. Скифы боялись скорее бегства рабов, нежели их вооруженного сопротивления. Явления рабства имели место у скифов, и ссылки на высказывания основоположников марксизма здесь не могут быть приводимы, так как они говорят совершенно о другом моменте. Для того, чтобы принять в отношении к скифам слова Энгельса, что рабство стало „господствующей формой производства у всех народов, переросших старый общинный быт“, надо раньше относительно тех же скифов доказать, что они этот быт переросли. Момент разложения патриархального строя — длительный процесс и не сразу он заменяется новой формацией. Смена формаций, как правило, происходит тогда, когда предшествующая, в данном случае — первобытно-коммунистическая, формация пройдет все стадии своего развития. С этого момента мы констатируем наличие новой формации. Цитаты, приводимые А. П. Смирновым, были бы ему действительно полезны, если бы исходные к ним отношения в скифском обществе были правильно им учтены.

В. И. Равдоникас в значительной степени верно указывает на рядовые курганы скифов, как всегда или почти всегда содержащие погребения воинов. Он имеет в виду ту „военную демократию“, которая характерна для родового общества и гораздо более говорит за его концепцию, нежели за концепцию А. П. Смирнова. Нельзя также не упомянуть и такого факта, как убийство скифского

* Погребение, открытое нами в 1935 г. в одном из трех крупных курганов близ г. Элисты в Калмыкии, известных под именем „Трех братьев“, особенно подчеркивает, как нам кажется, наличие элементов патриархального рабства.

царя Скила за его пристрастие ко всему греческому или угрозы скифов до крайности защищать от персидского царя могилы предков. Ссылка А. П. Смирнова на рассказ Геродота про царя Скила говорит не в пользу его концепции, а скорее наоборот. Очевидно, это скифское общество еще не было рабовладельческим, так как в противном случае оно не могло бы так реагировать на поведение своего вождя. Да и, кроме того, следует вспомнить, что это событие, сообщенное Геродотом, имело место так давно, что мы должны были бы допустить еще более ранний момент перехода скифов к рабовладельческому способу производства. Этого в действительности, повидимому, не было.

Наконец, рабовладельческая формация требует признания государственного образования, наличия классового общества, как это признает и А. П. Смирнов. Но, можно ли допустить, что такое государство скифов существовало? Едва ли. Невозможно допустить, чтобы в классовом обществе господствующий класс, между прочим, экономически ослаблял себя, погребая огромные материальные ценности, и прав С. Н. Быковский, говоря, что это могло быть только в обществе родовом, в эпоху его разложения, причем мы как раз знаем, что в погребениях, относящихся ко времени дальнейшего процесса разложения родового общества, все меньше и меньше встречаются такие ценности, заменяемые, наконец, всякого рода мишурой.

Что же дают нам курганы Нижнего Поволжья, которые мы относим, согласно с другими исследователями, к скифским? Их общую характеристику мы дали уже выше. Здесь остается сказать немного.

Вооруженные воины, нередко конные, судя по находимой конской сбруе в могилах и конским костям; женщины, обладавшие золотыми и другими украшениями; наличие значительного количества целых костяков овец; с другой стороны, почти полное отсутствие городищ этого времени в южной половине территории, — все это дает нам возможность говорить о скифах, во-первых, как об обществе кочевников-скотоводов. Во-вторых, характер украшений, имеющих в небольшом количестве, указывает на отсутствие античных влияний, т. е. о малой, вероятно, связи, существовавшей у скифов Приволжья и их соседей — оренбургских скифов — с греческими колониями, в противоположность связям, которые уже хорошо заметны в последующее время — в III—II вв. до нашей эры — у сарматских племен. Костяные наконечники из погребений поздниххвалынских указывают на связи скифского общества с предшествующим, которые предстоит внимательно изучать, чтобы сделать окончательный, но и теперь уже напрашивающийся вывод, сам по себе очень важный.

Нельзя полностью отрицать связи приволжских скифов с Причерноморьем. Об этом говорят такие находки, как бронзовый античный шлем, найденный близ с. Печеуры, Вольского района, Саратовского края, и пломбы, найденные на Водянском городище, близ Дубовки, Сталинградского края, определенные Латышевым в качестве античных, V в. до нашей эры. Кроме того, известны находки античных монет на приволжских дюнах. Самый характер находок вместе с тем указывает на незначительность этих связей,

как мы уже говорили, так как стиль находимых в курганах вещей не связывает их с античными. Такая связь, напротив, резко подчеркнута в кубанских памятниках материальной культуры скифов, последние не только принимают вещи, изготовленные специально, повидимому, для них, но и охотно берут путем обмена и грабежа вполне античные вещи. Обмен же, какой существовал у скифов-кочевников Нижнего Поволжья, должен быть установлен нами лишь в отношении к северной части территории, т. е. с племенами, которые прежде принято было называть финскими и которые мы знаем по их городищам того же времени — VII—IV вв. до нашей эры, как племена, представленные мордвою. Здесь мы имеем как раз подтверждение правильной мысли о существовании скифов-кочевников и скифов-земледельцев.

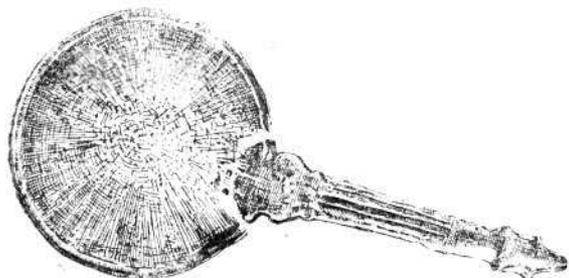
Древние скифы были одним из элементов при формировании различных племен. Отсюда понятным становится, что они в изучаемую нами эпоху и были теми земледельцами-скифами, которые могли частично оставить нам древнейшие городища в северной части Нижнего Поволжья. Сделанные там находки—упомянутый бронзовый шлем, а также и другие, вроде каменных овальных блюд (Куйбышевский край) и т. п. — опять-таки подчеркивают это единство того скифского кочевого и земледельческого общества, которое жило в Нижнем Поволжье. Оно находилось в стадии разложения родового общества и представляло родоплеменные организации, вышедшие из прежнего, до-скифского, общества и развивавшиеся на основе противоречия, следовавшего из обмена и некоторого господства кочевников над земледельцами, причем и те и другие были скифами.

Археологические материалы, какие мы имеем из раскопок, произведенных в Нижнем Поволжье, включая Калмыкию, не дают нам, к сожалению, возможности сказать что-либо относительно роли и характера вождей скифских родов, так как в нашем распоряжении нет вещей из больших курганов, какие хорошо известны в Приволжье. Однако, судя по находке бронзового античного шлема из Вольского района, а также по некоторому количеству скифских вещей из небольших курганов, напр., А. 12 близ Блюменфельда, 5 и 43 близ с. Суслы, можно с уверенностью предположить, что инвентарь некоторых крупных курганов должен быть сходным по характеру с указанным инвентарем. Вряд ли мы увидим в нем ту массу античных вещей, какие известны нам из курганов Приднепровья. Скорее в них должны отразиться местные элементы, общие скифским памятникам, восточного характера. Особенное подтверждение для такого предположения мы имеем в Блюменфельдском кургане ¹⁰⁹): резные из кости вещи этого кургана подчеркивают восточный, сибирский характер, менее свойственный вещам из кубанских и приднепровских больших курганов скифского времени. Отметим еще бронзовое зеркало с ручкой, заканчивающейся головкой барана, найденное лет 30 тому назад в Калмыкии, около Улан-Эрге, и хранящееся в Государственном историческом музее. По времени оно принадлежит к VI—V вв. до нашей эры. Что касается керамики, то на Нижней Волге мы совершенно не знаем античной посуды, которая не встречалась даже и в черепках на дюнах, тогда как скифские погребения Кубани и Приднепровья доста-

точно ею снабжены, причем это явление относится не только к погребениям из крупных курганов, но и к рядовым.

Если мы говорим о том, что скифское общество на Нижней Волге представляло собой общество, стоявшее на стадии разложения родового строя, то необходимо указать, в каких памятниках мы можем видеть признаки и доказательства существования более сильных членов племени или рода. Мы уже сказали, что в пределах Нижнего Поволжья нет памятников из крупных курганов, и только отдельные находки ведут нас к убеждению в присутствии этих памятников. Для характеристики высшего слоя родо-племенного общества можно упомянуть, например, о погребениях кургана близ Ульского аула на Сев. Кавказе, где были найдены костяки свыше 400 лошадей и большое количество всякого рода инвентаря, вроде светильников, оружия (длинные копья и дротики), сбруи с украшениями и т. п., или погребении вождя из кургана Чертомлыкского на Днестре, где также обнаружено довольно много костяков лошадей, предметов вооружения и утвари, например,

упомянутая нами известная серебряная ваза и, наконец, костяки рабвладельцев, погребенных при лошадях. Такие погребения, с одной стороны, свидетельствуют уже об особом характере уклада, как это видно в Чертомлыкском кургане, а, с другой, четко показывают, что скифы-кочевники обладали большими стадами лошадей и овец. Это последнее

Бронзовое зеркало из Улан-Эрге
(Калмыкия)

подчеркивает почти любой скифский маленький курган и само по себе служит доказательством кочевого быта. Напомним, кстати, что лошадь даже была тотемом для скифов, изображавших ее на своем оружии и на других вещах. Культовое значение лошади достаточно очевидно в материальных памятниках скифского общества.

Роль вождя у скифов хорошо выявлена погребениями, вскрытыми за пределами Нижней Волги. Это — организатор военных предприятий, это — будущий владыка, но пока еще стоящий в окружении других членов общества; мы уже говорили, что мужские погребения того времени всегда дают нам вооруженного мужчину. Из памятников Нижнего Поволжья можно указать на курган А 12 у с. Блюменфельд, где скорее всего мы также имеем погребение племенного вождя. В некоторых случаях вождь является уже рабовладельцем, близким по своему характеру античному рабовладельцу из тех же соседних колоний. Это относится, конечно, лишь к ограниченной скифской территории, но мы не должны забывать факта роста рабовладения у скифов. Это и объясняет те сведения об ослеплении рабов, сообщаемые Геродотом, на которые ссылаются как сторонники признания рабовладельческого строя у ски-

фов, так и те, кто считает его родо-племенным, т. е. обществом, находившимся на стадии разложения родового строя. Как нам представляется, толкование этого вопроса дается более правильно сторонниками последней точки зрения, которые видят, в частности, в рассказе Геродота доказательство насыщенности скифского общества внутренними противоречиями. Здесь нет и того противоречия во взглядах исследователей по скифскому вопросу, как это думает А. П. Смирнов относительно В. И. Равдоникаса. То же самое разложение рода можно видеть в обычае убийства жен вождей и погребения их совместно. Этот факт, который мы отмечали уже в предыдущую эпоху, характеризующую временем поздних курганов со скорченными костяками, здесь получает свое заметное усиление. Таким образом, мы считаем, что рассматривать скифов в качестве общества только рабовладельческого или только родового не следует, но необходимо принимать каждый раз во внимание те районы, скифское общество которых изучается. Одно дело — скифы в Причерноморье, иное в приволжских и оренбургских степях.

Если скифы-кочевники по археологическим нижеволжским материалам, относящимся, главным образом, к VI—IV вв. до нашей эры, представляются довольно ясно, то вопрос о скифах-земледельцах требует еще дальнейших исследований. Правда, результаты раскопок на Чардымском городище, которые, по нашему мнению, дают ту же стадию в развитии общества, что и материалы, характеризующие скифов-кочевников, должны, очевидно, быть приняты уже теперь во внимание, как и другие, получаемые пока лишь после поверхностных обследований мест поселений на Нижней Волге.

Находки бронзовых наконечников стрел скифского типа во многих местах северной части Нижнего Поволжья, напр., близ с. Терновки, Камышинского района, помимо упомянутого шлема в Вольском районе, пока определенно указывают нам на присутствие здесь скифов. О том же самом говорят и находки фрагментов грубой керамики, сходной с известной нам из скифских погребений как на дюнах, так и на городищах. Тщательные исследования в этом направлении являются одной из задач для археологов Саратовского края, так как здесь мы имеем значительное количество городищ, пока еще очень мало изученных. В число памятников, подлежащих такому изучению, следует включить, в частности, Водянское городище. Находка в его слоях свинцовых античных plomb V в. до нашей эры и непроверенные сведения, сообщенные нам саратовским краеведом Б. В. Зайковским о находках там же фрагментов будто бы характерных античных сосудов, давали последнему, как и А. А. Спицыну, основание ставить вопрос о том, не является ли Водянское городище геродотовским Гелоном, — городом, окруженным деревянными стенами, тем более, что в районах, примыкающих к городищу, на дюнах, имели место находки античных монет. Конечно, разрешение этого вопроса было бы весьма важным. Правда, Водянское городище чрезвычайно сильно пострадало от времени и разрушительной деятельности людей, и вследствие этого изучение его представляет немалые трудности, особенно и потому еще, что здесь позже находилось крупное поселение золотоордынского времени. Во всяком случае, однако, не

следует упускать из виду Водяное городище, как уже давнее материалы, несомненно, относящиеся к скифскому времени.

* * *

С III в. до нашей эры Нижнее Поволжье в археологическом отношении характеризуется памятниками материальной культуры сарматского времени, которые известны в большом количестве. Мы не имеем здесь возможности перечислить их все и назовем лишь некоторые из них, которые будут типичными для изучаемой нами территории. При этом следует отметить, что памятники эти широко распространены на всей территории и в большом количестве встречаются в южной ее половине, нежели в северной. Однако, эта последняя дает не только отдельные вещи, как это можно было установить в отношении скифских памятников, но и крупные курганные группы, а на дюнах остатки поселений, хотя и очень неясные. Связи сарматов с соседями—мордвой весьма четко подтверждаются археологическими материалами из раскопок могильников предполагаемой ранней мордвы, как например, Армеевского могильника III—VII вв. нашей эры в Кузнецком районе, Куйбышевского края.

Курганы, относимые к сарматским, делятся на несколько групп, судя по находящимся в них погребениям разного типа. Время, охватываемое этими погребениями, относится к эпохе эллинизма—с III в. до нашей эры и к так называемому римскому времени, т. е. до III в. нашей эры и несколько позже.

Нашими экспедициями¹²⁶⁾, работами других исследователей—И. В. Синицына¹²⁷⁾,¹²⁸⁾, П. Д. Рау¹²⁹⁾ и¹³⁰⁾, Т. М. Минаевой¹³¹⁾,¹³²⁾,¹³³⁾, а прежде—небольшими раскопками, произведенными А. А. Спицыным¹³⁴⁾ и Волковым¹³⁵⁾ и в примыкающей к Нижнему Поволжью части Куйбышевского края В. В. Гольмстен,—открыты курганные группы на территории всего Нижнего Поволжья по течению рр. Волги, Иловли, Латрыка, Колышлей, Узы, Карамана, Еруслана, Торгуна, Хопра, в Калмыцких степях, а также и на Деркуле, Чагане, Урале и пр. Типы погребений в сарматских курганах, обычно имеющих сравнительно небольшие диаметр и высоту (10—30 м при высоте 0,40—1,00 м и менее), весьма разнообразны, но их можно разделить на четыре основные группы, резко отличающиеся друг от друга по форме устройства погребальных ям: 1) более древние—эллинистического времени—с III в. до нашей эры и кончая I в. нашей эры, 2) погребения I—II в. нашей эры, 3) погребения II—III вв. нашей эры и 4) более поздние погребения—III—IV вв. нашей эры. KV—VII вв. мы относим погребения, лишь до некоторой степени связанные с предыдущими, но имеющие аналогию в таких черноморских могильниках, как Борисовский и Суук-Су, относимых к так называемым „готским“. Следует иметь в виду, что инвентарь погребений имеет сходные черты во всех группах, но наблюдается известное преобладание предметов материальной культуры, которые позволяют устанавливать некоторые хронологические границы, хотя иногда в значительной мере условные. Последние наши раскопки в Калмыкии показали, что даже и в четвертой группе, наиболее обособленной от других,

мы находим опять-таки вещи, близкие всем группам. Это обстоятельство объясняется тем фактом, что для всего сарматского времени мы имеем один, по существу, уклад общественной структуры и общие взаимосвязи сарматов с соседними эллинистическо-римскими колониями на Черном и Азовском морях и, с другой стороны, с племенами, жившими на севере Нижнего Поволжья. Но, поскольку сарматы оставались в Поволжье в течение сотен лет, постольку, конечно, видоизменялась и их материальная культура, что дает некоторую возможность устанавливать указанные хронологические подразделения.

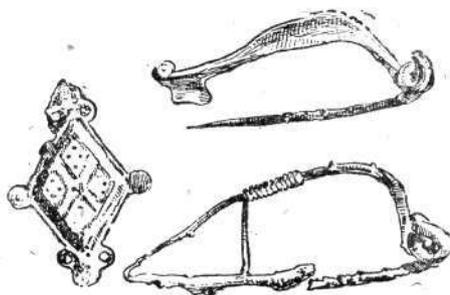
Первый тип погребений, относимых нами к наиболее древним, представляется в следующем виде: покойники лежат в нешироких прямоугольных ямах, довольно глубоких, на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, будучи ориентированы головой к Ю. Дно могилы бывает посыпано мелом, или при покойнике лежат более или менее крупные куски мела. Стенки могилы иногда обложены плашками, а сверху яма покрыта плахами. При покойнике-мужчине часто бывают следующие вещи: меч с прямой крестовиной и брусовидным, изогнутым под углом, навершием, бронзовые наконечники трехгранных (трехперых) стрел, железные наконечники стрел также трехгранные, но небольшого размера, втульчатые. В женских погребениях находят, обычно, бронзовые зеркала в виде диска со стержнем для деревянной ручки, в редких случаях ручки имели форму двух столбиков, покрытых сегментовидной бляшкой и укрепленных в центре оборотной стороны зеркального диска. Такие ручки имеют украшения, подобные украшениям ручек от более древних зеркал скифского времени, напр., в Келермесском кургане или в кургане Ульского аула (VI—V вв. до нашей эры).

Следует заметить, что такие погребения первого типа близки поздним скифским—как, например, в кургане 17 близ Альт-Веймара из раскопок П. Д. Рау. Б. Н. Граков считает их сарматскими и относит к особой группе ¹³⁶).

Второй тип погребений дает следующую картину: покойники лежат в широких, близких к квадрату или удлинённых ямах, вытянуто на спине, с руками вдоль туловища, головой ориентированы к ЮЗ или Ю. При покойниках находят короткие железные мечи типа кинжалов с прямой крестовиной и кольцевидным навершием, железные трехгранные наконечники стрел с черенками, маленькие сосуды (туалетного назначения) из алебаstra, стеатита или глины, бронзовые зеркальца с валикообразным ободком, пряслица из глины или алебаstra, бусы из лигнита (гешира), янтаря, смальты, сердолика, розового коралла, бронзовые фибулы римского типа mit umgeschlagenem Fuss и фибулы с широкими спинками и других типов. Кроме фибул необходимо упомянуть о весьма интересных подвесках к ожерелью, иногда составляющих самое ожерелье (курган № 37 в Суслах) и представляющих собою планкетки с лежащими львами или скарабеями, изготовленными из египетской пасты. Эти предметы, вероятно, проникли из черноморских колоний и датируются I—II вв. нашей эры, причем в Керченском погребении под № 339 такая планкетка была найдена даже вместе с монетой III в. Однако, по мнению Эберта, эти

предметы могут относиться и к более раннему времени, II—I вв. до нашей эры.

Помимо этих вещей можно указать еще подвеску в виде мозаичного кубика, по сторонам которого видны изображения человеческого лица (кург. 57 в Суслах). Такие предметы Б. Формаковский, на основании раскопок в Ольвии, относил ко II веку.

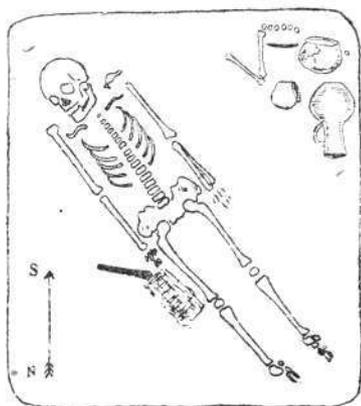
Фибулы (застежки)

Далее в погребениях второго типа известны довольно часто встречающиеся небольшие глиняные сосудики в виде цилиндрических баночек с отверстием близ края (очевидно для деревянной ручки). В одном случае подобный сосуд был вставлен в крупный стаканообразный, глиняный же, сосуд с угольками. Наконец, весьма интересной находкой

можно считать бронзовый шлем римского типа из кургана 22 близ Мариенталя (Республика немцев Поволжья) в раскопках П. Д. Рау¹³⁷).

Второй тип погребений представлен наиболее богатым и разнообразным инвентарем, как можно было убедиться выше. Он дает, кроме того, разнообразную глиняную посуду как местного производства, так и импортного, высокого качества, например, в кургане № 21 (Суслы), а также бронзовую утварь, — в том же Сусловском могильнике, в кургане, раскопанном в 1913 г. местными жителями, или в кургане близ с. Б. Дмитриевки, в 60 км от Саратова, на р. Латрыке. При погребениях как первого, так и второго типа всегда находятся кости овец, главным образом, во втором типе, — передняя нога с лопаткой.

Погребения *третьей* группы представляют собою квадратные обширные ямы, в которых покойники лежат по диагонали, головами к ЮВ. Они были найдены в Калмыцкой степи в курганном могильнике близ пос. Абганеры в 1929 г.¹³⁸). Эти погребения обладают почти тем же самым инвентарем, что и погребения второй группы, но вместе с тем имеют одно существенное отличие от них, а именно: здесь находят совершенно иной тип мечей. Это обстоятельство указывает на связь их с более поздними погребениями четвертой группы, хотя, повторяем, их инвентарь и близок ко второй группе. Погребения третьей группы известны, главным образом, в Калмыцкой степи и имеют лишь отдельные связи с погребениями в других местностях Нижней Волги.

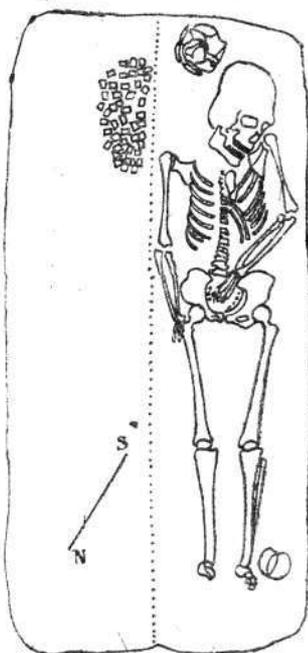

Сарматское погребение

Как было уже нами отмечено, в этих погребениях наиболее четкое различие замечается не в посуде, в большинстве импортной (кувшины с высоким горлом), а в оружии, которым погребенная весьма богата. В каждой абганеровской могиле найдено по большому, длиной почти в 1 метр, массивному широкому железному мечу в деревянных ножнах, окрашенных красной лаковой краской. Мечи эти не имеют крестовин, и навершие их представляет круглый шарик из пасты или халцедона или плоский кружок из того же халцедона^{139, 140}). Кроме того, при мечах бывают крупные, с широким лезвием кинжалы, также без крестовин и наверший, в ножнах, окрашенных в красный цвет. При покойниках находят фибулы с широкими удлиненно-овальными спинками и широкими четырехугольными пластинчатыми приемниками для иглы. Фибулы служили, очевидно, для застегивания плащей. Они всегда лежат на левой стороне груди, близ ключицы. Время их определяют I—II вв. нашей эры. Характерной чертой ритуала можно считать присутствие железных колец от сбруи и удила.

Кроме того, находятся костяные обкладки лука¹⁴¹), остатки колчанов и кости ног овцы. Интересным можно считать отсутствие стрел, что остается пока непонятным. Характерным для костяков в этих погребениях является деформация черепов. Время таких погребений—II в. нашей эры, так как этот тип погребений тесно примыкает к четвертому, который датируется III—IV в., а ближе всего, вероятно, III в.

Четвертый тип погребений характеризуется следующими чертами. Могильное сооружение их резко отличается от всех предыдущих устройством особых подбоев, чаще всего в западной стенке входной ямы, причем в большинстве случаев подбой узкие и невысокие, так что иногда покойник бывает в него буквально втиснут. Эти подбой закрывались досками, а могильные входы оказывались прикрытыми или досками или ветками. Подобный тип могил встречается как на юге Нижнего Поволжья—в Калмыцкой степи¹⁴²) и в районе р. Ахтубы¹⁴³), так и на севере, напр., в Аткарском районе Саратовского края, на р. Колышлее¹⁴⁴) или на востоке—на р. Урале¹⁴⁵). В подбойных могилах лежат костяки, ориентированные или на С или на Ю, а также на ЮВ (в Калмыкии). Они мало чем отличаются друг от друга в своем инвентаре, лишь покойники в них различно ориентированы. Черепы их всегда деформированы. Обычный мужской инвентарь составляют железные широкие, массивные и длинные (около 1 метра) мечи, совершенно сходные с мечами из погребений третьего типа, но кинжалов при них не бывает. Так же, как и в третьем типе погребений,

Сарматское погребение
в подбое

при мужских и женских костяках находятся фибулы тех же форм, причем следует присоединить еще одну форму их в виде звездчатой фибулы, шестиугольный щиток которой покрыт цветной эмалью, а по концам укреплены кружочки. Такую фибулу Salin считает характерной для II в. нашей эры¹⁴⁶). Кроме того, как правило, при костяках бывают железные небольшие ножи с костяными рукоятками, оканчивающимися плоскими круглыми навершиями. Часто находятся большие, до 1,50 м, луки с костяными обкладками, мелкие железные наконечники стрел с черенками.

В женских погребениях всегда встречаются бусы, маленькие бронзовые зеркальца с отверстием на ободке и решетчатым орнаментом, цилиндрические сосудики с отверстиями у верхнего края. В погребении женщины в кургане № 1 группы 2 близ Виземиллера (Республика немцев Поволжья) было найдено ожерелье из золотых круглых плоских подвесок со стеклянными, желтоватого цвета глазками¹⁴⁷). В калмыцкой степи во 2-й группе курганов „Три брата“¹⁴²) два кургана—№№ 13 и 14—дали весьма интересный

Сарматский кувшин

комплекс вещей: ожерелья из смальтовых орнаментированных бус, планкетки со львами, фигурку бога Беса (из египетской пасты), бронзовые пластинчатые, с завитками на концах, кольцевые застёжки типа мордовских сьюльгам, серебряные пластинчатые лунницы с круглыми завитками, лигнитовые, гранчатые гранатовые крупные бусы, халцедоновые, стеклянные и янтарные бусы, составлявшие богатые ожерелья, бронзовые зеркальца, одно — с прямоугольным ушком и другое — с бронзовой петлей в центре диска, фибулы с широкими продолговатыми спинками. Найдены затем бронзовые игольники, глиняные пряслица и лощеная голубовато-серого цвета импортная посуда в виде кувшинов с ручками. Известны, кроме того, типичные глиняные импортные миски или тарелки с находимыми иногда на них костями овцы. Кости овец всегда составляют часть инвентаря в подбойных погребениях, причем иногда встречались также и кости лошадей. Подобные погребения указывают своим инвентарем на значительную дифференциацию: наряду с богатыми мы имеем и очень бедные погребения, в которых находим обычно лишь простой глиняный горшок и пряслице, 3—4 бусины из лигнита (гешира) или янтаря—у женщин и также один сосуд и железный ножик—вместо мечей—у мужчин.

Обычные ориентировки к С и Ю иногда заменяются ориентировками к СЗ и ЮВ. Как правило, наиболее богатым инвентарем обладают погребения, в которых покойники бывают ориентированы головами к С или Ю. Богатые погребения к тому же бывают и в более глубоких подбоях в сравнении с подбоями, где погребались покойники с бедным инвентарем. Ярким примером этого могут служить погребения в кургане 14 и 15 той же 2-й группы „Трех братьев“: вместо глубокого подбоя, как в кургане № 14, в кургане № 15 мы видим лишь небольшой, очень неширокий подбой; вместо богатого набора вещей в кургане № 14 находим в кургане

№ 15 всего несколько янтарных бус. Еще более бедные погребения в небрежно вырытых подбоях встречаем мы в курганной группе в г. Элисте¹⁴⁸). По таким предметам, как планкетки со львами, фигурка Беса, фибулы, халцедоновые бусы, железные длинные мечи, пластинчатые кольцевые застёжки, бронзовые пряжки от поясов, на которых, вероятно, носились мечи (курган № 17 гр. 2 „Три брата“), можно считать наиболее верной датировкой для подбойных погребений III в. с возможными отклонениями как к концу II в., так и к IV в. Упомянув о IV в. нашей эры, как дающем некоторые подбойные погребения, мы считаем весьма важным обратить внимание на несколько погребений, которые, не будучи тесно связаны по своему характеру с подбойными погребениями, описанными выше, не могут вместе с тем быть полностью от них оторваны и занимают, несомненно, особое и своеобразное место. При этом не возникает сомнений в их датировке концом IV — началом V века. Мы имеем в виду подбойное погребение женщины с конем в кургане № 36 ю.-в. группы в г. Энгельсе (б. Покровске), вещи из разрушенного кургана также около г. Энгельса, на р. Березовке¹⁴⁹), и два погребения в курганах № 2 и № 3 близ станции Шипово, Рязано-Уральской ж. д.¹⁴⁹). Характерными предметами из кургана № 36 являются серебряные серьги „калачиком“ со вставками из гранатов. Кроме того, следует иметь в виду и деформированность черепа покойницы. Причем украшения вещей гранатами или альмандинами и орнамент в виде рыбьей чешуи становятся широко распространенными в IV—V вв., и мы видим уже довольно много таких предметов. Такой орнамент дают нам и вещи из кургана № 3 близ ст. Шипово. Упомянутые погребения показывают своеобразную картину захоронения, чрезвычайно редкую для Нижнего Поволжья. Поэтому мы даем здесь подробное описание погребений в курганах № 2 и № 3 (13 гр.) близ ст. Шипово, Ряз.-Уральской ж. д., которые являются пока единственными в своем роде и представляют следующее.

Курган № 2. Диаметр его—9 м, высота—0,5 м. В грунте обнаружена могильная яма прямоугольной формы, длиной в 2,4 м, шириной—0,90 м и глубиной—2,20 м. На дне ее лежал костяк женщины, ростом 1,76 м, вытянуто, на спине, ориентированный к С—СВ. На голове покойницы находилась бронзовая, крытая тонким золоченым листком диадема в виде трех пластинок, нашитых на тонкую кожаную ленту. К центральной пластинке, сверху, прикреплен стилизованный цветок, сделанный из такой же пластинки. Как в нем, так и во всех трех пластинках, составляющих диадему, вставлены, по три в ряд, вертикально полушарной формы цветные стекла, заменяющие, очевидно, драгоценные камни. Таких рядов на диадеме—21, а стекол—63. Диадема на голове скреплялась, очевидно, шнурком или ремешком, причем сохранились бронзовая петелька и крючок. Накладная пластинка, сохранившая следы позолоты, представляла собой как бы решетку на пластинах, составляющих диадему; отверстия такой решетки являются гнездами для стекол; пластинка покрыта орнаментом в виде рубчатых или плегеных полосок. На шее покойницы—бронзовая, покрытая тонким золотым листком, гривна в виде двух скрученных проволок. Один из концов у гривни—тупой, а другой—суживающийся. Около

левого ушного отверстия черепа найдена небольшая массивная, но гладкая, круглая золотая подвеска-серьга, а соответствующая ей по форме другая, бронзовая, вместе с частью ремня, оказалась на правом бедре покойницы. На поясе покойницы была железная пряжка. На ногах были, повидимому, башмаки с серебряными золочеными пряжками, из которых сохранилась одна. Она покрыта чеканным орнаментом из точек и рубчиков.

У западной стенки могилы, вдоль правого бедра покойницы, обнаружены также остатки деревянной коробочки и железный ножик, а ближе к ногам — обломок бронзового гладкого зеркальца и глиняное плоское пряслице. Здесь же лежал костячок ягненка. Череп покойницы сильно деформирован, будучи вытянут кверху.

Курган № 3 имеет диаметр 15 м и высоту — 0,55 м. (Полю этого кургана сливаются с полями кургана № 2).

В кургане обнаружена прямоугольной формы с округленными углами могильная яма в грунте. Длина могилы — 2,25 м, ширина — 0,90 м и глубина — 2 м. На глубине 6 см, в ю.-з. углу ее, в засыпке, найдены череп и кости ног овцы, положенной головой к Ю, а рядом — истлевшие остатки дощечки.

На глубине 1,42 м в том же углу найдены лежащие на брестяном покрытии гроба деревянное седло и конская сбруя. Седло довольно плоское, почти круглое, обитое какой-то тканью, а лука, также покрытая тканью, обита двумя золотыми тонкими пластинками, прикрепленными бронзовыми гвоздиками к дереву. Пластинки имеют сегментовидную форму и покрыты сплошь чешуйчатым орнаментом с пояском по краю. Сбруя состоит из прямоугольных и крупных квадратных блях с накладными тонкими золочеными пластинками; орнамент имеет вид вписанных один в другой квадратов. Всего таких чеканных квадратов четыре, а в середине имеется выпуклость в виде квадратика, покрывающего четыре вздымающихся стороны, орнаментированные четырьмя хордами, одна в другую заключенными. Прямоугольные бляхи покрыты чеканным орнаментом в виде плетенки. Бляхи были нашиты на ремни, от которых сохранились остатки.

Здесь же найдены и бляшки от тонкого ремешка с наконечником, подобные выделываемым и в настоящее время для кавказских поясков. Самый ремешок был шириной в 1 сантиметр; бляшки эти покрыты также чеканным орнаментом в виде кружков, соединенных рубчиком и размещенных между двумя параллельными линиями. Один из ремней, повидимому, заканчивался пряжкой, здесь же сохранившейся и вполне сходной с той, какая была найдена у ног покойницы в кургане № 2. Среди этой сбруи были обнаружены, кроме того, простые железные удила с деревянными псалиями и деревянная резная подвеска-науз в виде полумесяца неправильной формы, с подвешенной к ней на бронзовом колечке шишечкой. Все деревянные предметы были покрыты тонким золотым листком плохого качества, но орнаментированным в виде рыбьей чешуи, как и пластины от седла.

На дне могила расширена в с.-в. части, и углы ее здесь углублены в сравнении с ю.-з. стороной. В могиле лежит костяк мужчины, ростом 1,70 м, на спине, вытянуто, ориентированный к СВ. На шее покойника обнаружено ожерелье, состоящее из обложен-

ного золотым листком шнура, на котором имелись подвески в виде бронзовых кружков или эллипсов с волутообразными изгибами внизу. Эти подвески покрыты белой пастой или, может быть, плохого качества эмалью. Здесь же найден кусочек стекла. Покойник одет в шелковый кафтан малинового цвета, с запахивающимися бортами (верхняя часть кафтана сохранилась на груди) и длинными, ниже пальцев рук, рукавами. По длине кафтан достигал колен. По верхней части борта — на груди, по нижнему краю и на рукавах его были нашиты ромбовидные бронзовые бляшки, покрытые золотым листком. Орнамент бляшек имеет форму рубчиков, покрывающих округлую середину бляшек и рубчатую полосу по краю. Кафтан подпоясан пояском, на котором нашиты такие же бляшки. Пряжка у пояса такого же вида, как и вышеописанные. На обеих руках покойника было по тонкому бронзовому браслету, а у пояса справа — небольшой кинжал, подвешенный к поясу при помощи железной пряжки. Рукоятка кинжала плохо сохранилась и, повидимому, не имела перекрестья. Кинжал находился в деревянных ножнах, обложенных тонким золотым листком с чешуйчатым орнаментом. Под левым коленом покойника лежал трехперый железный наконечник дротика или стрелы.

Покойник имел своеобразно устроенное покрытие, заменявшее, очевидно, гроб. Оно имело форму деревянной прямоугольной рамы с решетчатыми боками, причем планки были вставлены в раму. Сверху гроб был обтянут берестой, которая образовала как бы свод; гроб этот отпечатался в поперечном своем сечении на с.-в. стенке могилы. Череп костяка оказался сильно деформированным и вполне сходным с черепом из кургана № 2. Кроме того, сохранилось некоторое количество курчавых волос с головы. На груди покойника найдены волосы и остатки кожи, вероятно, от плаща. Вне гроба, в северном углу могилы, стояла деревянная долбленая кружка с ручкой. Она была прикреплена бронзовым колечком к ремню, покрытому малиновой шелковой тканью с нашитыми на нем ромбовидными бляшками описанного типа. Вероятно, эта кружка носилась на ремне через плечо. По линии плеча покойника, также вне гроба, у западной стенки могилы лежала нагайка, часть которой, где прикрепляется к ручке ремень, сохранилась. На линии бедра покойника, у западной же стенки, обнаружены остатки берестяной коробки, в которой лежало, разбитое на две части, плоское бронзовое зеркало, отлитое вместе с черенком. Здесь же, ближе к гробу, лежали мелкие кости овцы. Повсюду на дне могилы — мелкий уголь.

Изучая эти погребения, Т. М. Минаева пришла к заключению, что инвентарь их должен быть поставлен в связь с инвентарем курганов с. Ново-Григорьевского, бывш. Полтавской губ., раскопанных Самоквасовым¹⁴⁹). Хронологически исследовательница определяет шиповские курганы №№ 2 и 3 IV—V вв. нашей эры. Добавим, что мы считаем возможным в качестве датировки допустить время отнюдь не далее начала V века.

Судя по деформации черепов и общему типу погребений, мы полагаем, что их можно ставить в некоторую связь с сарматскими, но по времени они должны быть более поздними, т. е. относящимися к V—V вв. Вместе с тем, они свидетельствуют о поя-

влении каких-то иных отношений в обществе: погребенные в этих курганах люди представляют уже не рядовое явление, а явно стоят особняком.

Как же теперь можно обрисовать, хотя бы в общих чертах, социально-экономическую структуру того общества, которое оставило нам описанные выше погребения?

Несмотря на то, что мы изучаем время довольно продолжительное — от III в. до нашей эры и кончая IV в. нашей эры, мы можем сказать, что для сарматского общества почти в течение всего этого времени характерно кочевое скотоводство. Это утверждение мы делаем на основе следующих известных нам материалов. Прежде всего, в могилах мы не имеем никаких орудий для обработки земли, например, лемехов, серпов, зернотерок и т. п. Затем мы видим большое количество оружия: мечи, луки со стрелами в берестяных колчанах и, очевидно, боевых лошадей, судя по находкам удила, прочей сбруи и даже конских костей. Вероятно, значение лошади во II веке было весьма велико, так как появление длинных мечей в подбойных могилах указывает, конечно, на необходимость постоянного пользования лошадью в бою, иначе владельцы таких мечей не могли бы с успехом сражаться. Это обстоятельство, подмеченное В. В. Гольмстен¹⁵⁰), подтверждается также и наличием больших луков, известных во многих подбойных могилах, напр., в кургане № 3 близ оз. Баскунчак и напоминающих недавние башкирские луки. Известны также находки и повозок на двух колесах с дышлом, например, находка в кургане № 1 Сусловского могильника, а для IV века — даже погребение с конем в кургане № 36 (Покровск, ю. в. гр.).

Значительное количество разнообразных украшений, большей частью импортного характера, привозной керамики, наряду с грубой посудой местного производства, изготовленной без употребления гончарного круга, говорит о существовании у сарматов довольно значительного обмена, гораздо более интенсивного, чем это было у скифов, по крайней мере в отношении нижневолжских и уральских степей. Связи у сарматов существовали также и с жителями лесной полосы Нижнего Поволжья: мы видим в сарматских курганах, во-первых, вещи, свойственные земледельцам — мордве, например, берестяные короба и коробки (курган 38 — Суслы) и, возможно, деревянную посуду (курган № 1 — Суслы), а у мордвы мы находим хотя бы такие предметы, как всякого рода пряжки. Кстати, напомним известную уже нам костяную стрелу, засевшую в бедре сармата (кург. 21 — Мариенталь), которая указывает опять-таки на известные отношения с земледельческим населением лесной полосы. Длинные одежды женщин, как это видно по целому ряду погребений, имели много мелких бисерного типа бус близ ступней ног, у нижних концов берцовых костей, и говорят о характере одежды женщин-кочевниц. Присутствие в могилах костей овец также ведет нас к предположению о развитом у сарматов кочевом скотоводстве. Следует обратить особое внимание на то, что в противоположность скифскому сарматское время отличается значительным развитием курганных могильников. Очевидно, где-то поблизости в большинстве случаев находились места их поселений.

Сарматы, жившие на Нижней Волге, были гораздо более связаны с Черноморьем, нежели скифы. Так, например, ряд украшений, находимых в погребениях, относится, несомненно, к производству греко-римских колоний, особенно Танаиса и Пантикапея (Керчи). Достаточно указать, что среди этих украшений мы встречаем планкетки с изображениями львов, скарабеев, римские фибулы, римскую бронзовую посуду⁸⁴. 136, 139) I—II вв. нашей эры. П. Н. Пиотровский указывает, что на Сев. Кавказе вещи из египетской пасты и фаянса не редки и большей частью не вывозились из Египта, но изготовлялись в Причерноморье, где были центры торговли египетскими амулетами¹⁵¹). Уже в одном погребении IV в. до нашей эры была найдена фигурка Беса, подобная найденной нами в кургане № 14 в окрестностях г. Элисты (группа „Три брата“). В кубанских курганах такие изделия встречаются весьма часто. Например, у ст. Тифлисской, в раскопках Н. И. Веселовского, найдены планкетки со львом и подвеска в виде двух соединенных цилиндров¹⁵²); фигурка Беса найдена на побережье Черного моря¹⁵³); в Недвиговке, близ древнего Танаиса, были найдены планкетки со львами, скарабеи, рубчатые бусы из пасты¹⁵⁴). Если обратиться к древним писателям, то можно убедиться в том, что в ту эпоху обмен у колоний с сарматами был действительно развит. Плиний, например, сообщает, что чистый мед из понтийских стран хорошо известен, а Страбон следующим образом описывает упомянутый выше Танаис: „он служил торжищем для азиатских и европейских кочевников и для проезжающих по озеру (Азовскому морю) из Боспора: первые доставляли рабов, шкуры и разные другие товары; кочевников, а другие—взамен привозили платья, вино и пр. предметы, свойственные цивилизованному образу жизни“. Наконец, необходимо отметить очень значительное количество римских монет III в., повсюду находимых на Нижней Волге, главным образом, серебряных монет времен от императора Трояна до Константина Великого. Это также не может не свидетельствовать о связях приволжских сарматов с античными колониями, что именно и описывает Страбон.

На основании тех же известий древних писателей можно предполагать, что Нижнее Поволжье в то время было занято такими сарматскими племенами, как аорсы и сираки, которые затем были оттеснены сарматами же—аланами.

Возможно, что часть аорсов и сираков, вместе с аланами, могла кочевать по Нижнему Поволжью, имея и места постоянных поселений, но уверенности у нас в этом последнем нет. Отсюда становится понятным такое значительное разнообразие форм могильных сооружений, какое мы отмечаем в сарматскую эпоху со II века до нашей эры и вплоть до IV в. нашей эры. Мы предполагаем, что такие погребения, как подобные, скорее всего могут относиться к аланам. К сожалению, в нашем распоряжении нет археологических материалов, которые давали бы нам доказательство оседлой жизни сарматов, подобно тому, что хорошо известно по кубанским раскопкам, произведенным хотя бы А. А. Миллером у ст. Усть-Лабинской¹⁵⁵); здесь он открыл групповые погребения. Здесь же, как известно, раньше были раскопаны курганы Н. И. Весе-

ловским, довольно богатые и явно кочевнические. Однако, последний правильно допускал возможность также и бедных могил. Это важно потому, что такие могилы связаны с городищем, т. е. указывают с несомненностью на оседлый образ жизни части сарматского населения. Этот факт подтверждается и сведениями, оставленными нам тем же Страбоном, который сообщает, что „сарматы — аорсы и сираки, — спускающиеся к югу с Кавказских гор, одни кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием“¹⁵⁶). При этом для Заволжья Страбон указывает кочевников, что не расходится и с нашими археологическими данными.

Действительно, мы не имеем в Нижнем Поволжье ни сарматских городищ, ни более или менее значительных стоянок. О таких городищах, как Волянское, на которое мы указывали, как на возможное место поселения скифского времени, пока трудно сказать что-нибудь определенное, а неясные сведения, какие мы имели от жителей с. Суслы (Республика немцев Поволжья) на р. Большом Карамане относительно находок больших ям с зерном тоже не могут быть основательными для решения вопроса. Эти сведения, однако, безусловно интересны, поскольку упоминания о зерновых ямах совпадают с точными данными о Сев. Кавказе А. А. Миллера и, с его слов, В. И. Равдоникаса, который уже совершенно правильно объясняет смысл их существования и значения наличием меновой торговли хлебом.

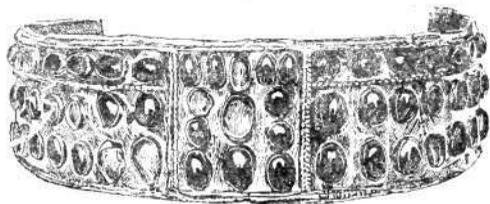
Если нижеволжские сарматы не имели постоянных мест поселений близ рек степной части страны, то в северной лесной части территории мы видим серьезные намеки на такие поселения их. Обычно мы относим их не к сарматам, а к мордве. Но такой факт, как довольно значительные находки сарматских вещей, например, мечей, удила и т. п. на Нижне-Липовском городище, быв. Кузнецкого у., на р. Суре, находка сарматского наконечника стрелы в насыпи кургана у с. Марьевки близ ст. Татищево Ряз.-Ур. ж. д. и др. отдельных предметов в других местах, позволяет допускать возможность их поселений. Кроме того, такие северные курганные группы, дающие подбойные погребения, как раскопанные И. В. Синециным на р. Колышлее в Аткарском районе, также довольно знаменательны.

Мы уже описывали стоящие несколько особняком два кургана № 2 и 3 близ ст. Шипово, Ряз.-Уральской ж. д., известные не только по нашей раскопке, но и по детальному изучению их Т. М. Минаевой¹⁴⁹). Эти курганы содержат, без всякого сомнения, погребения вождя (кург. № 3) и женщины, возможно, его жены (курган № 2). Оба кургана насыпаны настолько близко друг к другу, что полы их сливаются. Оба погребения совершенно одинаковы по своему устройству и дают довольно богатый инвентарь, хотя все вещи, кроме одной — массивной золотой серьги — представляют собою лишь имитацию золотых украшений, будучи изготовлены из тончайших листочков золота, положенных на бронзовую или деревянную основу. Относя эти погребения к IV—V вв., мы считаем их близко стоящими к гунискому времени в Нижнем Поволжье, судя по инвентарю — деревянным резным предметам, обложенным тонкими листочками золота. Этот технический прием связывает наши погребения с некоторыми сибирскими погребениями,

например, из раскопок, производившихся Радловым. Отличный от всех других погребений, тип шиповских погребений не дал бы нам права вводить их в общий круг сарматских, но по времени мы можем ставить их рядом с подобными, хотя и с большими оговорками в пользу истолкования их, как гуннских. Черепа покойников в этих курганах оказались деформированными так же, как и у покойницы из кургана № 36 (ю.-в. группы) близ г. Энгельса. Последняя, напомним, имела серьги известной формы калачиком со вставками из гранатов. Стекланные же глазки, вставленные в миниатюрную диадему покойницы из кургана № 2 близ Шипова, гранаты в золотой диадеме из находки на р. Березовке (Республика немцев Поволжья) имеют общее сходство друг с другом и все вместе могут быть отнесены также к IV—V вв. нашей эры. Эти погребения необходимо особо учесть, приняв во внимание какие-то связи, замечаемые у них с рядом интереснейших погребений, случайно открываемых, часто в виде как-будто кладов, не только на Волге, но и в других местах, например, в быв. Курской губернии¹⁸⁵), теперь хорошо выясненных.

Еще один тип погребений представлен курганами 17 и 18 из ю.-в. группы близ Энгельса, раскопанными нами⁵⁹), и курганами 27 близ с. Денгоф, Е 13 близ с. Эндгерс, Е 14 близ с. Прайс, Д 42 и Д 47 близ с. Ровного¹⁵⁷). В кургане № 17 близ г. Энгельса было обнаружено кострище с остатками погребального инвентаря в виде обожженных и испорченных предметов украшения сбруи — штампованные бронзовые золотые бляшки с изображением львиных голов en face, — остатков костяных обкладок лука, трехперых железных наконечников стрел, железного массивного меча, удила, жженных костей овцы. В другом кургане (№ 18) кострище содержало кости лошади, сбруйные пряжки такого же типа, как и в кургане № 17, часть обивки седла и мелкие кости овцы. Тот же тип инвентаря был найден П. Д. Рау в кургане Д 42 близ Ровного. Здесь найдены такой же техники изготовления прямоугольные бляшки с ячейками от выпавших глазков (стеклянных или гранатовых), бронзовая и железная пряжки, трехперый крупный железный наконечник стрелы, железный ножик, черепок глиняной посуды и пр.

Т. М. Минаева, исследуя курганы № 17 и 18¹⁵⁸), пришла к заключению, какое было высказано и нами в отчете о раскопке, т. е., что в этих курганах мы можем видеть трупосожжение, относящееся к позднесарматскому времени—V веку. При этом сожжение трупа, по нашему общему мнению, происходило вне кургана, после чего остатки переносили сюда и насыпали над ними курган. П. Д. Рау, возражая на это, полагает, что сожжение трупа не имело места, и под насыпью кургана мы видим только выполненный обряд жертвоприношения. Он так представляет дело: „на поверхности

Диадема из погребения сарматской женщины

Т. М. Минаева, исследуя курганы № 17 и 18¹⁵⁸), пришла к заключению, какое было высказано и нами в отчете о раскопке, т. е., что в этих курганах мы можем видеть трупосожжение, относящееся к позднесарматскому времени—V веку. При этом сожжение трупа, по нашему общему мнению, происходило вне кургана, после чего остатки переносили сюда и насыпали над ними курган. П. Д. Рау, возражая на это, полагает, что сожжение трупа не имело места, и под насыпью кургана мы видим только выполненный обряд жертвоприношения. Он так представляет дело: „на поверхности

почвы или на выравненной вершине кургана зажигался сложенный из дубовых и березовых бревешек и веток костер, в который полагались вещи — оружие, конский убор и части коня, главным образом ног, пальцев, голени и бедер, и в иных случаях мясо барана... горящий еще костер засыпался небольшой насыпью". Конечно, с таким истолкованием характера содержимого в курганах описанного типа можно было бы согласиться, если бы только не такие странные факты, как сожжение лишь незначительных частей мяса животных. Естественно предположить, что здесь должны были бы быть найдены и другие кости. Что же касается почвы, то мы не видели такого обжига ее, который должен был бы встретиться здесь, если бы сожжение происходило на месте.

Затем обращают на себя внимание весьма случайные вещи: то меч, то наконечник стрелы, то то и другое вместе. Удила, естественно, требовали бы присутствия и конского черепа. Словом, если П. Д. Рау находил мало данных соглашаться с тем, что в подобных курганах мы имеем захоронение остатков трупосожжения, то еще меньше фактов, говорящих за то, что в данном случае — результаты ритуального действия, произведенного именно на месте кургана. Утверждение об отсутствии (почти) пепла и золы, как доказательство отсутствия трупосожжения, нам представляется вряд ли обоснованным. В курганах № 17 или 18 золы было достаточно, равно как и мелких кальцинированных кусочков костей. Мы не считаем нужным категорически утверждать, что в изучаемых курганах было трупосожжение, чего не говорит и Т. М. Минаева, рассматривающая курганы № 17 и 18 только в качестве мест захоронения сожженных покойников и их инвентаря. Считать же их местами жертвоприношений, к тому же почему-то подвергшихся разграблению, мы также не можем, так как для этого очень мало данных, а доводы, приведенные П. Д. Рау в качестве возражения против мнения Т. М. Минаевой, полагаем неубедительными. Дополнительно заметим, что П. Д. Рау совершенно ошибочно как бы приписывал нам мнение о сожжении трупа на месте насыпи. Этого мнения мы никогда не придерживались.

Как бы то ни было, своеобразные курганы типа кургана № 17 являются большим исключением и, принадлежа к сарматским, относятся к IV—V вв. нашей эры. Дальнейшие памятники, встречаемые на территории Нижнего Поволжья и относящиеся уже к V—VII вв., судя по всем источникам и сведениям, должны также принадлежать сарматам, превращенным традицией в так называемых готов, преемниками которых оказались в VII в. хазары. Последние, как известно, не дали яркого характера памятников, и вопрос о них, может быть, будет разрешаться впоследствии. В настоящее же время вопрос о хазарах, как и гуннах, остается все еще недостаточно ясным*. Что же касается гуннов, то мы уже высказали, правда, пока очень осторожно, мысль о принадлежности им шиповских погребений с деревянными резными, обложенными тонкими золотыми листочками, вещами. Но так как материал еще очень невелик для того, чтобы решительно выска-

* Раскопки, произведенные нами в 1935 г. в урочище „Три брата“ в Калмыкии, дали впервые, как мы думаем, два погребения, которые можно поставить в связь с хазарским временем, отнеся их к печенегам.

заться по этому вопросу, необходимы дальнейшие поиски курганных погребений, аналогичных имеющимся.

Как смотрят на сарматское общество исследователи? Здесь надо указать, прежде всего, на Ростовцева, который считает его феодальным, а сарматов — конными рыцарями¹¹⁷). Б. Н. Граков правильно возражает Ростовцеву, отмечая, что оренбургские сарматы представляют не только господствующий класс, но и разные социальные группы населения в оренбургских степях того времени. „Приходится говорить, — пишет он, — не о господстве сарматов, а о сплошном сарматском населении, с сложной общественной градацией кочевого военного типа...“¹¹⁵).

В. И. Равдоникас, касаясь того же вопроса, устанавливает, что „сарматская эпоха... стадийно не может быть оторвана от скифской... в социально-экономической жизни нет, повидимому, рубежа, отделяющего сарматскую эпоху от скифской. Лишь постепенно накапливаются новые явления в материальной культуре, указывающие на социальные перемены“³⁰). Это в целом верное замечание все же, как нам кажется, требует некоторых оговорок.

Прежде всего, по мнению самого же исследователя, исчезают богатейшие погребения, свойственные скифскому времени, при наличии большого количества просто богатых погребений. Это означает несомненное изменение в социальной структуре, что В. И. Равдоникас объясняет ростом социально-экономического неравенства, идущим вширь. Иными словами, в сарматском обществе создается группа семейств, обладающих большим значением и авторитетом среди прочих. Нарастание „новых явлений в материальной культуре“ наблюдается уже и у скифов в поздней стадии ее, которую исследователи иногда легко смешивают с ранней сарматской. Отсюда вытекает определенное наблюдение, которое выражается в том, что изменение в социальной жизни уже имело место у скифов и сарматское общество представляет дальнейший шаг к переходу в новую формацию, т. е. рабовладельческую, памятники которой открываются теперь*. Обширные курганные могильники, значительные городища (на Дону), рост Пантикапея, государства на Боспоре, все это говорит об иных общественно-экономических условиях у сарматов.

Второе, что отмечает — и совершенно верно — В. И. Равдоникас, это очевидное установление передачи по наследству имущества, так как богатства, какие встречались в скифских могилах, теперь уже не попадают в могилы в таком значительном количестве и более того, подлинно ценные вещи, напр. золотые, заменяются мишурными, как это видно хотя бы по нашему кургану № 3 близ ст. Шипово. Таким образом, можно утверждать, что наблюдается довольно четкое изменение в социально-экономическом строе, не допускающее уничтожения богатств посредством зарывания их с покойниками, т. е. мы видим иную значимость этих ценностей для общества. Конные воины, хорошо вооруженные длинными мечами, большими луками и тяжелыми копьями, составляли, конечно, известную выдающуюся над другими сарматами,

* Как можно судить по неопубликованным еще раскопкам В. А. Городцова и С. Н. Быковского в стан. Елизаветинской на Дону.

группу, обладавшую определенными преимуществами, которые отразились и в погребальном обряде. Мы знаем и большие сарматские курганы, и богатые вещи в них, наряду с обыкновенными захоронениями бедных сарматов, в которых находили лишь глиняную посуду да железный нож, чего не видим у скифов. Так же значительно различаются и женские погребения.

Расслоение сарматского общества на Кубани, о котором говорит В. И. Равдоникас, повидимому, не имело места в такой степени в Нижнем Поволжье, так как мы не можем показать, как уже говорили, сарматские городища и могильники без курганных насыпей. Однако, это расслоение и наличие земледельческого населения должно было иметь место в этом районе, как и в оренбургских степях. Подобно тому, как еще недавно казахское и калмыцкое население степей вело кочевой образ жизни и имело постоянные места проживания в зимнее время, и сарматы могут быть названы такими кочевниками. Для Нижнего Поволжья можно привести довольно интересный пример. Мы имеем ввиду раскопки, произведенные И. В. Синицыным в Аткарском районе на р. Колышлее ¹⁵⁹⁾ и Н. К. Арзютовым в г. Аткарске ¹⁶⁰⁾. Те и другие раскопки дали сарматские погребения II—III вв. нашей эры. Близкое соседство сарматов с мордовским населением, доказанное благодаря раскопкам в 1925—1931 гг. на основе значительных материалов ⁸⁹⁾, позволяет допустить, что курганные могильники сарматов на рр. Колышлее и Медведице принадлежат тем сарматам, которые здесь имели постоянные места поселения, выезжая в степь в весенне-летнее время. Здесь земледельцы и полукочевники входили в теснейшую связь и стадильно были близки друг к другу. Поэтому и на городищах, вроде Чардымского, в 40 км или Алексеевского в 6 км от Саратова вверх по Волге и др. так часто мы находим керамику, которую связываем с сарматской. Возможно, что и население здесь могло быть однообразным, как это наблюдается на Кубани.

В итоге замечаний о сарматской эпохе В. И. Равдоникас делает вывод о том, что „в Причерноморье возникает настоящее классовое расслоение“. С этим выводом следует согласиться, но с приведенным выше замечанием, что это расслоение наступило уже у скифов, сменявшихся в наших степях сарматами, если понимать эту „смену“ именно как изменение социального строя скифов. Если этого не допустить, тогда надо предположить обширную миграцию новых племен взамен исчезающих племен скифских. Но так не думает В. И. Равдоникас, а вместе с ним и мы. Правильно указывается основное противоречие стадии, характеризуемой материальной культурой сарматского типа, которое заключается в противоречии „между парцеллирующимся производством и коммунистическими отношениями“, пришедшими к своему разложению, что выявляется, как возникновение классового общества. Если не прямо, то частично в отношении к Нижнему Поволжью, и непосредственно в отношении к Причерноморью мы имеем развитое земледелие, соединенное со скотоводством, которое было кочевым, сменившим прежнюю форму пастушеского. Это кочевое скотоводство, как впоследствии увидим и у восточных кочевников, держится в руках экономически более сильных семейств, потому

что имущественные различия между последними приводят, по словам В. И. Равдоникаса, к образованию целого слоя людей, почти лишенных скота.

Развитая торговля с греко-римлянами свидетельствовала об образовании в то время классового общества, представленного сарматами. Этот развитый обмен был понятен еще Н. И. Веселовскому, который совершенно ошибочно отнес известные ему находки в Нижнем Поволжье к римским купцам, погребенным случайно на Нижней Волге вместе со своими вещами, как это видим по кургану близ с. Большой Дмитриевки ¹⁶¹). Но такая точка зрения в настоящее время, после открытия большого количества погребений нами и другими исследователями (Синицыным, Арзютовым, Рау, Граковым, Минаевой), явно оказалась несостоятельной и теперь решительно отвергнута. Мы имеем в Нижнем Поволжье значительное распространение племен, которые знаем под именем сарматов. Последние, будучи известны древним писателям, на Нижней Волге были представлены скорее всего аорсами, сираками и позже аланами. Появление поздних кочевников—гуннов—привело к усилению развития того исторического процесса, который совершался в степях Нижней Волги и далее к востоку и который привел, в конечном счете, к установлению через рабовладение феодального общества, представленного хазарами, на Нижней Волге, и повлекло для Крыма исчезновение рабовладельческого общества с заменой его обществом феодальным, выраженным так называемой „готской“ эпохой. На ней мы останавливаться не можем, так как это явление не имело места в Нижнем Поволжье, где в значительной степени продолжали существовать отношения, характерные для социальной структуры сарматского общества.

Но, разумеется, в том, что называется хазарской державой, должны были принимать участие сарматские племена, оставшиеся на Нижней Волге в течение всего того времени, когда здесь появились другие кочевники, из которых наибольший след оставили гунны. Недаром для последующего времени, VI—X вв., мы имеем возможность устанавливать присутствие в Нижнем Поволжье таких памятников материальной культуры, которые мы связываем, с одной стороны, с сарматскими, а, с другой—с так называемыми готами, т. е., другими словами, мы имеем то же сарматское население, но изменившее свою материальную культуру под воздействием как новых социальных факторов, так, в известной степени, и вследствие появления новых этнических образований.

ПОЗДНИЕ КОЧЕВНИКИ VI—XII вв. В СТЕПЯХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Если время с V по XII в. нашей эры достаточно хорошо освещено археологическими памятниками для северной части Нижнего Поволжья, то оно очень слабо выяснено в соответствующих материалах для южной части территории. Мы уже знаем, что древние мордовские могильники и места поселений в виде селищ и городищ довольно обильно покрывают лесистые части пространства от Саратова—Камышина до Кузнецка—Хвалынска. Они, в результате их изучения, показывают, что это древнее население крепко держалось своих привычных мест: зачастую „культурные“ слои городищ налегают один на другой, давая одновременные материалы, свидетельствующие о разных стадиях социальной структуры, присущей одному и тому же, но в разное время жившему и действовавшему здесь обществу. В V—VI вв. и несколько раньше сюда проникали с юга, посредством обмена, разные предметы другой материальной культуры, а в некоторых случаях, как, например, на параллели гор. Аткарска, на р. Колышлее, мы встречаем даже следы сарматских групп, зашедших на правом берегу Волги столь далеко к северу и, очевидно, бывших в довольно тесных отношениях с мордовой.

Иная картина разворачивается в степных пространствах Нижнего Поволжья как на правом, так и на левом берегу Волги. Памятники V—XII вв. здесь почти отсутствуют, вернее, скрываются среди других, оставаясь в своем большинстве еще до настоящего времени не разгаданными нами. Особенно это касается памятников хазарского времени VII—X вв. Можно было бы сказать, что хазары, довольно хорошо известные по письменным источникам, не оставили после себя ничего из материальной культуры. Это, конечно, мало вероятно и требует своего объяснения.

Известно, что хазарам приписывается так называемая Салтовская культура, представленная могильником около с. Верхнее Салтово, в бывш. Харьковской губ. В настоящее время М. И. Артамоновым производятся раскопки на месте древнего Саркела—крепости хазар, построенной для них византийскими инженерами на Дону, где теперь находится станица Цымлянская. На правом берегу Волги, немного выше Астрахани, на „Шареных буграх“ предполагают остатки города Итиля—столицы хазарского царства. Мы, однако, думаем, что Итиль существовал где-то в ином месте, на одном из рукавов Волги у Астрахани и ныне исчез вследствие

изменения русла этой реки. Этот город Итиль со своей торговой частью был крупнейшим центром торговли рабами на юго-востоке Европы ¹⁶²). Но и в этих двух местах опять-таки мы пока не видим еще ничего такого, что свидетельствовало бы о хазарской „культуре“, понимаемой археологически. Отдельные два погребения, раскопанные нами—одно около г. Саратова в 1934 г. и другое около д. Зиновьевки на р. Узе, в Вольском районе, относятся нами к VII—VIII вв. и позволяют предполагать, что мы в них можем видеть памятники хазарского времени. С другой стороны, известны данные из письменных источников, которые много говорят о поздних кочевниках вроде печенегов, торков, половцев и др. Эти племена должны были, несомненно, также оставить о себе памятники, хотя бы в виде погребений. Но то, что мы можем отметить, а именно—погребение кочевника с конем в кургане № 11, 1-й гр. „Трех братьев“ в Калмыкии, или погребение ребенка с конем в ю.-в. курганной группе около г. Энгельса, открытое нами в 1921 году,—оба относимые к половецким, и, может быть, еще несколько других кочевнических погребений, слабо отличающихся от золотоордынских, мало говорят по поводу интересующего нас времени—VI—XII вв. Впрочем, открытые нами летом 1935 г. два погребения в 1-й группе курганов урочища „Три брата“ позволяют, по видимому, заполнить пробел, поскольку мы считаем эти подбойные погребения—оба с конем, относящиеся к VII—VIII вв. и характерными для печенегов.

Если вспомнить, что в конце IV в. по степям Нижнего Поволжья прошли гуннские орды, как о том рассказывают письменные источники, отсюда необходимо признать наступление резких изменений в жизни степей. Сарматские группы, теснимые гуннами, должны были отступать перед ними или сливаться с ними, что в действительности и имело место. Хотя памятники гуннского времени и недостаточно ясны, но все же работы венгерских исследователей показывают в них некоторые черты материальной культуры, которыми не обладала старая сарматская культура. С уходом гуннов в нижневолжских степях наступило известное затишье, вслед за которым мы видим большие подвижки кочевых групп, занимавших степи, а затем образование хазарского государства. В районе современной Астрахани организуется некоторый его центр, здесь хазары стремятся укрепить свое положение, а после этого обеспечить торговые пути того времени в целях извлечения для себя известных экономических выгод. Таким образом, для VII—VIII вв. мы видим в степных частях Нижнего Поволжья хазар и те подвластные им племена, которые скрыты в поздних погребениях, указанных выше, а также и в погребениях около с. Зиновьевки, Лопатинского района Саратовского края, и близ г. Саратова. Этим двум последним соответствуют погребения таких могильников, как Суук-Су (Крым) или Борисовский (на черноморском берегу), которые называются „готскими“.

По византийским источникам известно, что хазары имели города вроде того же Саркела или Итиля. Знаем, кроме того, и Верхне-салтовский могильник с большим и довольно богатым инвентарем. С другой стороны, в распоряжении археологов есть довольно значительные материалы, до последнего времени характеризуемые,

как „готские“, поскольку существовало, да и существует до сих пор у западно-европейских археологов и историков мнение о том, что во II—IV вв. на Дону были готы, царство которых было, будто бы, разгромлено гуннами при готском короле Германрихе. Инвентарь из „готских“ могильников отличается, по мнению некоторых археологов, особым стилем, называемым „готским“, который дает, главным образом, развитие украшений в виде геометризованных изображений птиц и животных. Костяки в „готских“, например крымских могильниках, отличаются деформированными черепами. Это же явление теперь хорошо известно, хотя бы вследствие наших раскопок на Нижней Волге, у сарматов II—IV вв. нашей эры и усматривается даже и в эпоху бронзы. Известны теперь случаи находок деформированных черепов у скорченных костяков в катакомбных погребениях, напр., открытых М. И. Артамоновым на Маныче и нами в нескольких случаях в курганах „Три брата“ в Калмыкии.

Если обратиться к сравнению со знакомой нам материальной культурой сарматов, то мы заметим, что „готский“ стиль, несомненно, связан с „сарматским“, прямо как бы вытекаая из него. Деформация черепов — явление, обычное для сарматских погребений, как мы уже заметили выше. Иными словами, мы можем утверждать, что сарматские курганы с подбоями и так называемые „готские“ могильники, вместе с катакомбными или подбойными погребениями в могильнике с. Верхнего Салтова, имеют очень много общего в стиле своей материальной культуры, различаясь лишь степенью ее богатства и обладая локальными отличиями. Следовательно, в итоге такого толкования археологических данных мы должны признать, что время VII—X вв., которое определяется по письменным источникам, как хазарское, в степях юга РСФСР и соприкасающихся с ними степях Нижнего Поволжья характеризуется поздними сарматскими подбойными, „готскими“ и салтовскими погребениями, не считая, кроме того, явно кочевнических, с сарматами не связанных. Мы думаем, что это верно. Но необходимо такое толкование сопроводить следующими дополнительными данными. Называть хазарскими в Нижнем Поволжье поздние сарматские погребения можно с замечанием, что это — сарматы, входящие в состав того государственного объединения, верхушку которого представляли собственно хазары. Надо сказать, что предположение о хазарах, как общем имени для объединенного и разноплеменного образования VII—X вв. нашей эры, существовало уже давно, и мы, идя по пути такого предположения, лишь его подтверждаем своими материалами и в таком комбинировании их видим то единственное объяснение, которое археологические материалы Нижнего Поволжья могут иметь.

Второе замечание заключается в том, что на местах поселений эпохи Золотой Орды и, кроме того, вообще на дюнах часто находят фрагменты таких предметов, которые обыкновенно относят к указанной золотоордынской эпохе. На самом же деле необходимо чрезвычайно осторожно и внимательно подходить к таким памятникам, как бы незначительны они ни были, вроде черепков отлично изготовленных крупных глиняных кувшинов светлосочного и розового цвета. Просматривая подобные мате-

панном в 1927 г. ею и Л. П. Семеновым в селе Лац, Куртатинского ущелья, Сев. Осетии¹⁶⁶). Оно также оказалось впускным, причем костяк лежал к ЮЗ; при нем было найдено довольно много вещей, в том числе и золотых, а также относящихся к вооружению. Интересен меч, по своеобразному серповидному навершию близкий к сарматским мечам. Особенно важными находками нам представляются обойма, называемая автором статьи медной массивной петлей, от которой сохранились остатки кожи, и золотая пластинчатая обойма. Такие вещи подобны найденным в погребении из кургана с. Зиновьевки. Е. Г. Пчелина, прослеживая распространение вещей, сходных с найденными ею, отмечает, помимо Кавказа, еще Верхнее Салтово и датирует свои находки временем VII—IX вв. нашей эры, другими словами, определяет их, по ее выражению, как памятники алано-хазарского времени. Здесь автор в примечаниях к своей статье, называя нашу работу „Сусловский курганный могильник“, считает более осторожным умолчать о принадлежности открытого погребения аланам и предпочитает говорить об алано-хазарском времени. Нам кажется, что Е. Г. Пчелина в этом случае делает некоторую ошибку. Надо было бы или говорить об известной стадии той или иной формации и тогда отказаться от определения племени, обладавшего данной материальной культурой, или уже просто назвать племя, как, очевидно, хотелось автору, но казалось неудобным, почему и дано определение *культуры*. Но, так или иначе, погребение № 3 из Лаца имеет известное значение для нашего исследования, поскольку оно дало более полный и ценный комплекс в сравнении с комплексом из Зиновьевского кургана.

Другое погребение—близ Саратова—было раскопано нами в 1934 году и дало следующее: в могильной яме (также впускной), имевшей в длину 1,80 м, в ширину—0,50 м и в глубину—1,13 м, лежал на спине вытянуто костяк женщины, будучи ориентирован головой к СВ. В головах покойницы найдены кости овцы, а на тазовых костях остатки кожаного, довольно узкого, до 2 см ремня, украшенного серебряным набором, который состоял из серебряных круглых и фестончатых бляшек и проволочных обойм. На локтевых и лучевых костях заметны следы окиси от разложившегося браслета. Следовательно, мы убеждаемся, что имеем два одинаковых по типу погребения, но, к сожалению, всего только два. Они должны быть объединены в одну, пока еще очень маленькую группу, которая относится к VII—VIII вв., а может быть, и несколько позже. По сходству этой группы с группой так называемых „готских“ могильников, мы ставим ее в качестве непосредственно следующей за группой сарматских подобный погребений. Эта небольшая группа при дальнейших находках не только может оказаться более поздней, чем сарматская, но и относящейся к другой группе, что вполне будет приемлемо, раз мы признаем хазарское царство конгломератом разных племен. В силу этого не только сармагы-аланы, оставившие подобные погребения, но и те, кто погребал своих покойников в могильниках в Крыму или хоронил их в старых курганах на Нижней Волге, вместе составляли это, еще слабо археологически изученное государственное образование.

Наконец, последнее замечание, которое необходимо сделать, чтобы полностью исчерпать вопрос о нашем взгляде на эпоху

VI—X вв. в Нижнем Поволжье. Интересные и важные в научном отношении раскопки, производимые М. И. Артамоновым на месте древнего Саркела, показали, что некрополь этого города—крепости дает весьма бедные кочевнические погребения, причем вместе с костяком человека в них находят и череп коня. Не имея пока материала для суждения об этих погребениях, мы все же считаем необходимым немного на них остановиться, так как значение их при всех условиях достаточно велико. Дело в том, что если Салтовский могильник дает представление о высшем преимущественно классе хазарского общества, то бедные кочевнические погребения могут говорить нам о другой классовой группе. Кочевники, несомненно, окружали Саркел своими стоянками, и от них, в сущности, охраняли хазары торговлю, ведущуюся через степи. Кочевнические погребения могут принадлежать таким кочевникам, которые находились под непосредственной властью хазар и жили здесь, около Саркела. Однако, это только предположение, поскольку материал в точности нам пока еще очень мало известен, а раскопки Саркела только начаты и обещают дать многое.

Что касается более позднего времени—X—XIII вв., то нижне-волжские степи дают в качестве памятников его погребения половцев, как определяет такие погребения в южно-русских степях В. А. Городцов, сходясь в этом мнении с Н. Бранденбургом. Половцы, как мы видим, хоронили своих покойников в колодах или в досчатых гробах, с вооружением, состоявшим из характерных длинных сабель с прямыми крестовинами, железных стрел, по форме плоских удлинено-ромбических и копьевидных. Вместе с покойником в могиле или на краю ее находят лошадь, вернее череп, кости ног и хвостовые позвонки. Остальная часть—самое туловище—обыкновенно отсутствует, и вместо него находят иногда соломенную труху вместе с остатками седельного каркаса из костяных пластинок, железные удила и стремяна. Такое погребение было раскопано в Калмыцкой республике, в кургане № 11 в группе 1 у „Трех братьев“. Подобное же, но детское погребение вместе с жеребенком было раскопано нами в г. Энгельсе.

Таким образом, мы видим, что Нижнее Поволжье, начиная с VI в. и вплоть до IX—X вв., в южной своей части было занято кочевыми племенами, причем в ряде мест, особенно на берегах Волги, существовали и оседлые поселения, однако мало исследованные. Одной из задач, стоящих перед археологами края, является изучение этих поселений с целью установления характера их культурных слоев, среди которых должны быть выделены слои, характеризующие эпоху VI—IX вв.

Мы называли открытые нами погребения кочевническими. Какие для этого у нас имеются основания? Действительно, материалы, известные нам, невелики и, если мы все же упоминаем о кочевниках, то на это дает нам право тип погребения, хорошо известный из раскопок в других областях СССР, в южных степях, прилегающих к Черному морю. Погребение человека совместно с лошадью прямо указывает на значение этого животного в хозяйстве человека. До этого времени мы не имели погребений, которые с такой яркостью подчеркивали бы роль лошади. Остальной инвентарь дает понятие о воинственности племен, оставивших

такого типа погребения. Вооруженный саблей и луком, а иногда и копьем всадник—характерная фигура степняка-кочевника. Это—не мирный земледелец или скотовод, укрывающийся в укрепленном поселке. Он—наездник, находящий себе защиту в степных пространствах в минуту опасности; он появляется, стремительно надвигаясь на мирного в сравнении с ним земледельца, пользуется своей силой и подвижностью. Конь—лучший его товарищ в походах. Об этом красноречиво говорят и письменные источники. Достаточно хотя бы вспомнить речи Владимира Мономаха на съезде русских князей, когда он именно так изображает половцев и призывает к походу на них в целях защиты крестьян-земледельцев—смердов. То, что можно было сказать о набегах половцев, можно относить и к другим племенам, стоит лишь вспомнить повествования той же летописи о хазарах, бравших дань со славян во времена Олега, или набеги печенегов в эпоху Святослава, т. е. в X в.

Эти кочевые племена были предшественниками той огромной волны кочевников, которая разлилась по степям Нижней Волги в XIII в. и надолго задержалась в Восточной Европе. Мы имеем в виду Золотую Орду, оставившую большое количество разнообразных памятников материальной культуры не только в степной, но и в северной части Нижнего Поволжья. Достаточно хотя бы указать на такие памятники, как остатки столиц Золотой Орды—Сарая Берке и Сарая Бату (Батые) или города Увека (Укека), не говоря уже о ряде мест поселений, рассеянных по всей Нижней Волге.

Кроме того, широко раскинулись небольшие группы курганов, относящиеся к XIII—XIV вв., и остатки могильных сооружений XV—XVI вв. по всей степи—на обоих берегах Волги, привлекающие к себе внимание исследователей. Этот последний, за исключением русского, слой археологических материалов иногда настолько выдвигается вперед всех предыдущих, что прежде увлекал местных краеведов, которые оставляли благодаря ему в стороне все остальное и собирали, главным образом, эти именно памятники, подчас идеализируя Золотую Орду. На ее памятниках и их истолковании мы и остановимся в дальнейшем, отметив лишь, что особенное наше внимание должно быть в дальнейшем обращено на изучение предшествующего периода, который, с одной стороны, мало изучен, ввиду небольших размеров имеющегося материала, а, с другой—недостаточно оценен в научном отношении, затмеваемый памятниками золотоордынскими.

Но все же надо отметить и то обстоятельство, что эта предшествующая эпоха поздних кочевников выясняется, и остается лишь уточнять и углублять наши знания в этом отношении. Следует иметь также в виду, что часть памятников, которые мы привыкли связывать с Золотой Ордой, например курганный кочевнический материал, надо пересматривать с целью выделения из них погребений, несомненно принадлежащих времени, более раннему—XI и XII вв. Мы говорим так потому, что Золотая Орда впитывала в себя отдельные кочевнические группы, уже до нее находившиеся в степях Нижней Волги и с XIII в. сливавшиеся с нею, вследствие общих черт социального строя.

ЗОЛОТАЯ ОРДА

(XIII—XVI вв.)

Вторая половина XIII века и, особенно, XIV в. представляют собою время расцвета на территории Нижнего Поволжья Золотой Орды, сделавшейся сильным феодальным государством монголов в Восточной Европе. Многочисленные памятники ее существования разбросаны повсюду по степям Нижней Волги, уходя далеко на север. Эти памятники представлены местами поселения в виде остатков селищ, городищ и развалин городов, а также курганными группами и более поздними могильными сооружениями.

Наиболее известным местом расположения золотоордынских, монголо-татарских, памятников является долина реки Ахтубы, протока Волги, бывшей во времена Золотой Орды главным рукавом ее. В настоящее же время Ахтуба судоходна преимущественно только во время половодья. Развалины столицы монгольских ханов улуса Чжучи ева XIII в.—Сарая-Бату (Батья) находятся в низовьях Ахтубы и в верховьях указанного рукава Волги—Сарая Берке, столицы времени расцвета орды в 1-й половине XIV в. Крупные курганные золотоордынские могильники известны нам в ряде мест Нижнего Поволжья, например, в Саратовском крае около г. Аткарска и Петровска, вблизи села Свинухи, Балашовского района, и др. Вероятно, здесь были зимовки отдельных групп кочевников.

Прежде чем говорить о характере социальной структуры Золотой Орды, мы ознакомимся с тем археологическим материалом, в общих его чертах, какой нам известен на территории Нижнего Поволжья. Прежде всего коснемся могильных памятников—курганов и могильников. Как было уже сказано, курганы золотоордынской эпохи встречаются повсюду как в северной, так и в южной полосе территории. Однако, наиболее богатые из курганных погребений относятся к более южным ее частям. Здесь из наиболее интересных, раскопанных нами, погребений можно назвать пять: одно—около села Рудни, Камышинского района, второе—около села Золотушинского (Золотухи) на Ахтубе, в Астраханском районе, третье—около села Визенмиллер, четвертое и пятое—около села Фриденберг (Респ. немцев Поволжья).

Четыре из этих погребений оказались женскими. Курган близ с. Рудни дал следующее: в южной стене могильной ямы был сделан подбой длиной 2,88 м, при ширине в 0,72 м и высоте до 0,81 м. Подбой был закрыт пятью толстыми плахами и забит гли-

ной. В подбое оказался гроб из дубовых досок, скрепленный по углам четырьмя железными скобами. Покрышкой гроба служила также дубовая доска. В гробу лежал на спине костяк молодой женщины довольно высокого роста (173 см), ориентированной головой к З. Инвентарь в могиле оказался следующий: два кусочка шелковых тканей, — причем одна ткань грубее другой. Тлен в виде коричневого цвета массы, лежавшей как бы складками, указывает, вероятно, на кошму, в которую была завернута покойница; другая же ткань — очевидно, от одежды покойницы. На голове женщины была надета шапка-бокка, т. е. головной убор в виде гладкой шапочки, имевшей иногда фестончатые края, в чем можно убедиться, ознакомившись с боккой из могилы, раскопанной на Увеке ¹⁶⁷). Поверх шапочки был укреплен цилиндрический берестяной стержень с поперечной деревянной пластинкой. Этот стержень покрыт тонкой шелковой тканью красного цвета с украшениями в виде серебряных пластинок, однако, совершенно разложившихся и оставивших лишь свои отпечатки. Такие украшения и низку жемчуга, спускавшуюся с конца поперечной пластинки, мы можем видеть на бокке из упомянутого увекского погребения. Верх шапки увенчивался павлиньими перьями. Далее были найдены серьги в форме знака вопроса, довольно массивные и крупные — до 6,5 м, мелкие серебряные, вероятно, нашивные пластинки, мелкие голубые стеклянные бусы, возможно, от бокки, бронзовое зеркало с ушком на тыльной стороне, украшенной орнаментом в виде двух извивающихся хищных рыб, поглощающих мелкую рыбу; над рыбами имеется изображение птицы. Зеркало лежало в футляре из тонкой кожи, сшитой в форме мешечка, расшитого красными нитями и стягивавшегося красным шелковым шнурком с кисточками на концах. Рядом с футляром находились мешечек, в виде кисета, с белилами и деревянный двурядный гребень с орнаментом из кружков с точкой в центре. На груди покойницы лежала серебряная пластинчатая, грубо исполненная фигура бурханчика. В засыпке могилы найдена монета XIV в. с именем Кулны-Хана (1353—1360 г.). Кроме женского костяка в могильной яме обнаружен полный костяк лошади, прислоненный к северной стенке, причем лошадь лежала с подогнутыми ногами и была ориентирована головой к З. Порода лошади — степная, большеголовая ¹⁶⁸).

Второе погребение открыто в кургане у с. Золотушинского (Золотухи) на реке Ахтубе, в 2 км. к С от села, у дороги; оно дало следующее ¹⁶⁹): в яме, ориентированной по линии ЗВ и имевшей в длину до 2,60 м, в ширину 1,10 м. и в глубину до 2,20 м, с приступками на высоте 1,50 м, с северной стороны шириной до 0,20 м и немного уже с южной стороны, лежал вытянуто костяк женщины, ориентированной головой к З. Покойница была положена в долбленной колоде, с плоской деревянной крышкой, сверху накрытой шелковой узорчатой тканью. На покойнице была одежда в виде короткого платья (немного ниже колен) из шелковой, тканной в узор золотой нитью, материи. На ногах женщины были надеты кожаные сапоги с голенищами длиной до 0,45 м и мягкой подошвой. Под черепом костяка найдены темного цвета бусы, а около левого колена — железные ножницы, сделанные на гвозде. В ногах покойницы, на колоде, оказался сломанный

плоский бронзовый перстень с распрямленным ободком и плоским щитком.

Колода сверху была накрыта лежавшим на приступках бревенчатым накатом, на котором, а также и на северной приступке лежал костяк лошади, состоящий из черепа со вставленными в челюсти железными удилами, костей передних и задних ног и хвостовых позвонков. На месте спины оказались труха, остатки железной оковки седла, несколько истлевший чепрак и два железных стремена, прикрепленных к нешироким ремням. Седло, судя по сохранившимся остаткам, было небольшого размера: в длину до 0,50 м и в ширину 0,40 м. Лука окрашена в красный цвет с золотистыми разводами. Чепрак был сделан из парчи, отороченной каймой с орнаментом из стилизованных растительных элементов.

Третье погребение, найденное в кургане около села Визенмиллер, в Республике немцев Поволжья, дало следующее.

На дне могилы, имеющей приступки вдоль северной стороны, в долбленной колоде лежала покойница. Длина колоды до 3 м, ширина 0,50 м и глубина 0,25 м. Сверху колода покрыта продольными плахами и перекрыта выше поперечными плашками, помещенными одним концом на приступку. Костяк пожилой женщины, ростом 1,60 м, лежал на спине, вытянуто, головой к З. Руки вытянуты вдоль туловища. Покойница была одета в шелковую одежду из ткани, с узкими длинными рукавами, и в кожаную длинную безрукавку. На шелковой одежде сзади пришит бант из широких лент и, кроме того, узкие тесемки. На обоих коленах ее лежали сырмятные, маленькие ремешки. Справа у черепа покойницы — бронзовое височное кольцо, на шее — бусы из янтаря, на правой руке у локтя — железный браслет под одеждой. Вдоль южной стенки могилы, на высоте приступки, обнаружен длинный железный нож с обломанным концом. На правой ноге, близ ступни костяка найдены бронзовое орнаментированное зеркальце и деревянный гребешок. На приступке, параллельно покойнице лежал костяк лошади, мордой к З, с поджатыми ногами и без ребер, отсутствие которых было, очевидно, замаскировано седлом. В зубах лошади имеется половинка удила, а на переносице — железное украшение в виде обручка с выступом. Седло сохранило до некоторой степени свою форму, причем не обнаружены части, составлявшие переднюю луку, а задняя имеет бронзовые украшения и железную оковку. От передней луки сохранились две бронзовые дисковидные, прорезные фестончатые золоченые бляхи. Седло было покрыто парчевой тканью и поверх, вероятно, еще грубой попоной, судя по

Погребение кочевницы в кургане у села Золотушинского (на р. Ахтубе)

остаткам, или же здесь был чепрак. На седле лежало железное стремя. В головах покойницы найдены кости овцы.

Четвертое и пятое погребения из курганов второй группы близ с. Фриденберг (Рес. немцев Поволжья) дали следующее.

В кургане № 5 на глубине 1,25 м вдоль южной и северной стенок могильной ямы устроены приступки. Южная шириной в 15 см и северная—20 см. Глубина всей могилы 1,95 м. Опираясь на приступки, в поперечном направлении лежат крупные колотые плахи по всей длине могилы. На них, у сев. стенки—кости лошади: череп, четыре ноги с копытами, но без лопаток. Головой лошадь ориентирована к З. На месте хребта лежали остатки деревянного седла, обшитого кожей, с двумя железными стременами в виде овального кольца с широкой подножкой. Ниже седла—два железных кольца, повидимому, от ремней для стремян. В нижней части могила обложена досками, образующими гроб. Костяк—женский, ориентирован к З, в вытянутом положении, на спине. На голове обнаружены остатки тонкой ткани, шитой золотыми нитями, видимо, от шапки-бокки, покрывавшей и лицевою часть черепа. На шее были две бусы, одна стеклянная и другая пастовая. На ногах—низкие сапожки. У правого плеча—обломок железного предмета (ножа).

В могильной яме кургана № 4 оказались, вдоль северной и южной стенок, приступки шириной 0,15 м и высотой 0,50 м. На них лежали поперечные плахи из березы, поддерживавшие могильное перекрытие из березовых же досок. На приступке и части настила находился костяк лошади, состоявший из черепа, передних и задних конечностей. Череп ориентирован к З, а костяку придано положение лошади, лежащей на правом боку, вплотную у северной стенки. На месте хребта обнаружены остатки дерева и железа, покрытые парчей, повидимому, от седла, а под ними—одно железное стремя, плохо сохранившееся, и железное кольцо в обломках. Близ остатков седла найдена костяная пластинка с признаком отверстия в изломе одного из концов. Другая пластинка была найдена у черепа лошади.

Под настилом находился костяк мужчины, лежавшего головой к З на тонких березовых досках в вытянутом положении. В полости таза, с левой стороны, сохранились остатки какого-то кожного предмета, на котором находился неопределенной формы разложившийся серебряный предмет. Здесь же имелись и следы железного предмета. На ногах покойника были высокие кожаные сапоги (выше колен), длиной около 0,65 м. Рядом найдена железная маленькая пряжка.

Из рассмотренного можно сделать заключение, что в данном случае мы имеем погребения, объединенные общим признаком—помещением в могилу коня. Время таких погребений довольно хорошо определяется находкой монеты XIV в. Мы видим здесь достаточно полную картину кочевнического погребения, напоминающего нам предшествующую эпоху поздних кочевников, напр., кыпчаков-половцев и печенегов в Нижнем Поволжье или торков в южно-русских степях. Мы считаем эту группу погребений наиболее ранней из других золотоордынских погребений, с которыми ознакомимся далее, притом эта группа по характеру инвентаря,

очевидно, представляет погребения, отличавшие наиболее состоятельную группу общества того времени. К этому вопросу, однако, мы обратимся позже.

В ряду с описанными выше погребениями следует поставить другие, в которых мы не находим конских костей, но инвентарь их не отличается в основных своих чертах от инвентаря в погребениях первого типа. Мы имеем в виду довольно многочисленные курганы значительно меньших размеров, а именно в среднем, до 10—7 метров, тогда как курганы, содержащие погребения с конем, обыкновенно, имеют диаметр в 17—18 метров, а насыпи их значительно выше и массивнее. Могильные ямы погребений второго типа обычно имеют в западной стороне большую ширину, чем в восточной, а длину, по линии ЗВ, до 2 с небольшим метров, при ширине около 70 см и глубине до 1,50 м. Покойники лежат вытянуто на спине в ящиках-гробах, сделанных из луба или досок. Крышка помещается на перекладинах, положенных поперек гроба. На дне его часто отмечаются следы истлевшей кошмы. Как было уже отмечено, такие погребения встречаются чаще, чем погребения первого типа. В качестве примера можно назвать курганы, раскопанные в Суловском могильнике (Респ. немцев Поволжья), в Калмыкии, близ ст. № 5 автомобильной дороги в г. Элисту из Астрахани, близ с. Яшкуль—курган № 1, во второй группе „Три брата“—курган № 11, в первой группе—№ 12, несколько курганов в ю.-в. группе близ г. Энгельса, курган в с. Лысье Горы на р. Медведице и ряд других.

Инвентарь погребений, содержащихся в таких курганах, дает представление о твердости обряда, так как вещи всегда почти одного и того же назначения, а именно: головные уборы—шапки-бокки, серьги в виде знака вопроса, чаще всего небольшого размера (2,5 см), бусы из пасты разных цветов, цилиндрические, бочковидные, шариковидные и т. п., зеркальца (диаметром до 6 см), бронзовые железные небольшие ножи с деревянными рукоятками, копья листовидной формы с втулками или насадами, стремяна крупных размеров, арочной формы с утолщенной вершиной, в которой имеется прорезь для ремня, и с широкой подножкой, имеющей продольную выпуклую линию. Затем находят железные наконечники стрел, копьевидные и пластинчатые ромбической формы, изредка сабли, тонкие удила в противоположность массивным удилам из могил первого типа, колчаны из бересты, игольники и др. Погребения иногда сопровождаются монетами XIV в., как это имело место в кургане близ с. Суслы или в кургане близ с. Блюменфельд (погребение из него хранится в Гос. историческом музее).

В женских могилах неизменно встречаются железные ножницы, употреблявшиеся для стрижки овец, сделанные на гвозде, небольшого размера.

Следующий тип золотоордынских погребений, открытых, например, в с. Визенмиллер (четыре кургана 1-й группы) или в кургане

Погребение из кургана № 1 близ с. Яшкуль. (Калмыкия).

№ 2 на р. Ахтубе близ с. Батаевки, дает иную картину. Погребения представляют собой захоронения покойников без вещей, изредка (курган № 2) с черепками глиняной посуды в засыпке могилы причем сверху могила бывает закрыта саманным кирпичом. Такие же погребения были открыты в остатках мавзолея около с. Меновного на левом берегу р. Урала, против г. Уральска. Покойники лежат вытянуто на спине, ориентированные головой к З, с руками, сложенными на тазу или вытянутыми вдоль туловища. Эту группу погребений мы считаем наиболее поздней из всех курганных погребений золотоордынской эпохи в Нижнем Поволжье.

Одновременным им и также относящимся к XIV в. следует считать тип погребений, открываемых в могильниках близ развалин городов той же эпохи, например, могильник на Увеке, в 12 км от Саратова, затем в местности Ак-Сарай или Ак-Мечеть, в 4 км к югу от ст. Досанг, Рязано-Уральской ж.-д., могильник в Сарае Бату на Ахтубе и др. Могильники содержат погребения в саманных или кирпичных склепах, причем покойники в них лежат в досчатых ящикообразных гробах, иногда покрытых тканями или коврами, как это имело место в случайной находке на Увеке. Ориентировка покойников—головами к СЗ (погребение близ ст. Досанг) или к СВ (погребение в Увекском могильнике). Упомянутые могильники, без всякого сомнения, принадлежат наиболее высоким слоям золотоордынского общества, в то время как могильники, представляющие простые захоронения, например, в песках, окружающих с. Селитренное, где существуют известные нам развалины Сарая Бату, относятся к беднейшим слоям того же общества. Покойники, закопанные очень неглубоко, лежат без вещей, в тех же позах, что и в саманных или кирпичных склепах.

Обращаясь к погребениям в кирпичных склепах, надо остановиться на погребении, открытом А. А. Кротковым на Увеке. Оно было раскопано в той части поселка, которая представляла в древности кладбище г. Увека и где преимущественно находятся могильные сооружения, вернее, их остатки, причем могилы там обладают богатым инвентарем. Описываемое погребение дало костяк женщины, лежавшей в кирпичном склепе. Женщина была одета в шелковый кафтан, сверху которого имелось другое, широкое одеяние. На ногах покойницы были надеты сафьяновые сапоги с мягкими подошвами, а на голове шапка-бокка, стержень которой был украшен жемчугом и серебряными золочеными бляшками. На руках покойницы были золотые пластинчатые браслеты. Найдена утварь в виде серебряных и деревянных чашек, деревянная ложка, гребень, золотые кружочки, подражающие золотым же монетам, золотые серьги в виде знака вопроса и др. Несомненно, мы имеем в данном случае погребение знатной особы, вероятно, жены хана или местного феодала.

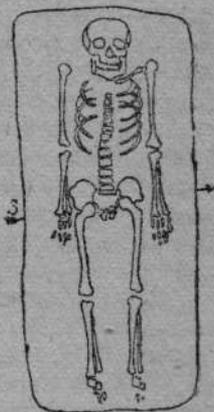
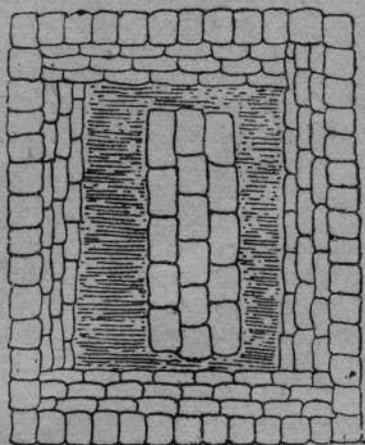
Время этого погребения относится к XIV в., но отметим, что близ Увека уже в прежние годы была найдена надгробная плита последней четверти XIII в., указывающая на время появления самого г. Увека, очевидно, одного из первых городов Золотой Орды. На его некрополе встречаются и другие, также, повидимому, богатые погребения, судя по случайным раскопкам, сведения

о которых поступают довольно поздно, когда могила бывает уже уничтожена. Так недавно была доставлена в Саратовский музей прекрасная шелковая ткань, служившая, вероятно, покровом для гроба.

На другом некрополе — городища Старого Сарая или Батыева Сарая, около с. Селитренного, на Ахтубе, нами были открыты погребения без вещей в саманных склепах, помещавшихся в большом мавзолее, от которого сохранились лишь фундамент и строительный мусор в виде кусков штукатурки с облицовкой из своеобразной мозаики, кирпичей и т. п. В этом мавзолее оказалось шесть погребений, причем могилы в нем были расположены так, как это можно видеть в мавзолее Тамерлана в Самарканде. Только над одной гробницей, непосредственно под каменной настилкой пола, найдены кости овцы и глиняная голубая глазурованная миска. Такие погребения в мавзолеях можно сопоставлять с курганными золотоордынскими погребениями, которые мы относим к концу XIV и XV вв.

Наконец, наиболее поздним типом мы считаем погребения, над которыми возводились уже не курганы, а глинобитные сооружения вроде мавзолеев, характерных для предшествующего столетия. Такое погребение известно, например, из нашей раскопки около станции № 10 автомобильной дороги из Астрахани в г. Элисту (Калмыкия). Судя по сохранившемуся фундаменту, можно установить следующее: сооружение представляло квадратную в плане постройку из саманного кирпича, имевшую стороны длиной до 2,30 м. Поверхность внутри постройки покрыта черепками посуды так называемого золотоордынского типа, золой, костями домашних животных и птиц. В центре сооружения находилась могила, покрытая саманными кирпичами в три ряда и ориентированная по линии СВ. В ней лежал костяк женщины головой к СЗ. Вещей при покойнице не было. В XVI веке устанавливается, очевидно, уже повсеместно магометанский способ захоронения, и древний монгольский ритуал постепенно исчезает, оставляя о себе лишь слабое напоминание вроде установки миски с костями животного над могилой, как это мы видели в мавзолее некрополя Батыева Сарая.

Таким образом, из краткого перечисления основных типов погребений, относящихся к золотоордынскому времени, мы можем сделать некоторые выводы о том, что они не

Погребение в глинобитном сооружении из Калмыкии

различны по своему устройству, но и говорят о значительном расслоении, существовавшем в обществе той эпохи. Нельзя не видеть резкой разницы между погребением знатной женщины-хатуни на Увек и погребением хотя бы в кирпичном склепе в Ак-Сарае, близ ст. Досанг, в 50 км от Астрахани, или в курганной могиле около с. Лысье Горы.

Не останавливаясь пока на дальнейших* выводах, обратимся к ознакомлению с другими памятниками, оставленными в Нижнем Поволжье Золотой Ордой. Прежде всего укажем на большое количество мест поселений, известных, во-первых, под именем городищ, как например, Водянское (Бельджамен) близ Дубовки, Сарай Бату, Сарай Берке, Мечетное, Шареные Бугры, Увек, Сарайчук — на р. Урале у Лбищенска, и Наровчат — в б. Пензенской губ., на которых отмечаются исследователями развалины кирпичных построек, свидетельствующих о бывших здесь городках. Дальше идут такие места поселений, которые мы называем селищами — остатками поселков сельского типа, где чаще всего находят черепки золотоордынских керамических изделий, кости домашних животных, монеты, мелкие металлические вещи и пр. Такие селища разбросаны по Волге во многих местах, из которых назовем, например, Квасниковское — против Увека, на левом берегу Волги, Подстепное, за г. Энгельсом, Усть-Курдюмское, у с. Шахматовки, Терновское, Черемшанское и пр. Те и другие места поселений указывают на оседлую жизнь, которая имела место в XIII — XVI вв. в Нижнем Поволжье наряду с жизнью кочевников, окружавших эти города и деревни и тесно с ними связанных.

Из всех остатков древних городов наиболее важными и интересными в археологическом отношении являются оба Сарая — Батыев и Берке.

Первый Сарай — Сарай Батыя — был основан в XIII в., когда хан Батый или Бату организовал свое государство на Нижней Волге. Этот город оставался столицей до первой четверти XIV века; после этого центром государства сделался второй Сарай, основанный ханом Берке во второй половине XIII в.

В настоящее время на месте Батыева Сарая находится, как было уже отмечено, с. Селитренное, стоящее в центре его остатков, т. е. на холме, где некогда существовали ханский дворец и мечеть, называвшаяся еще в XVII веке Зеленой. Ниже, у подножия холма, расположены постройки, относительно которых можно думать, на основании археологических материалов, что они представляют собою остатки домов, принадлежавших ремесленникам, вроде ювелиров, мастеров по изготовлению поливных изразцов, литейщиков, кузнецов и т. п.

Далее, на некоторой возвышенности, против холма находится некрополь Старого Сарая с большим количеством бывших здесь мавзолеев, разрушенных еще в XVII в., когда правительство царя Михайла Романова строило из их кирпичей астраханский кремль. Наконец, на возвышенности, полукругом располагающейся вокруг площади, занятой развалинами города и в настоящее время открытой песчаными наносами, местами развеянными и имеющими форму отдельных котловин, находятся остатки стен саманных построек беднейшего населения; здесь же иногда открываются погребения,

представленные костяками без сопровождения их какими-либо вещами. Обследования Сарая Бату были сделаны сначала Ф. В. Баллодом и позже — в 1931 г. нами, причем нам удалось обнаружить на главном холме интересные остатки дворца Батыя. Найдены фундаменты и обломки плит и капителей колонн, орнаментированных известной мозаикой среднеазиатского типа. Несомненно, систематически поставленные археологические раскопки дадут богатые материалы, которые вскроют новые странички прошлой жизни феодального города на Нижней Волге в XIII—XV вв.

Если Сарай Бату еще мало обследован и разведки лишь показали всю важность специального изучения этого города, которое, в итоге, должно дать материалы, освещающие время XIII в., весьма слабо известное исследователям истории Золотой Орды, то Сарай Берке обследован гораздо шире и значительнее, хотя самые важные раскопки, проведенные на нем Терешенкой в 40-х годах XIX в., были выполнены крайне неудовлетворительно, даже варварски, что обесценивает их и позволяет, главным образом, считаться лишь с добытым инвентарем, но не дает возможности установить более полную картину древнего быта. Раскопки, исполненные Ф. В. Баллодом, также лишь в небольшой степени подвинули работу по изучению Сарая Берке. Они достаточно известны в литературе ^{170, 171, 172}), и мы ограничимся сообщением лишь некоторых сведений о новой столице Золотой Орды.

Сарай занимал довольно большую площадь; достаточно сказать, что главная ее часть равняется, примерно, $5,5 \times 4$ км. Путешественник XIV в. — араб Ибн-Батута, посетивший его в 1333 г., пишет следующее: „Город Сарай один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины... с красивыми базарами и широкими улицами... В нем 13 мечетей для соборной службы... Кроме того, еще чрезвычайно много других мечетей“ ¹⁷³). Далее, тот же писатель сообщает, что в Сарае Берке живут „разные народы, как то: монголы — жители страны и владельцы ее; некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кыпчаки, черкесы; русские и ромейцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта и Сирии и других мест живут (в особом) участке, где стена ограждает имущество купцов“.

Другое описание, сохранившееся от XIV в. и принадлежащее также арабу Ал-Омари, упоминает о Сарае, правда, со слов бывших там купцов, следующее: „Сарай построен Берке-ханом... Он (лежит) на солончаковой земле, без всяких стен... Дворец окружают стены, башни да дома, в которых живут эмиры его. В этом дворце их зимние помещения... Сарай город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия, место, куда направляются товары“.

Приведенные описания показывают, что Сарай Берке был крупнейшим городом на юго-востоке Европы, да и вообще в мире, в XIV веке. Памятники материальной культуры подтверждают эти описания и более того — развертывают довольно ярко картину прошлой жизни не только самого Сарая, но и вообще Нижнего Поволжья в эту эпоху, причем эти материалы показывают развитие ремесленной промышленности в XIV веке. Раскопками были

вскрыты остатки мастерских, как это мы видим и в Сарае Бату. На первом месте стояло, повидимому, производство металлических изделий. Терещенко сообщает, что им было вскрыто в одном месте Сарая восемь горнов и один из них имел 79 отдушин. Посредине горна стояла обвалившаяся печь; ее окружали водопроводные трубы, которые расходились по стенкам отдушин; около печи нашли несколько кувшинов, котлов и множество слитков железа, меди, плавильных чашечек и форм. Во всех остальных горнах также находили металлические слитки, куски разбитых форм и плавильных чашечек. А. Ю. Якубовский предполагает, что в данном случае мы имеем перед собой своеобразный „завод“ — предприятие мануфактурного типа.

Далее необходимо упомянуть о многочисленных гончарных мастерских по изготовлению поливной и неполивной керамики, как, например, посуды, водопроводных труб, изразцов. А. Ю. Якубовский отмечает, что в Сарае Берке были в большом количестве „мастерские по обработке металла: 1) кузницы, 2) мастерские по выделке ножей и простого холодного оружия, 3) мастерские по выделке земледельческих орудий (серпы, лемеха и др.), 4) мастерские по выделке бронзовой и медной посуды. Встречаются в Сарае Берке и большие кожевенные мастерские, а также ткацкие (преимущественно по выделке шерстяных тканей), портняжные мастерские, деревообделочные, ювелирные и т. д.“¹⁷²). Не подлежит сомнению, что такая значительная промышленность ремесленного характера обслуживала всю золотоордынскую степь и сельские местности, археологические данные свидетельствуют об этом с совершенной определенностью. Наряду с указанными вещами мы можем найти в музейных собраниях, в том числе и Саратовского музея, также и рыболовные крючки, железные пилы и теши — орудия, заменяющие топор. Следует отметить такую отрасль производства, как резьбу по кости. На городищах и селищах, а также в курганных погребениях часто встречаются костяные изделия — обкладка колчанов, костяные псалы, резные палочки из кости — род клавиш и пр. Производство тканей подтверждается прекрасными их образцами из погребений, напр., из упомянутого погребения знатной монголки. Указания на торговлю, производившуюся, как известно, караванным путем, дают многочисленные находки медной, серебряной монеты и изредка золотой, причем последняя, по имеющимся сведениям из письменных источников и надписям на монетах, чеканилась в Сарае Берке. Караванная торговля включала в свой оборот не только ценные ювелирные предметы, как иногда думают, но и ряд других объектов, являвшихся весьма важными показателями развития золотоордынской торговли. Оптовые операции совершались купцами по закупке зерна, хлопка, пряжи, шерсти, кожи, ткани, руды, металлической посуды, хлопчатой бумаги, оружия, поливной керамики и предметов роскоши.

Находки гирь и глиняной чернильницы, бронзовой вставочки (вместо гусиного пера) и перстня с печатью указывают на существовавшие торговые записи. Между прочим отметим, что в Республике немцев Поволжья было раскопано погребение, в котором найден костяк человека вместе с бронзовой чернильницей, костяной палочкой для письма и небольшой книжечкой, листы

которой сделаны из бересты и записаны, по первоначальным сведениям, монгольскими письменами. Эта находка в настоящее время изучается в Академии Наук СССР.

Серебряная монета была главной монетой в оптовой торговле, а медная — в розничной, базарной.

Мы уже приводили сведения о том, что население Сарая Берке было разноплеменным и значительным по своему количеству. А. Ю. Якубовский, произведя некоторые подсчеты, приходит к выводу, что население Сарая в XIV в., в годы его расцвета, доходило не менее чем до 200 000 чел., причем оно, по признаку своего участия в производстве, жило в разных кварталах. План, составленный Ф. В. Баллодом, дает, предположительно, указание на размещение кварталов в Сарае, который был своеобразным, по замечанию А. Ю. Якубовского, городом, не похожим на типично восточный. Узкие улицы и базары с мечетями, богатые постройки и бедняцкие глинобитные хижины, все это — общее с такими восточными городами, но нет замка феодала, городской стены и предместья, где сосредоточивалась ремесленная жизнь. Это замечание исследователя, как нам представляется, вряд ли будет в равной степени относиться к Сараю Батая.

Возвращаясь к Сараю Берке, мы видим пышные постройки, облицованные поливным кирпичом и особой мозаикой, из которой составлялись орнаментальные части в виде фризов, представляющих цветы, геометрические фигуры, надписи и т. п. В центре города находился ханский дворец с придворными пристройками, богатые дома приближенных к хану лиц и его родни. Этот главный район Сарая был окружен стеной. Здесь-то и был устроен водопровод. На юг от этого района находился торговый район с базарами, столь характерными для всякого восточного города. Здесь были сделаны наиболее многочисленные находки всякого рода предметов быта и материалов для производства. На север от ханского дворца открыт район, где жили ремесленники. Юго-восточная часть городища, как полагал Ф. В. Баллод, представляла центр административный.

Как бы недостаточно ни был обследован Сарай Берке Ф. В. Баллодом, все же надо признать, что археологические материалы подтверждают сведения арабских путешественников о наличии значительных кварталов, на которые делилась огромная золотоордынская столица. Трудно, к сожалению, восстановить полностью жилище с его обстановкой. Особенно мало данных, чтоб говорить о жилищах рядового населения. Впрочем, как мы предполагаем, нам пришлось такое жилище открыть на городище Сарая Бату, но все же этого недостаточно. Другое жилище, более богатое, было открыто Ф. В. Баллодом на Мечетном городище, на берегу Волги, выше Сталинграда. Дом имел площадь в 8 кв. м и состоял из двух комнат. Две стены его сложены из сырцового кирпича и обшиты снаружи досками, другие были бревенчатыми. Следует отметить систему отопления, которая состояла в том, что от каждой из двух печей (по одной в комнате) идут по стенам дымоходы, имеющие внешнюю форму лавки вдоль стен. Эти дымоходы, обходя часть помещения, образуют колена и идут вертикально. Несомненно, что такие же дома, с подобным отоплением,

существовали и в других городах, в том числе и в Сарая Берке и в Сарая Бату. Богатые дома, судя по сообщениям Терещенко и Ф. В. Баллода, пышно украшались внутри и даже снаружи поливными изразцами, равно как и полы их. Не отрицая существования богато украшенных домов, мы должны, впрочем, оговориться, что в Сарая Бату многие из таких зданий, которые Ф. В. Баллод считал домами, оказались в действительности мавзолеями, а жилые здания были гораздо проще.

Другие города Золотой Орды были, разумеется, меньше, но построены по тому же типу, что и Сарай. Из таких городов отметим Увек, который достаточно известен по литературе и представляет для нас интерес, как одно из более древних монгольских мест поселения на Нижней Волге и, в частности, в Саратовском крае. Мы упоминали уже, что близ него была найдена большая надгробная плита XIII в., хранящаяся в Саратовском краевом музее и являющаяся прямым свидетельством раннего основания города. В настоящее время непосредственно городская часть Увека, постепенно осыпаясь в Волгу, исчезла под водой, а то, что называется Увеком, представляет собой некрополь, часть окраинных построек и остатки мастерских, в частности горны для изготовления поливных изразцов. На Увекском городище нередки археологические находки как отдельных предметов, вроде посуды, медных и железных вещей, так и погребений в склепах, причем богатейшее из последних нами было описано выше. Находки крестов показывают, что здесь, как и в Сарая Берке, жили и русские, о чем, между прочим, упоминает и арабский писатель (заметим, что в Сарая Берке не только жило русское население, но был и епископат). Кроме того, очевидно, в Увеке или его окрестностях жила и мордва, судя по имеющимся находкам отдельных предметов украшения.

Следует еще упомянуть о каком-то городке, находившемся в Пролейках, на левом берегу Волги, т. е. на Ахтубе. Сделанные там А. А. Кротковым разведки дали такие же материалы, как и в Сарая, например, поливные изразцы, мозаику и т. п.

Весьма интересными должны были бы быть раскопки на Водяном городище, близ с. Дубовки, но, к сожалению, это городище совершенно разрушено, особенно в связи с вывозом в 90-х годах прошлого века массы костей для костемольного завода. Об этом имеются указания в заметках Б. В. Зайковского¹⁷³). Дополнительные разведки, сделанные А. А. Кротковым и Н. К. Арзютовым, подтвердили сведения о значительных разрушениях этого городища, которое саратовские краеведы связывали с городом Бельджаменом (Belciman), указанным на карте братьев Пицигани. Это городище уже упоминалось нами в связи с вопросом о Гелоне — предполагаемой греческой колонии в геродотовой Скифии.

Не менее интересным можно считать городище в г. Наровчате, быв. Пензенской губ. Здесь был центр одного из золотоордынских улусов — Мохши или Мухши, как это убедительно выяснено А. А. Кротковым¹⁷⁴). В Наровчате сохранились и частично доставлены в Саратовский музей орнаментированные резьбой цокольные камни, представляющие некоторое своеобразие мотивов узора, в сравнении с другими золотоордынскими памятниками искусства. Кроме того, присутствие в Наровчате мордовских могильников

XIII—XV вв. подчеркивает особый характер этого далекого улусного центра. Мы в дальнейшем не будем уже останавливать нашего внимания на других городищах и селищах, ограничившись описанными выше, так как они не могут представлять большого для нас интереса в сравнении с упомянутыми, но подчеркиваем безусловную необходимость тщательного исследования таких мест поселения, как селища, связанные с бытом земледельческого крестьянского населения Золотой Орды.

Прежде чем перейти к общим выводам, на основе, главным образом, археологических материалов о характере золотоордынского государства, мы ознакомимся с некоторыми видами производства, какие мы упоминали при описании Сарая Берке. На первое место следует поставить изготовление керамических изделий, которые так ярко всякий раз определяют вообще замечательную керамику Золотой Орды, указывающую на принадлежность места находок к селениям XIII—XV вв.

В настоящее время выяснена техника изготовления мозаики, свойственной золотоордынским зданиям как светским, так и культовым, особенно, последним, по крайней мере, в Сарая Батыя. „Первоначально изготовлялись, — говорит А. Ю. Якубовский, — глиняные доски наподобие больших тонких кирпичей, высушивались на солнце, потом покрывались цветной непрозрачной глазурью (окиси металлов) и обжигались. Полученные таким образом обожженные глазурованные доски шли в работу по выпилровке из них нужных для мозаичных наборов элементов. Имея перед собой, с одной стороны, готовый рисунок того или иного орнамента, а с другой — ряд разноцветных глазурованных досок, мастер особой пилкой выпиливал нужные ему элементы по определенному трафарету. Таким образом он собирал элементы стеблей, розеток, бутонов, раскрытых или полураскрытых цветов, буквы и т. д.“¹⁷²). Затем мастер составлял нужные ему орнаменты в соответствии с данным рисунком и приготавливал их к алебастровой обмазке стен зданий.

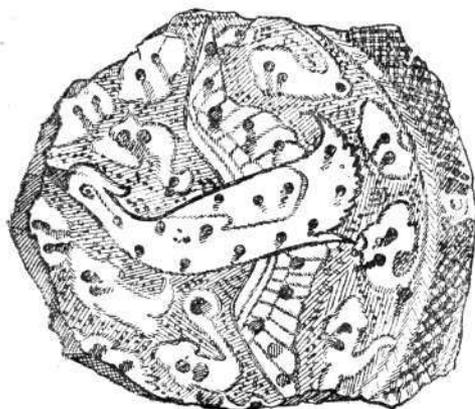
А. Ю. Якубовский замечает, что для мозаики изразчатых наборов Сарая Берке и других городов Нижнего Поволжья характерен свой тип орнамента, а именно: в мозаике, находимой на этой территории, как например, и в Самарканде, основными цветами являются бирюзовый, синий, белый, с частым употреблением желтого цвета и золота. Но наиболее отличительным признаком следует считать введение красного цвета, получаемого раскраской особой красноватой глиной, т. е. красным ангобом. „Это обстоятельство, — говорит тот же исследователь, — решительно сближает мозаики Сарая и др. золотоордынских городов с городами Хорезма, особенно его столицы Ургенча“. Известно, что Хорезм был одним из богатейших улусов Золотой Орды, отчего становится понятным и сходство в мозаиках Ургенча и Сарая. Ремесленники, бывшие в Ургенче, несомненно, охотно переходили в Сарай Батыя или Сарай Берке, куда их должен был привлекать более значительный заработок, поскольку тут строились богато украшенные столицы государства, даже возведением роскошных зданий стремившегося укрепить свое могущество. На стенах таких зданий можно было видеть такое изречение, как: „царь — тень бога на земле“. Уси-

ленное строительство в столицах, конечно, влекло к себе ремесленников, но нередко их переводили и насильственно из других городов.

Наряду с мозаикой славилась и золотоордынская посуда, особенно глазурованная и штампованная. При этом она делится на две группы: одна связана с ургенчской керамикой, а другая с крымской и египетской. А. Ю. Якубовский, говоря об эрмитажной коллекции, пишет: „Прежде всего останавливают на себе внимание несколько серовато-зеленых чашек, внутренняя и наружная поверхность которых имеет подглазурную роспись по белому ангобу (тонкий слой белой глины в виде обмазки на основном теле сосуда). Снаружи стены чашки покрыты рельефными арочками с синими крупными точками в виде горошинок. Внутри рельефный растительный орнамент сочетается то с надписями, идущими лентой по стенке, то с птицей

или звездой, помещенной на дне чашки... выделяется целая группа прекрасных сосудов, покрытых чистой бирюзовой глазурью. Наконец, останавливает внимание большая группа сосудов из неглазурованной глины с штампованным орнаментом как геометрическим, так и растительным, где также встречаются надписи с обычными пожеланиями“.

Зато простая, неглазурованная, часто орнаментированная резьбой по глине посуда, вроде кувшинов, чашек, копилек, масляных лампочек и пр., оказывается изготовленной уже не ургенчскими

Дно глазурованной золотоордынской чашки

мастерами, но скорее крымскими и носит иной в сравнении с ургенчской посудой облик. Исследователь совершенно правильно указывает на то, что эта керамика местного характера и, вероятно, изготовлялась здесь, на Нижней Волге, еще задолго до образования Золотой Орды. Рядовая масса — крестьяне, ремесленники и пр. — привыкла к этой посуде и охотно ею пользовалась, в то время как высший слой золотоордынского общества предпочитал иную — привычную для него хорезмскую. Золотоордынская знать была связана с Востоком, тогда как местное население, которое Золотая Орда застала в селениях на Нижней Волге, было приплым лишь в небольшой своей части.

Наше предположение о том, что известная часть населения Нижнего Поволжья в эпоху Золотой Орды была очень древней и не явилась сюда вместе с монголами, подтверждается исследованием черепов этой эпохи, произведенным Т. А. Трофимовой. Последняя сообщила нам, что ее наблюдения приводят к заключению о наличии европейского типа среди монголоидных в указанное время. Т. А. Трофимова полагает, что этот тип свидетельствует о несо-

мненном существовании в монгольском государстве на Нижней Волге прежнего населения сарматской эпохи, которое и дало этот европейский тип. Поскольку наше археологическое заключение совпадает с антропологическим, сделанным П. А. Трофимовой, мы можем отметить важность такого совпадения и позволить себе считать наш вывод правильным. Мы уже указывали на это обстоятельство, когда касались вопроса о поздних кочевниках времени VI—VII вв., а потому далее на нем не останавливаемся.

Помимо посуды и изразцов, гончары Золотой Орды изготавливали глиняные ядра для метательных машин и особые сферокопнические орнаментированные грушевидные предметы. Об этих предметах имеется довольно большая литература. В. А. Городцов считает их лампами, А. А. Кротков — сосудами для перевозки ртути, употреблявшейся для изготовления глазури, А. Ю. Якубовский — сосудами для хранения пахучих жидкостей туалетного назначения, С. В. Киселев — ручными гранатами. Трудно решить, кто из исследователей, высказавшихся столь различно, прав. Дело в том, что вряд ли описываемый предмет мог быть лампой, так как его стенки, очень массивные и крепкие, однако, поглощают масло, пропитываясь им. Следовательно, такие лампы были бы весьма несовершенными. Второе мнение также заставляет отнестись к нему с некоторым недоверием: слишком часто находятся такие предметы, и едва ли в таком разукрашенном сосуде нужно было бы перевозить ртуть. Предположение о том, что сферокопнические предметы были ручными гранатами, также нуждается в больших доказательствах. Во всяком случае, следует ожидать дальнейших находок и производства химического анализа, которые могли бы подтвердить правильность одной из гипотез по поводу этих предметов, оставшихся пока загадочными и представляющими большой интерес.

Посуда, подобная описанной по коллекциям Государственного Эрмитажа, находится также и в Саратовском краевом музее, который является одним из немногих музеев, обладающих ценными собраниями предметов материальной культуры эпохи Золотой Орды. Поэтому мы не видим оснований давать описание этой посуды, заметим лишь, что тот богатый ассортимент ее, какой имеется хотя бы только в Саратовском музее, еще раз подчеркивает широкое развитие керамического производства XIII—XV вв. и, особенно, XIV века, — времени расцвета Золотой Орды.

Другим крупным производством Орды было металлическое. В Саратовском музее мы можем видеть различные произведения из железа, меди, серебра и золота. Если эти материалы сопоставить с набором вещей, хранящихся в музеях Казани, Москвы, Ленинграда и др., мы убедимся, что ремесленники-металлисты занимали в Орде весьма видное место. Прежде всего обращает на себя внимание большое количество оружия, которое дает представление о военной технике XIII—XV вв.: кольчуги, сабли, кинжалы, ножи, стрелы разных форм, копьё, конское снаряжение в виде седел, украшенных бляхами, стремяна с широкой подножкой, удила. Затем надо указать на весьма распространенный предмет — замок в виде коня, не раз уже описанный в литературе. Этот предмет в силу своей распространенности позволил С. В. Ки-

селеву поставить вопрос о стандартности производства, а вследствие этого и возможности существования специальных цехов в Золотой Орде (см. экспозицию в Государственном историческом музее). Можно далее назвать такие изделия, как рыболовные крючки, гвозди, оковки ларей, лемеха, топоры и прочее.

Значительное место занимали ювелиры, изготовлявшие предметы роскоши, хорошо известные в Золотой Орде, как например, браслеты, перстни, серьги, серебряную и золотую посуду, бронзовые зеркала, подражавшие китайским. Изготовление стеклянных предметов также имело не малое значение, судя по обильным находкам стеклянных витых браслетов, бус, посуды и т. п. Кстати, заметим, что нами были открыты остатки мастерской для производства стеклянных предметов в Сараях Бату.

Резьба по кости, часто встречающаяся в инвентаре курганов — на колчанах для стрел и на разных предметах из кости, также имела своих мастеров.

Таковы материалы, представляемые исследователю археологическими данными для суждения о материальной культуре и, на основе ее, о характере структуры общества Золотой Орды. К этим материалам присоединяется значительное количество письменных источников как западно-европейского происхождения, так и восточного, например, арабских, не говоря уже о русских летописях, естественно уделявших большое внимание Золотой Орде, связанной с русскими княжествами с половины XIII в., когда Бату, внук Чингис-Хана, закрепил за собой эти княжества. Карты, разработанные С. В. Киселевым для экспозиции в Государственном историческом музее, дают подробную картину этих связей. С 1223—1360 г. мы видим процесс покорения Руси Золотой Ордой, с 1361—1399 г. — процесс борьбы с нею Новгорода, стремившегося захватить Волжский торговый путь и достигавшего своими экспедициями Астрахани (Хазтаракани), с 1400—1460 г. происходит новое наступление Золотой Орды на Русь и с 1461—1556 г. — наступление Московского государства на татар, захват Казани и Астрахани. С 1241 г. Русь платит Золотой Орде дань — так называемый „ордынский выход“, а около 1480 г. она отказывается от уплаты дани и переходит к захвату земель, принадлежавших Орде.

Что же собою представляла эта Золотая Орда, овладевшая огромной территорией от Киева до Аральского моря, от Булгар на Волге — до Кавказа и включавшая такие улусы, как Русь, Литва, Мокши, Булгар, Сарайчук на Урале и Ургенч в Хорезме, не считая зависимой от нее Сибири, а позже, в конце XV в., разделявшаяся уже на три слабые отдельные государства — Крым, Казань, Астрахань, после понесенного ею разгрома со стороны Тимура (Тамерлана)?

Происхождение Золотой Орды, появившейся в первой четверти XIII в. в Восточной Европе в связи с преследованием ею кыпчаков-половцев, относится к моменту образования огромного государства под владичеством знаменитого Чингис-Хана, который предоставил своему сыну Чжучи владения на запад от Урала. Его сын Бату или, как обычно он называется в летописях, Батый, после удачных походов на Русь остановленный лишь на границах Венгрии, закрепил за собой указанные выше обширные территории и основал центр своего государства в Нижнем Поволжье, построив

столицу Сарай на месте современного с. Селитренного на р. Ахтубе. Позже—в первой половине XIV в. — она была перенесена в верховье реки, где преемник Батыея — Хан Берке — построил Новый Сарай.

Хан, его ближайшие сотрудники, нойоны, беки, его войска — монгольские конные дружины, деление государства на отдельные улусы, взаимоотношения с покоренными русскими князьями — все это говорит об ином характере структуры общественного строя в сравнении с известными нам его формами в предшествующее время. Этот новый строй выражается в форме феодальной эксплуатации, иными словами, мы видим в Золотой Орде феодальное государство. Но присутствие кочевников наряду с крупными ремесленными, производственными, торговыми центрами и значительным слоем оседлого крестьянства, существовавшего на Волге уже давно, побуждает пристально взглянуть в общественное устройство Золотой Орды в целях получения наиболее ясного представления о характере феодального строя этого огромного государства, оставившего после себя много интереснейших археологических памятников в Нижнем Поволжье и игравшего крупную роль в истории Восточной Европы XIII—XVI вв.

Вопрос о монгольском феодализме или феодализме на Востоке занимал внимание пленума Государственной академии истории материальной культуры 20—22 июня 1933 г., на котором обсуждался доклад С. П. Толстова о генезисе феодализма в кочевых скотоводческих обществах ¹⁷⁵). К вопросу о турецко-монгольском феодализме написал работу проф. Н. Н. Козьмин ¹⁷⁶). Высказывался по той же проблеме как в прениях на упомянутом пленуме, так и в отдельных своих статьях А. Ю. Якубовский ^{177, 177)}. Из прежних работ известны работы В. В. Бартольда, касающиеся истории Средней Азии. Наконец, основные моменты освещены самими основоположниками марксизма.

Одной из характерных черт восточного феодализма является наличие рабства, как уклада в феодальном строе восточного общества. Это хорошо показано А. Ю. Якубовским в его высказываниях по докладу С. П. Толстова, например, в факте о том, что „один из крупных персидских феодалов, имевший большие земельные владения в Хорасане, Ираке, Фарсе и Азербайджане, владел 1700 рабов из тюрков, румийцев и абиссинцев и, кроме того, 400 невольниц“ ¹⁷⁸). С другой стороны, нам хорошо известно из русских летописей, что татары выводили из Руси большое количество рабов. Однако, правильно ли было бы считать рабовладение характерным признаком формации, свойственной кочевому скотоводству?

Как видим, это не было бы верным, и мы убеждаемся в ином. „Элементы оседлости и земледелия всегда сопровождают кочевое скотоводческое хозяйство“, — замечает С. П. Толстов в своем докладе на пленуме ГАИМК и приводит весьма важное указание Маркса—Энгельса на то, что „у всех восточных народов можно... установить *общее* взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой“ ¹⁷⁹).

Этот факт мы наблюдаем и в Золотой Орде, представляющей уже завершение образования феодализма. В данном случае, по мне-

нию С. П. Толстова, мы имеем уже создавшиеся материальные предпосылки для перехода от рабовладельческого общества к феодальному, так как кочевниками эпохи Золотой Орды уже был достигнут известный уровень развития производительных сил, несравненно более высокий, чем в предыдущее время. Рабовладелец брал не только прибавочный продукт в собственном смысле слова, но и значительную долю необходимого продукта у непосредственного производителя за счет сохранения его жизни, уничтожения его (раба) семьи и естественного воспроизводства рабов¹⁷⁵). Теперь, в эпоху сложившейся Золотой Орды, имеется налицо уже не рабовладелец, но феодал, правда, пользующийся рабами, но, главным образом, заинтересованный в другом, а именно, в воспроизводстве не только крестьянской крепостной семьи, как рабочей силы, но и средств производства (инвентаря, скота, построек), т. е. теперь феодал, изымая прибавочный продукт, не берет продукта необходимого, остающегося в руках непосредственного производителя. Если он поступит иначе, тем самым он подорвет свою собственную силу. Те отношения, которые иногда рассматриваются в качестве родовых, являются, по существу, уже феодальными; например, феодал — уже глава рода; он распределяет родичей, в зависимости от своей воли, на те или другие работы; но его власть основана уже на принуждении, которого не знал родовой строй. Наличие орошаемого земледелия, обладающего значительной интенсивностью, и малая трудоемкость экстенсивного скотоводческого хозяйства — вот причины того, по мнению С. П. Толстова, что рабовладение не развивалось на Востоке так, как это имело место в Греции и Риме, и, наоборот, ускорило переход от рабовладельческой, неразвившейся достаточно формы к феодализму. Велика при этом была и роль общины, препятствовавшей „развитию процесса экспроприации независимых производителей, так как эта экспроприация и пауперизация свободных производителей и связанный с нею распад общин как в условиях орошаемого земледелия, так и в условиях кочевого хозяйства неизбежно ведут к катастрофическому подрыву производства, разрушению (в земледельческих районах) ирригационных систем“... Это мнение, высказанное С. П. Толстовым, имеет основание, поскольку оно вскрывает внутренний процесс общественного развития.

Далее он правильно указывает, что та же причина — сопротивление общин феодалам — влекла за собой необходимость для последних содержать рабов на своих частных землях. Таким образом, слабое развитие барщины компенсируется рабским трудом, что можно было наблюдать на Востоке вплоть до XIX века. Если положения доклада С. П. Толстова в заключительном выступлении председателя были признаны мало доказанными, то, надо сказать, что доклад этот вместе с дополнениями, сделанными другими, дает многое для уяснения характера кочевого феодализма. Развитая форма феодальных отношений увенчивается развитой формой феодального государства.

Хан опирается на свое войско — дружину, вооруженных слуг и товарищей, которая и создает его могущество, его боевую мощь. Народная масса привлекается лишь в исключительных случаях крупных завоеваний, как это имело место в эпоху Чингис-

Хана. Родовая знать превращается в феодальную, будучи заинтересована в предприятиях общего вожда, выделившегося из той же знати.

Золотая Орда представляла собой своеобразную форму феодального государства, в котором можно различать две отдельные группы — кочевников-скотоводов и земледельцев, причем первые играли решающую роль, занимали ведущее место. Здесь можно видеть и основную проблему „кочевого феодализма“ — взаимоотношения кочевых, следовательно, скотоводческих элементов и оседлых, значит, земледельческих и городских элементов, существовавших на территории Золотой Орды, а, следовательно, и в Нижнем Поволжье. Мы не должны представлять себе кочевников не имеющими городов; это противоречило бы фактам постоянного наличия последних там, где были кочевники-скотоводы. Наоборот, С. П. Толстов правильно, как нам кажется, истолковывает возникновение восточных городов, как результат первого крупного общественного разделения труда, т. е. отделения кочевников-скотоводов от земледельцев. Город является центром натурального обмена между скотоводами и земледельцами. „В сферу этого обмена, стержнем которого является обмен продуктами обеих отраслей сельского хозяйства,—говорит исследователь,—с самого начала входит и обмен продукцией локальных ремесел, связанных обычно с центрами сырья (керамика, металлургия, деревообделочное производство, с одной стороны, продукция обработки шерсти и кожи—с другой...)“.

Основная сила, обуславливавшая развитие и рост обмена, заключалась именно в кочевниках-скотоводах, так как они были более подвижны, а их основное средство производства — скот — легче отчуждаем. Это положение подтверждается высказыванием К. Маркса о том, что „Кочевые народы первые развивают у себя денежную форму, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме, и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов“¹⁸⁰). Этот взгляд Маркса, приведенный С. П. Толстовым, очень ярко подчеркивает значение кочевников-скотоводов, живших в соседстве с Золотой Ордой, и объясняет нам широкое развитие обмена, сказывающееся в появлении ряда продуктов, чуждых Нижнему Поволжью прежде, а теперь, в XIV в., сделавшихся характерными для него (керамика), в распространении монетного обращения в столь большом количестве, что находки золотоордынских монет не представляют никакой редкости в Нижнем Поволжье, а с другой стороны, указывает на широко развитую как местную, мелкую торговлю, так и крупную, в которой принимают участие иностранцы. Этим же растущим обменом только и можно объяснить необычайно быстрое и пышное развитие городской жизни на Нижней Волге, появление административных, торговых и ремесленно-промышленных центров — обоих Сараев, Увека, Бельджамена, Наровчата, Мечетного, Астрахани и т. п.

Одновременно необходимо отметить и то противоречие, какое возникло в обществе, подобном золотоордынскому, и заключалось в отделении ремесла от сельского хозяйства. Другими словами,

мы видим противоречие между городом и деревней. Выше мы уже отмечали, что, кроме кочевников, в составе Золотой Орды находились и оседлые земледельцы. Для Нижнего Поволжья они составляли крестьянскую массу, которая занимала ныне существующие так называемые селища и частично жила в известных нам золотоордынских городах. Это крестьянство в северной части территории было представлено мордвой, с которой мы уже знакомы, например, по Аткарскому и сходным с ним могильникам. Это население, составлявшее стойкие общины, было той базой для золотоордынского феодализма, какой оно осталось в более позднее время для сменившего золотоордынский русский феодализма. Такая же община, сохранившая внешние формы еще родовой общины, была и в группе кочевников-скотоводов; мы имеем в виду в данном случае скотоводов-крестьян, некогда слабейших членов подлинной родовой общины, попавших в зависимость от своих сильных родичей, которые начали эксплуатировать их, прикрываясь родовыми традициями. Частная собственность на землю, возникшая в результате разложения родового строя, привела в конце концов к тому, что на земле, принадлежащей скотоводу-феодалу, стали работать бывшие родичи, превратившиеся в крестьян, уже не связанных кровно с феодалом. Но эта родовая традиция облегчала, как правильно замечает С. П. Толстов, захват свободных земель в скотоводческих районах и организацию там сельского хозяйства, как об этом говорит, например, Рубрук: „Важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляются просо и мука“.

Правильно указывается на то, что летние пастбища, номинально оставшиеся в собственности племени кочевников, фактически оказывались в руках богатых, т. е. феодалов, поскольку они были владельцами крупных стад, обслуживание которых за известное жалкое вознаграждение лежало на членах племени, сделавшихся зависимыми от феодала — первоначального родича, а теперь господина.

Другими словами, мы видим установление фактической власти над людьми через захват земли, пастбищ в районе зимовок. Основная причина такого захвата заключается в том, что появляется своеобразная система феодальных отношений, какой не было в Западной Европе, — это отдача скота на выпас на определенных условиях или пользования молоком или получения части приплода и т. п. Беднейший родич превращается в наемного пастуха или работника на зимовке у богатого, т. е. феодала в начальной стадии развития. Впоследствии рост стада, требующий перекочевки ради обеспечения его кормом, приводит к тому, что мелкий владелец включает свой скот в состав стада, принадлежащего крупному, и, в итоге, сам превращается в зависимого от феодала человека. Феодал, разбивая свое хозяйство на группы, как мы это знаем из недавнего, дореволюционного прошлого и из исторических источников, кочует отдельно с главным своим хозяйством, а наряду с этим кочует его семья, и вместе с ним здесь же находятся и зависимые люди, часть которых работает и на земле феодала на зимовках. Так, родовая взаимопомощь превратилась в свою противоположность, как об этом говорит исследователь;

привычная помощь со стороны рода заменилась „помощью“ со стороны крупного скотовода — частного собственника, поставившего вследствие этого в зависимость от себя слабейшего родича. Отсюда в результате вырастает сложная система феодальных повинностей.

Нельзя, кроме того, забывать и еще об одном факторе, необязательном, но в условиях развития Золотой Орды игравшем большую роль. Мы имеем в виду завоевания. Не будем возвращаться к вопросу о военных предприятиях Золотой Орды, но лишь укажем, что следствием тех войн, какие вели первые ханы Золотой Орды, было приобретение значительных территорий, которые рассматривались победителями-монголами, как собственность, но своеобразная. Ханы Золотой Орды считались верховными повелителями завоеванных стран (характерны их изображения в русских миниатюрах — хан в царской короне, а великий князь русский — в шапке).

Ханы носили титул царя и были полновластными владыками, но в завоеванном улусе они предоставляли самостоятельно управлять государям, изъявившим покорность ханам, и ограничивали исправным получением „выхода“ (дани). Вместе с тем ханы нередко устраивали экспедиции на ту же Русь с целью получения некоторых лишних доходов, сверх дани, попросту грабили население, разоряли области и после такого кровопускания снова довольно благодушно относились к своим неожиданно пострадавшим от них вассалам, а в некоторых случаях и содействовали им своими войсками в деле подчинения других, более строптивых вассалов. Подобные случаи из истории первых времен татарского завоевания Руси достаточно хорошо известны.

Характерно было отношение ханов и к духовенству покоренной страны. Последнее приглашалось молиться за хана, иными словами, агитировать за подчинение, смирать крестьянство указаниями на божественное значение царской — ханской — власти. За эти услуги церковь получала исключительные льготы, хорошо известные нам по историческим документам; например, русский митрополит Алексей получил от хана Бердибека право судить своих вассалов своим судом, не впускать к себе сборщиков дани и т. п. Не менее тесной была у ханов связь со своим духовенством — шейхами.

Таким образом, мы можем прийти к заключению, что Золотая Орда в момент своего распространения в Восточной Европе была действительно феодальным государством восточного типа, в котором, наряду с крестьянами-земледельцами, были и кочевники-скотоводы. А среди последних могли быть и крестьяне-кочевники же, работавшие на собственных землях феодалов. Наличие рабов также трудно оспаривать. Рабство, не будучи уже домашним, оставалось и в феодальном обществе, прошедшем стадию рабовладельческого способа производства.

Большое значение в орде имеет город с его торговлей и ремесленной промышленностью. Посмотрим, что дают нам археологические материалы, которые всегда являются важнейшим документом для исторического изучения древнего общества.

Золотая Орда, представлявшая собою часть монгольских племен, организованных Чингис-Ханом, главой „поколений, живущих

в войлочных кибитках¹⁸⁴), и выделявшихся в целях завоевания Восточной Европы, состояла, как мы знаем, из кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев. Последние состояли из тех же монголов-крестьян, обрабатывающих земли на зимовках, и особенно из мордовского населения на Нижней Волге. Лошади, овцы, козы, крупный рогатый скот и верблюды — вот из каких животных составлялись огромные стада кочевников. Сена для них обычно еще не запасали, а питание регулировалось перекочевками, как указывает академик Б. Я. Владимирцов. Кочевки происходили либо аилами, т. е. отдельными семьями, либо куренями, т. е. группами семейств, а впоследствии феодалом с его подчиненными.

Становище куреня представляло круг, в центре которого находилась кибитка феодала. Так, между прочим, описывает Рубрук становище Батыя. В более позднее время курень превращается в хотон. Занимаясь скотоводством, кочевники придавали известное значение и охоте, в более раннее время рассматривая ее, как некое предприятие. В жизни кочевника огромную роль играла лошадь. Если бы не было у нас письменных данных на этот счет, то достаточно было бы указать лишь на погребения кочевников с конем, чтобы убедиться в правильности такого утверждения. „Табуны лошадей были главным богатством древнего монгола“, — говорит Б. А. Владимирцов. — „Конь монголу служил средством передвижения, служил на войне и в облавной охоте, доставлял молоко; монголы питались его мясом, использовали его шкуру и волос, все, конечно, как и современные кочевники“.

Чингис-Хан говорил: „Тот, кто упадет с лошади, каким образом будет иметь возможность встать и сражаться? А если и встанет, то пешим каким образом пойдет под конного и выйдет победителем?“ По состоянию коней судили, обычно, о силе войска. Рогатый скот тоже употребляли, как средство передвижения, а овец разводили ради мяса, шкуры и шерсти. Мясо умели готовить впрок на зиму.

Кочевники, в силу тех условий, о которых было указано выше, охотно вели обмен. В их могилах мы находим предметы, производством которых они не занимались, но приобретали их, меняя на свои изделия. Б. А. Владимирцов сообщает, используя сведения Рубрука¹⁸²), что монголы изготовляли „войлоки, делали ремни и веревки, деревянные основы юрт, повозки, домашнюю посуду, люльки, разные мелочи. Затем изготовляли седла, сбруи, луки и пр.“. Делая замечания о том, что, несмотря на незначительные потребности, кочевник был втянут в орбиту международной торговли, академик Владимирцов, конечно, ошибался, забыв указания Маркса о значении кочевников для развития обмена, о чем мы говорили раньше. Да и сам Владимирцов в дальнейшем упоминает, что в Монголию уже в давние времена, до образования империи Чингис-Хана, приезжали купцы из далекого Туркестана, а после создания этой империи „в Монголию со всех сторон потекли разные ценности, появляются деньги, развивают свою деятельность „мусульманские“ купцы, появляются поселения ремесленников разного рода“... Археологические данные вполне подтверждают такие высказывания. Предметы ввоза в целях обмена широко известны хотя бы по материалам Саратовского краевого музея

и Эрмитажа. Мы этого уже касались, говоря о Сараях Берке. Что кочевники занимались охотой, также не подлежит сомнению. В кочевнических могилах, напр., в кургане № 12 гр. 1 „Трех братьев“, находим кости дрофа, зайцев и пр.

Земледельческие поселения известны нам в эпоху XIII—XV вв. повсюду на Нижней Волге, особенно в северной его части. Интересно напомнить, что в Аткарском могильнике среди могил земледельцев открыто два кочевнических погребения. Вероятно, в одной из этих могил был погребен либо монгольский воин, случайно оказавшийся в этих местах, либо, что более вероятно, мы имеем здесь прямое доказательство тех феодальных связей, какие существовали у местного населения с феодалами. Но, помимо местного, покоренного земледельческого оседлого населения мы знаем и другое. Это было, как уже говорилось, население, занимавшееся земледелием по приказу феодала, в его имениях. Например, Б. А. Владимирцов приводит следующую справку по этому поводу из „путевых записок“ одного путешественника: „Жители в окрестностях Каракорума, — столпы империи Чингис-Хана, много занимаются земледелием и орошают поля водопроводами (арыками), попадаются и огороды“. Сообщая, что в источниках и пособиях имеется несколько намеков на то, что в некоторых местах древние монголы жили оседло и занимались земледелием и рыболовством, Б. А. Владимирцов замечает по этому поводу: „В виду того, что вопрос этот недостаточно освещен, а также потому, что подобные поселения не играли сколько-нибудь видной роли в жизни монголов XII—XIII вв., рассмотрение оседлого хозяйства может быть оставлено в стороне“¹⁸¹). Исследователь был не прав, когда делал подобную оговорку. Мы знаем, что такая оседлость именно характерна для кочевого феодализма, и оставлять без внимания эту сторону вопроса не следовало. Между прочим, Н. Н. Козьмин, приводя сведения, данные в начале 20-х годов XIII века одним даосским монахом, прямо замечает, что земледелие играло значительную роль у монголов-кочевников¹⁷⁶).

Наличие лемехов, кос, жерновов, а также значительные следы арычного земледелия в обоих Сараях и остатки водопроводов, несомненно, подтверждают указание на существовавшее земледелие и огородное хозяйство.

Таким образом, можно считать совершенно верным утверждение о том, что в Золотой Орде, наряду с кочевниками-скотоводами, занимавшими степные пространства, были и оседлые земледельцы, причем часть их относится к тем же монголам, которые обрабатывали участки земли феодалов на их зимовках. Вот почему в степях мы встречаем могилы, которые уже не дают нам кочевнического типа погребений. Более того, не исключено, что курганные погребения без вещей, но с древней с.-з. и з. ориентировками костяков также могут быть относимы к кочевникам-земледельцам.

Что касается городского населения, то оно было довольно пестрым. Как мы уже имели возможность убедиться, население жило в городах по кварталам — в одном купцы и ремесленники, в другом — знать и т. д. Были также кварталы, заселенные по племенному признаку. Такое размещение населения в городе ста-

вит вопрос и о неоднородности занятий, присущих этому населению. Что это было так, видно и по археологическим материалам и по тем письменным источникам, с какими мы уже знакомы. В данном случае одни подтверждают другие. Нам представляется верным наблюдение, высказанное С. В. Киселевым в его экспозиции памятников Золотой Орды в Государственном историческом музее. Говоря о возможной стандартности изготовления некоторых предметов широкого потребления вроде медных замков в форме лошади, С. В. Киселев, как и А. Ю. Якубовский, указывает на возможность цеховой организации ремесленников в Золотой Орде, что подразумевает и достаточно развитый „торговый“ капитал, проводящий такую организацию. Продукция ремесел и товары, очевидно, сосредоточивались в руках купцов, ведших торговлю в Золотой Орде. Торговые пути Востока и Запада как бы пересекались здесь, в Нижнем Поволжье, вследствие чего быстро развивалась городская жизнь, росли города со значительным пришлым и туземным слоем ремесленников.

Существование монетных ханских дворов, известных нам чуть ли не в каждом улусном городе, чеканивших большое количество серебряной и медной монеты с указанием места чеканки, опять-таки подчеркивает развитие обмена. Самое ухудшение серебра в монете в более позднее время, по мнению А. Ю. Якубовского, также указывает на то, что потребность в монете была велика, и монетные дворы не успевали выпускать достаточное количество ее.

Торговля производилась, как это свойственно Востоку, караванным путем. Караваны организовывались купеческими компаниями и передвигались по всему Востоку. Их пути, как мы уже указывали, проходили в нижневолжских и южно-русских степях и охранялись в XIII—XV вв. Золотой Ордой, подобно тому, как в VII—X вв. безопасность торговых путей обеспечивалась хазарским каганатом, имевшим в VIII—X вв. свой центр опять-таки на Нижней Волге, близ современной Астрахани, в г. Итиле. Последний стоял на путях из Восточной Европы в Среднюю Азию и в Персию, а также на Кавказ. А. Ю. Якубовский называет Итиль товарной биржей Восточной Европы¹⁴⁸). Такую же роль в XIV в. играли города Золотой Орды, причем Орда владела значительно большей территорией и обладала хорошими военными силами, наиболее совершенными вооруженными. Так, например, при осаде городов употреблялись катапульты (метательные орудия) и горючие снаряды. Кроме того, в коллекциях Саратовского музея и Эрмитажа мы имеем глиняные бомбы. Золотоордынское войско, в котором большую роль играла монгольская конница, составляло силу, на которую опиралась верхушка того классового общества, которое мы знаем в качестве феодального в Золотой Орде или Синей Орде, как она называлась на Востоке. Во главе этого общества стоял хан, представлявший собой высшую власть в государстве, иными словами, хан был главой того класса, который эксплуатировал крепостную феодальную массу, так как всякое государство есть организация, созданная в целях эксплуатации одного класса другим. В империи монголов, как известно, ханы принадлежали к роду Чингис-Хана. Таким был и основатель Золотой Орды—хан Батый или Бату, сын Чжучи, внук Чингис-Хана. Он являлся верховным

обладателем всей земли, фактически находившейся в руках отдельных подчиненных ему феодалов. Действительным же собственником земли он был только в пределах непосредственной территории Золотой Орды, т. е., как мы об этом уже упоминали, — от Днепра до Аральского моря и от Кавказа до Булгар, на Средней Волге. Остальные земли были улусами Золотой Орды и составляли собственность подвластных Орде вассалов, вроде русских князей, ездивших в Орду для получения пайзе—серебряной доски с надписью и именем хана, закреплявшим права на владения. Такой, выражаясь западно-европейским термином, домэн хана назывался коренным его юртом. Подобными же юртами, как замечает Б. А. Владимирцов, владели и нойонные беки или беги, бывшие вассалами хана. Вероятно, один из таких нойонов, князей или беков владел Увеком, где была найдена гробница знатной монголки, без сомнения, жены какого-нибудь владельца Увека. Бывало и так, что вдова хана или нойона вступала в управление юртом впрямь до того, пока не вырастут ее дети.

Юрт или часть его могла быть отдаваема в качестве приданого за дочерью нойона. Из этих обычаев видно, что женщина занимала довольно высокое место в золотоордынском и вообще монгольском обществе, еще не мусульманском. Известно, что во времена Узбек-хана, в половине XIV в., Золотая Орда еще только вводила у себя магометанство, да и то это касалось городов, а не степи, где погребения монгольского типа встречаются в течение всего XIV в., сохраняя черты старого обряда даже и в XV в.

Говоря о женщине и ее положении в золотоордынском феодальном обществе, мы можем напомнить о тех женских погребениях с конем, которые нам известны в Нижнем Поволжье. Они ярко подчеркивают тот почет и то значение, которыми женщина пользовалась в Золотой Орде. Как было уже сказано, вдовы управляли совершенно самостоятельно юртами своих малолетних сыновей, пользуясь правами своих умерших мужей. Вдовы не только владели уделом, но и управляли своим войском. Возможно, что таким именно женщинам и принадлежали курганные погребения с конем. Жена сопровождала мужа в походах, а Чингис-Хан указывал, „чтобы женщины, сопутствующие войскам, исполняли труды и обязанности мужчины в то время, как последние отлучались на битву“. Конечно, такое положение занимали лишь женщины высшего класса. Но, однако, по самым условиям кочевого хозяйства женщина была значительно свободнее, чем женщина в земледельческом обществе. Достаточно вспомнить, что такие путешественники, как Марко Поло и Рубрук, отмечали это особое положение восточной женщины-монголки в сравнении с западно-европейской.

Феодалы — беки и нойоны — владели земельной собственностью. Общины как земледельческие, так и скотоводческие считались их собственностью, которая становилась таковою или в порядке родового обычая, превратившегося в свою противоположность, или в силу доверия со стороны хана. Ярлыки, даваемые ханами, хорошо известны по нашим летописям. Таким образом, все население Золотой Орды резко делилось на эксплуатирующий класс—феодалов—беков нойонов и эксплуатируемый — простой народ, земледельцев, скотоводов, народ податной, платящий оброк. Этот простой народ

назывался „черной костью“. Совершенно понятно, что население находилось в очень тяжелых условиях существования, и жалкие мазанки, которые известны по раскопкам на таких городищах, как Сарай Бату и др., вполне подтверждают сведения, находимые в письменных источниках того времени. О том же самом говорят нам и „бедные“ погребения в курганах и могильниках, представляющие резкую противоположность „богатым“ могилам. Классовая религия магометанства заменила религию родового общества, укрепляя своим воздействием на массу положение феодалов, глава которых — хан — считается тенью бога на земле, а роскошные мечети, соорудившиеся в том же Сарае Берке в большом количестве (только „соборных“ мечетей там было 13) с их духовенством еще более содействовали подавлению крепостной и родовой кочевой массы в степях.

Резкое деление былой родовой общины скотоводов на бедных и богатых, когда одни работают на других, внеэкономическое принуждение, т. е. классовое расслоение, иногда приводит к открытой классовой борьбе. Правда, мы не знаем фактов классовой борьбы в Золотой Орде, но они известны в соседнем, таком же монгольском феодальном государстве — Бухаре в 1238 году, когда ремесленник Махмуд успешно поднял восстание непосредственных производителей города вместе с беднейшей частью учащихся медресе против феодалов. Другое восстание, о котором также упоминает А. Ю. Якубовский, имело место в 1365 г. в Самарканде.

Необходимо отметить тесную связь феодальной знати с крупным купечеством в монгольских государствах. Эта связь имела своим происхождением политику Чингис-Хана, который своими завоеваниями обеспечивал безопасность караванной торговле, а это не могло не располагать к нему заинтересованных в ней купцов. Последние решительно поддерживали Чингис-Хана, в дальнейшем те же взаимоотношения сохранились и в Золотой Орде, обладавшей огромными территориями. Время расцвета Орды, падающее на половину XIV столетия — царствование Узбек-Хана (1312—1340) — совпадает с развитием военной мощи Золотой Орды. Это время, характеризуемое археологическими раскопками на месте Сарая Батыя, Сарая Берке, Увека, Наровчата и др. городов, было временем развития ремесленной промышленности и торговли. Однако, государство Золотой Орды, как замечает А. Ю. Якубовский, „страдало всеми недостатками феодального объединения“. Не прошло и двух десятилетий со дня смерти хана Узбека, как в самой феодальной, по преимуществу, кочевой, верхушке золотоордынского общества началась жестокая борьба за власть. Эта борьба не могла не отразиться пагубно на ремесленной промышленности, которая стала приходить в упадок. В 1395 году хан нового организовавшегося феодального государства, знаменитый Тимур (Тамерлан), поддерживаемый, как в свое время Чингис-Хан, крупным купечеством и мусульманским духовенством, нанес сокрушительный удар Золотой Орде, разрушив Сарай Берке, а также и Сарай Батыя.

Торговые пути изменяются, отходя на юг от Нижнего Поволжья, центром становится Самарканд, причем и теперь, как в свое время это делалось в отношении Сарая, в новую столицу

переводят ремесленников. Золотая Орда, с этой поры уже не возвращая своего прежнего положения, влечит жалкое существование. Ее города уже не поднимаются после разгрома их Тимуром, а растущая мощь Москвы заставляет ее постепенно отказываться от былых прав на власть и получение „выхода“, выдача которого Москвой прекращается в 1480-х годах. Наконец, ослабевшая и расчлененная на отдельные три царства, Золотая Орда входит в состав Московского государства. Этот процесс заканчивается уже в XVIII в., когда, в царствование Екатерины II, было ликвидировано Крымское ханство.

Археологические памятники XVI века на территории Нижнего Поволжья незначительны и, главным образом, представлены поздними татарскими могильниками, о которых мы говорили выше. В это время с Востока к Ахтубинской долине продвигаются калмыки, ушедшие из пределов Китая и в начале XVII в. угрожавшие Нижнему Поволжью, захваченному к этому времени Москвой. Они не были преемниками Золотой Орды и не оставили по себе следа до перехода на правый берег Волги, где памятниками их прошлого являются старинные могилы почитаемых людей и хурулы, хранившие памятники монголо-бурятского искусства, принесенные калмыками с Востока. Памятники же Золотой Орды XVI века можно видеть лишь на Средней Волге, в Казани. В степях, примыкающих к Астрахани, остаются отдельные группы населения, некогда входившего в состав Золотой Орды, как, например, татары-карагачи, в настоящее время переходящие к оседлости и занимающиеся, главным образом, рыболовством.

После произведенных в XIV—XV вв. разрушений Тимуром Сарая Берке и Сарая Батыея — последний был разрушен еще раз в конце XV в. уже московскими войсками, а в XVII в. его постройки уничтожили в целях использования строительных материалов для астраханского кремля. И все же сохранилось еще многое на месте этих городов, что следует изучать. Особенно это замечание относится к Сарая Батыея. Его центральная часть сохранила, благодаря стоящему на его месте селу Селитренному, много важного в археологическом отношении. Фундаменты таких зданий, как дворец и мечеть хана, описанные еще Палласом, могут дать известные дополнительные материалы. Раскопки на месте Батыева Сарая должны быть признаны одной из важнейших задач советской археологии. Наряду с этим стоит задача изучения менее важных, но в целом дающих широкую картину существовавшего здесь феодального государства, мест поселения — остатков городищ и селищ эпохи Золотой Орды и связанных с этими памятниками мордовских могильников и поздних городищ в северной части Нижнего Поволжья, в Саратовском крае, в частности.

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В XVI—XVIII вв.

Последние по времени археологические материалы на территории Нижнего Поволжья касаются XVI—XVIII вв. Они сами по себе немногочисленны и уже не могут иметь такого значения, какое имели памятники более ранних веков, так как, начиная с XVI века, мы можем пользоваться более или менее достаточными письменными источниками, освещающими историческое прошлое края. Собственно говоря, археологические раскопки могут быть произведены только в северных частях Нижнего Поволжья, где имеются памятники материальной культуры, относящиеся, во-первых, к прошлому мордвы и находимые в ее могильниках XVI—XVIII и начала XIX веков, а во-вторых, в могильниках XVII в. на берегах Волги в бывш. Хвалынском уезде, относящихся к татарским поселениям. Кроме того, к археологическим материалам можно присоединить городище того же времени, как, например, Старое Саратовское на р. Саратовке на левом берегу Волги, немного выше г. Энгельса, безымянные городища около некоторых сел, например, с. Пристанного в 12 км от Саратова, на правом берегу Волги, с. Воскресенского на Волге и др.

Далее сюда можно отнести архитектурные памятники в виде старого собора в Саратове или церкви в с. Зубриловке, в 12 км от ст. Вертуновской, Ряз.-Уральской ж. д., в бывшем имении Прозоровских-Голицыных, руины дворца б. князей Куракиных в с. Надеждине, близ г. Сердобска. В Сталинградском крае следует упомянуть об астраханском кремле, его известном соборе и о доме Персидских в г. Дубовке. Вот почти исчерпывающие данные об археологических материалах в Нижнем Поволжье, относящихся ко времени с XVI в. и позже.

Московское государство, устремившее в XVI веке свое внимание на Поволжье с целями его захвата, как колонии, выгодной для феодальной эксплуатации, и как удобного торгового пути в Персию, после завоевания Казани начинает продвигаться на Нижнюю Волгу. В первую очередь появляется такая сильная феодальная организация, как монастырь, который потом занимает Сосновый остров, т. е. современный Хвалынск. На этом острове, между прочим, был найден клад железных орудий — в виде серпов и топоров, характеризующих время захвата Нижнего Поволжья Московским государством (см. коллекцию Хвалынского музея). Строятся крепости — в настоящее время города Нижней Волги: Царицын (Сталинград) в 1589 г., Дмитриевск (Камышин) во втором

десятилетия XVII века, уничтожается Астраханское царство (1554 г.), и по приказу правительства царя Михаила Романова строится в Астрахани каменный кремль из кирпича от разрушенного Старого Сарая — некогда батыевой столицы. К 1598 году на правом берегу Волги возводится городок Саратов, который в 1610—1613 гг. был переселен, как полагал проф. П. Г. Любомиров, на левый берег, на р. Саратовку, при впадении ее в Волгу, в целях воспрепятствования набегам калмыков, а при царе Алексее Романове вновь строится на правом берегу. На месте левобережного Саратова, на р. Саратовке, теперь на окраине г. Энгельса, сохранилось небольшое городище. Пробные раскопки, произведенные здесь быв. Саратовской ученой архивной комиссией, и небольшие обследования, сделанные нами в 1922 и 1936 гг., дали некоторые материалы, подтвердившие сведения о нахождении именно здесь левобережного Саратова. Найдены были железные предметы в виде замков, обломков ножей, перстней, черепков поздней посуды, медные кресты. Рядом, в карьере, нами были открыты поздние христианские погребения без вещей — очевидно, здесь находилось саратовское древнее кладбище.

На вопросе о перенесении Саратова на правый берег Волги мы не останавливаемся, так как он не имеет для нас особо важного значения. Отметим лишь, что по этому поводу велись споры между местными историками¹⁸³). Одним из мест, где стоял Саратов, некоторые исследователи считают село Пристанное, в 12 км выше от современного Саратова по Волге. Последний сохранил очень немного памятников XVII — начала XVIII в. Это — старый собор, начатый постройкой в последней четверти XVII века и законченный при Петре I, и церковь быв. женского монастыря, выстроенная в первой половине XVIII века.

Не сохранилась и Саратовская крепость с ее воеводским двором и складами, на месте которых стоит в настоящее время здание Саратовского краевого музея, законченное постройкой, после переделок, в 1810 году. Таким образом, Саратов, являющийся наиболее древним городом в Саратовском крае, не представляет с археологической стороны большого интереса, хотя он уже существует с конца XVI в. По мнению П. Г. Любомирова, первоначальный Саратов на правом берегу мог стоять на высоте около Соколовой горы, почти там, где стоит современный наш город, но остатки его вследствие оползней исчезли. Нам такое предположение кажется весьма близким к истине, так как подобное же явление хорошо известно в отношении к древнему золотоордынскому Увеку, от которого, как мы уже знаем, сохранилась лишь очень небольшая часть вследствие оползней, унесших с собой в Волгу главную часть развалин этого города.

Значительно позже строятся другие города в связи с захватом внутренней территории Нижнего Поволжья. Так появляются города Петровск, Сердобск, Аткарск, Балашов и на берегу Волги Вольск. Некоторые из них, например, Аткарск, сохранили до сих пор в названиях частей своей территории память о военном характере первоначального их существования, например, солдатская и пахотная стороны¹⁸³). Насыпались также длинные валы „засечного“ характера. Их остатки мы видим хотя бы в бывш. Кузнецком уезде.

Одновременно в Нижнее Поволжье продвигается феодальное землевладение в лице крупнейших помещиков — Нарышкиных, Куракиных, Прозоровских-Голицыных и др., остатки дворцов которых говорят о былом могуществе феодалов-крепостников. Население как русское, так и мордовское и других национальностей, туземное и переведенное сюда властью помещиков, попадает в тяжелую кабалу, испытывая на себе весь гнет крепостной зависимости. Угнетение национальных меньшинств, сказывавшееся как в экономическом давлении, насильственном изъятии у него земель, в частности, пастбищ в Заволжье, так и в усиленной принудительной христианизации, создает в итоге сильнейшее недовольство и стремление найти выход из тяжелого положения. Донское казачество в лице его менее обеспеченных слоев — голытьбы — устанавливает связи с Нижним Поволжьем в XVII веке и встает, как известно, во главе большого движения против московского правительства, имея вождем Степана Разина. Это движение широкой волной охватывает Волгу и распространяется к северу. Здесь нет надобности касаться его в подробностях, так как мы имеем специальные работы по этому вопросу, отметим лишь, что оно нашло себе сочувственный отклик на Волге.

Памятником разинского движения на Нижней Волге, помимо легендарных мест якобы сокрытия сокровищ разинских отрядов и их вождя Степана Разина, может служить Астраханский кремль, со стен которого был сброшен митрополит Иосиф, бывший главой контрреволюционной группы, ждавшей удобного момента, чтобы уничтожить власть восставших. Интересно, что во время империалистической войны у царского правительства существовало намерение объявить „святым“ этого Иосифа в целях подогревания „патриотических“ чувств.

Постройка сильной для XVII века крепости, какой был Астраханский кремль, показывает, что правительство первых Романовых прекрасно понимало значение этого пункта не только в торговом отношении (торговля с Персией), но и на случай возможных революционных вспышек в виду близости донского казачества. Постройка величественного собора в Астраханском кремле указывает опять-таки на стремление возвысить значение церкви, этого первого сподвижника феодальной власти. Укреплявшееся самодержавие хорошо оценивало православную церковную власть, особенно в таких удаленных от центра местах, как Нижнее Поволжье с его многонациональным населением, не имевшим никакого желания добровольно подчиняться эксплуатации.

XVII век знает вновь пришедших сюда из далекой Джунгарии калмыков, которые в XVIII в. оказались на правом берегу Волги. Стремление правительства Екатерины II задержать их в степях привело к тому, что часть их погибала, вымирая из-за неблагоприятных условий, значительная же часть калмыков ушла обратно в Китай.

Возвратимся, однако, к XVII веку, к моменту подавления разинского движения. Хорошо известно, что оно было подавлено с большой жестокостью, после того как московское правительство, оправившись от испуга, собрало все свои лучшие силы, в том числе обученные по-европейски солдатские полки, и бросило их сюда

на подавление восстания. Расправа с восставшими происходила во всех городах и многих селах в Нижнем Поволжье. В архивах, относящихся к этому времени, мы знакомимся с рядом правительственных распоряжений, касающихся этой расправы. Помещицья власть удержалась на этот раз, следствием чего было, с одной стороны, бегство многих крестьян за Волгу, в том числе и мордвы, а с другой — жестокие казни и усиление феодального гнета. Этот гнет со стороны испуганных и озлобленных крепостников проявляется в форме выкачивания средств для восполнения своих материальных убытков и насилий, ради устрашения восставших крестьян, причем это особенно тяжело должны были чувствовать нацменьшинства, как например, мордва, подвергавшаяся попыткам захвата ее помещиками в качестве крепостных. Мордва в XVII—XVIII вв. была довольно многочисленна и занимала большие пространства земли, в чем можно убедиться хотя бы по количеству ее могильников, относящихся к тому времени. Вся северная часть Саратовского края и далее занята мордовскими памятниками. Одна только наша экспедиция 1926 г. на р. Узу открыла и обследовала ряд могильников XVII—XVIII вв., например, у деревни Рузлатки, Сучкина, Усть-Узы, Старой Яксарки, Армеева и др. Известны могильники в бывш. Хвалынском уезде, из которых можно назвать, как уже обследованный, Старо-Яблонский. Словом, почти у каждого современного мордовского, а иногда и русского села в этой части Нижнего Поволжья всегда встретим старинный могильник, а иногда и два. Многие из старых мордовских могильников находятся в полях и в лесу, т. е. в таких местах, где некогда держалось мордовское население. Феодальное ярмо вынуждало мордву в иных случаях покидать родные места, и мы, как уже отмечалось, встречаем ее ушедшей за Волгу.

Указанные могильники интересны тем, что дают возможность убедиться в значительной твердости родовых обычаев, с одной стороны, и в сохранении известных черт, общих для мордвы древней и более поздней, в ее материальной культуре — с другой. Кроме того, можно заметить, что у мордвы продолжался внутренний процесс дифференциации, теперь на основе классово-вой борьбы; видим также и роль православной церкви, запустившей свои цепкие руки в мордовские села и деревни и старавшейся любыми способами добывать из них то, что оставалось после помещика.

Мы приведем несколько данных, характеризующих поздние мордовские могильники, — этот, по существу, последний памятник археологического значения в Саратовском крае.

Могильник около с. Старая Яксарка, так называемый „Сырнен-Гаяма“, дает однотипные могилы, в которых покойники лежат не в гробах, но лишь на досках, прикрытые корой или даже обернутые в нее. Иногда встречаются парные погребения, причем мужчина с женщиной лежат рядом, рука об руку. Женский наряд имеет уже в значительной степени этнографический интерес, так как в нем сохраняется много таких черт, какие хорошо могут быть прослежены в нарядах мордовских женщин еще недавнего времени. Следует отметить находку пулукери и привесок из денезек времени царя Михаила Романова. Кроме того, найдены монеты Петра I и императрицы Анны. Во втором Армеевском могильнике был

найден массивный топор с широким лезвием и отличной работы глиняный горшок. Очевидно, мордва уже тогда начала изготовление гончарных изделий, распространённых в Саратовском крае до последнего времени ⁵⁵). Известные сульгамы в виде застежек с широкими треугольными орнаментированными лопастями, широкие кольцевые застежки-пряжки со стеклянными вставками по концам, большое количество своеобразных „шумящих“ привесок, но уже представленных игральными жетонами и монетами XVIII века, — вот что составляло украшения мордовских женщин этого времени. Их вкус удовлетворяется уже не местным производством, а продуктом, идущим из торговых центров государства и представляющим лучшие доказательства той эксплуатации, какая в это время существовала. Ту же самую картину дают и все остальные могильники. Кроме них надо еще указать и на селища — остатки мордовских деревень, брошенных мордвой, или уходившей от помещиков, или насильственно переводимой ими на другие места.

Наконец, нельзя не упомянуть и о роли верного „сотрудника“ феодальной власти — большой поповской и монашеской группы, действующей здесь же, среди мордвы. Нередко поздний мордовский „языческий“ могильник расположен близ современной церкви, как это наблюдается в с. Старой Яблонке, быв. Хвалынского уезда. Иногда же, как в селе Армееве, быв. Кузнецкого уезда, около церкви стоит древний дуб, почитавшийся как священный среди местного мордовского населения. С таким дубом бывают связаны воспоминания о том, что здесь прежде молились предки, а позже на этом месте поставили церковь. Этот обычный прием церковников, известный с древних времен, имел целью использовать привычные религиозные взгляды мордвы и через древний религиозный обычай подвести ее к христианству. Около дуба и березы, росших у церкви в с. Армееве, еще незадолго до Октябрьской революции совершались молебствия, после которых мордва во главе с попом отправлялась на старый могильник (Армеевский 2-й, по нашему отчету), и там около ручья совершалась панихида по умершим предкам; там же убивали теленка, а шкуру его вешали на дерево. Кстати сказать, о могильнике в этом месте население, как мы выяснили, ничего уже не знало, оно ходило туда лишь по обычаю, посещая источник и дерево для совершения жертвенного древнего обряда, теперь выполнявшегося уже попом. Если церковь действовала посредством привычных древних обрядов, уцелевших от времен родового общества, то светская власть закрепляла мордву решительными мерами, создавая укрепленные пункты, как об этом мы уже говорили раньше. Такие города, как Петровск, Кузнецк, Сердобск, Вольск и Хвалыньск выросли в бывших центрах мордовского населения. Правительственные центры с вооруженными отрядами солдат были крепкой опорой помещиков, которые здесь развертывали свое крепостное хозяйство на основе щедрых дарений от российских царей — Екатерины II, Павла I и др.

Величайшее в России крестьянское движение, возникшее в последней четверти XVIII века под руководством Пугачева, нашло себе в Нижнем Поволжье, как известно, широкую поддержку и живое сочувствие. Города сдавались Пугачеву, помещики уничтожались восставшим крестьянством, пылало заревом восстания За-

волжье, где угнетенные, бессовестно эксплуатируемые башкиры собирались под пугачевские знамена. Саратовский край представлял собой один из очагов этого движения. Это и понятно, так как здесь феодальный гнет был особенно силен и его произвол особенно безудержен. Саратов торжественно встретил Пугачева, попы вынуждены были помянуть его имя в церкви, чему свидетельством служит сохранившаяся в Саратовском музее записка с указанием, как надо помянуть „государя Петра Федоровича и его супругу Устинью Петровну“. Начальник гарнизона Бошняк трусливо бежал из города. Позже саратовцы дорого заплатили за сочувствие Пугачеву, равно как и все крестьянство губернии, жестоко истерзанное царскими палачами и помещиками. В Саратове, в горной части города, сохранился каменный домик, где, по преданию, жил Пугачев во время пребывания его здесь.

Помимо русских стрельцов, солдат и крестьян, селившихся сначала в городах-крепостях, население Нижнего Поволжья состояло из представителей разных национальностей — мордвы, чувашей, немцев, украинцев, явившихся сюда в роли солевозчиков или переселенных крепостных, калмыков и татар, а также в небольшом количестве карагачей. Места их поселений, сохранившиеся до нашего времени, повсюду разбросаны по берегам Волги, превратившись иногда в небольшие села.

Этими данными заканчиваются археологические материалы, касающиеся истории Нижнего Поволжья.

Край, малоизвестный в археологическом отношении в прошлое время, в наши дни стал значительно более понятен для историка. Великая Октябрьская социалистическая революция предоставила широкие возможности для изучения его истории как в недавнем прошлом, так и в наиболее отдаленные от нас времена, освещенные только или почти только археологическими памятниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. П. П. Ефименко. Палеолитические стоянки Вост.-Европ. равнины. „Труды II междунар. конфер. Ассоциации по изучению четверт. периода“, Л., 1934, вып. V, стр. 88 и 93.
2. П. П. Ефименко. Дородовое общество, Л., 1934.
3. Палеолит в СССР. Материалы по истории дородового общества, М. Л., 1935.
4. К. Маркс. Капитал. изд. 1934, ч. I, стр. 380.
5. Г. Вейнерт. Происхождение человека. 1935.
6. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1932, стр. 5.
7. М. В. Воеводский. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эппалеолита на территории Восточной Европы. „Труды II международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы“, Л., 1934, вып. V.
8. Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. „Труды II международной конфер. АИЧПЕ“, 1934, вып. V.
9. П. Рыков. Археологические разведки в Н.-В. крае, произв. в 1928 г. „Изв. Н.-В. ин-та краеведения“, Сар., 1928, т. III.
10. Его же. Археолог. работы в Среднем и Нижнем Поволжье с 1917 по 1932 г. „Изв. Н.-В. ин-та краеведения“ Сар. 1933, т. V.
11. Его же. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губ. в 1922 г. „Труды Сар. об-ва ист., арх. и этногр.“ Сар., 1934, ч. I, стр. 12.
12. Т. Минаева. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. „Труды Н.-В. обл. науч. об-ва краеведения, археолог. секция“, Сар., 1929, вып. 36, ч. I.
13. И. В. Сеницын. Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области. „Известия Н.-В. ин-та краеведения“, 1931, т. IV, стр. 81.
14. П. П. Ефименко. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранне-неолитического возраста. Русск. антроп. журнал, т. 13, вып. 3—4, стр. 216, М.
15. И. В. Сеницын. Древнейшие памятники Приморского района Калмобласти. „Известия Н.-В. инст. краев.“, Сар., т. VI, стр. 89—102.
16. М. В. Воеводский. См. № 7 данного указателя, стр. 232.
17. Г. А. Бонч-Осмоловский. № 8 данного указателя, стр. 164.
18. В. И. Равдоникас. Маркс—Энгельс и основные проблемы докласс. общества. „Известия ГАИМК“, Л., 1934, вып. 81, стр. 161.
19. Его же. № 18, стр. 165.
20. Ф. Энгельс. № 6, стр. 48.
21. Его же. № 6, стр. 46.
22. Б. А. Бонч-Осмоловский, № 8, стр. 162.
23. N. Makarenko, Neolithic man on the shores of the sea, of Azov—Eurasia Antiqua Septentriondis (ESA), t. IX, стр. 135—153, Helsinki.
24. Л. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 69.
25. П. Рыков. Сусловский курганный могильник, „Уч. зап. Саратовского гос. университета“, 1925, т. IV, вып. III.
26. P. Rau. Prähistor. Ausgrabungen auf d. Steppenseite d. deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926, стр. 68 70, Pskrovsk, 1923.
27. В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. „Труды XII арх. съезда“, 1905 г., т. I, стр. 217.
28. А. А. Миллер. Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. „Сообщения ГАИМК“, № 3, Л., 1931, стр. 26.
29. П. Рыков. Погребения в шалахах. „Из истории докапитал. формаций“, изд. ГАИМК, 1933, стр. 203. Сборник статей, М. Л.

30. В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и Готская проблема в связи со стадийным развитием северного Причерноморья. „Известия ГАИМК“, Л. 1932, т. XII, вып. 1-8, стр. 50.
31. G. Buschan. Illustrierte Völkerkunde. Stuttgart, 1923, т. II, стр. 46, рис. 27.
32. A. M. Tallgren. La Pontide Præscythique, ESA. Helsinki, 1925, т. II, стр. 92 и другие.
33. Ф. А. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губ. в 1898 г. „Иза. ИАК“, вып. 19, стр. 81 и дальше.
34. В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. „Проблемы происхождения домашних животных“. „Труды лаборат. генетики Акад. Наук СССР“, Л., 1933, вып. 1, стр. 79—109.
35. В. И. Равдоникас. К вопросу о возникновении скотоводства. „Проблемы истории докапит. общества“. № 3, 1934, стр. 24—46.
36. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1932, стр. 162.
37. Г. Кунов. Происхождение брака и семьи, 1932, стр. 88.
38. В. И. Равдоникас. см. № 35, стр. 46—47.
39. В. И. Равдоникас, см. № 30, стр. 30.
40. П. Рыков. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. „Известия Н.-В. ин-та краеведения“. Сар., 1926, т. I, отд. оттиск.
41. П. Рыков. Отчет об арх. раск., произведенных в Н. Пов. летом 1929 г. „Известия Н.-В. ин-та краеведения“, Сар., 1929, т. IV.
42. М. И. Артамонов. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. „Проблемы истории докапит. общества“, № 7—8, изд. ГАИМК, 1934, стр. 108 и сл.
43. В. И. Равдоникас. см. № 18, стр. 199.
44. Ф. В. Баллод. Приволжские помпеи. ГИЗ, 1923.
45. П. Рыков. см. № 41.
46. В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. „Труды Владимирск. гос. музея“, II, Владим., 1926.
47. П. П. Ефименко. Жилище времени бронзы, открытое на пойме Дона в окрестностях Костенко. „Проблемы истории докапит. общ.“, № 5, 1934, стр. 46—53.
48. В. В. Гольмстен. Погребение из Криволучья. „Сообщения ГАИМК“, № 6, 1931, стр. 7—12.
49. В. И. Равдоникас, см. № 30, стр. 57 и дальше.
50. Ф. Энгельс, см. № 6, стр. 163.
51. В. Ф. Орехов. Две раскопки на церковной земле с. Ивановки, Хвал. у., Саратов. губ. „Труды Сар. Арх. Ком.“, 1913, вып. 33.
52. П. Рыков. Арх. раскопки и разведки в Н. Пов. и Уральск. крае летом 1925 г. „Известия краев. ин-та изуч. Ю.-В. области“, 1934, т. I.
53. Т. М. Минаева. Керамика Покровского селища. „Труды секции археолог. РАНИОН“, т. IV, стр. 316 и дальше.
54. П. Рыков. Ряд отчетов за 1921—25 гг. в „Трудах Сар. общ. ист. арх. и этнографии“.
55. П. Рыков. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926—27 гг., М., Сар., 1929, стр. 7.
56. В. Ф. Орехов, см. № 51.
57. П. Рыков. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалыньском у., Саратов. губ. в 1922 г. „Труды Сар. о-ва истор., арх. и этнограф.“, вып. 34, стр. 4—19.
58. М. А. Радищев. Хвалыньские городища. „Труды Сар. уч. арх. ком.“, вып. 31, 1914, стр. 159 и сл., вып. 33, 1916, стр. 30—33.
59. П. Рыков. Археолог. раскопки и разведки в Ниж. Пов. и Уральском крае летом 1925 г. „Известия краев. ин-та изуч. Ю.-В. обл.“, 1926, т. I, стр. 25.
60. Т. М. Минаева, А. Д. Фурсаев. Ботанические находки в археологическом материале. „Сов. ботаника“, № 3, 1934, стр. 150.
61. И. В. Силицын, см. № 15, стр. 93.
62. А. С. Некогорые находки медного века. „Изв. арх. ком.“, 1909, вып. 29, стр. 56.
63. В. В. Гольмстен. „Серпы“ из Сосновой Мазы. „Проблемы ист. мат. культуры“. № 5—6, 1933, стр. 32—37.
64. Д. И. Лев. К истории горного дела. „Труды института антроп. и этнографии“, изд. Ак. Наук СССР, Л., 1934, вып. 2.
65. Н. Арзютов. Об одном предмете из кургана бронзовой эпохи близ гор. Покровска (опыт реконструкции). „Известия Н.-В. инст. краевед. им. М. Горького“, Сар., 1931, т. IV, стр. 129.

66. М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Отд. оттиск из "Мат. комиссии эксп. исслед.", вып. 15 "Казахи", т. III.
67. Р. Рыков. Die Chvalynsker Kultur der BZ an d. Unteren Wolga, Helsinki, 1926 г., ESA, т. I, стр. 75, рис. 3.
68. П. Рыков. Неопубл. отчет за 1926 г. и см. "вырезку" в Саратов. краевом музее.
69. П. Рыков, см. № 59, таб. VII, рис. 12.
70. П. Рыков, см. № 41, стр. 21.
71. П. Рыков. Чардымское городище. Изв. Сар. Н.-В. института краеведения им. М. Горького, 1933, т. VI, (отд. оттиск).
72. П. Рыков. Археолог. работы в Ср. и Нижн. Поволжья с 1917—32 г. "Известия Н.-В. инст. краеведения", стр. 13.
73. П. Рыков. "Известия Н.-В. инст. краевед.", Сар., т. V, стр. 48.
74. Н. К. Арзютов. К вопросу о так наз. "рогожной" керамике. "Труды Сар. Об-ва ист., арх. эт.", вып. 1.
75. В. А. Городцов. "Древний мир", 1923.
76. В. И. Равдоникас, см. № 30, стр. 53.
77. Ф. Энгельс. "Происхождение семьи, частной собственности и государства", стр. 55 и дальше.
78. И. В. Силицын. Памятники бронз. эпохи в районе Колышлея. "Изв. Н.-В. инст. краеведения", 1932, т. V, стр. 25.
79. П. Рыков. Неопубликованный отчет за 1930 г.
80. П. Рыков. Отчет об археолог. работах, произв. в Н. Пов. летом 1929 г. "Изв. Сар. ин-та краев.", 1931, т. IV, стр. 51—52.
81. Р. Рыков, см. № 67, стр. 55, рис. 2.
82. Н. К. Арзютов. Аткарский могильник. "Труды Н.-В. кр. музея", вып. I.
83. Известия ГАИМК, № 9—10, 1935 г. (хроника).
84. В. Гольмстен. Материалы по археологии Самарской губ. "Бюллет. о-ва арх., и ст., и этн.", № 1—3.
85. В. И. Равдоникас. "О возникновении феодализма в лесной полосе В. Европы по археолог. данным" (в оглавлении книги статья носит название: "Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе В. Европы в свете археолог. данных). "Основ. проблемы генезиса и развития феодального общества", Л., 1934, стр. 112.
86. А. В. Шмидт. Очерки по истории Северо-Востока Европы в эпоху родового общества. "Из ист. род. общ. на террит. СССР". Изд. ГАИМК, М., Л., 1934, стр. 12.
87. Е. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. "Мат. по этногр.", вып. II, 1929, т. IV, стр. 41—62.
88. П. Рыков. Очерки по истории мордвы, М., 1933.
89. Его же. Культура древних финнов в районе р. Узы. Сар., 1930.
90. А. А. Спицын. Древности басс. рр. Оки и Камы.
91. М. Г. Худяков. Воробьевский и Вичмарский м-ки. "Изв. о-ва арх., этногр. при Казанск. ун-те", вып. 3—4, т. XXXIV, стр. 78.
92. С. Н. Быковский. Племя и нация в работах буржуазных археологов и историков в освещении марксизма-ленинизма. "Сообщения ГАИМК", № 34, 1932, стр. 9.
93. Маркс. Капитал. т. III, 1932, стр. 232.
94. А. М. Tallgren. Les provinces culturelles finnoises de l'age récent de fer dans la Russie du Nord—ESA. т. III, 1928, стр. 3—24, Helsinki.
95. Сообщения ГАИМК, 1933, № 3—4, статьи С. Н. Быковского, В. И. Равдоникаса, А. В. Шмидта.
96. М. Г. Худяков. Финская экспансия в археологической науке. "Сообщ. ГАИМК", № 11—12, 1931, стр. 25—29.
97. "Уч. записки Сар. гос. ун-та" 1926, т. V, вып. 2.
98. М. Г. Худяков. Древности Камы. Изд. ГАИМК.
99. Р. Rau. Prähistor. Ausgrab. auf d. Steppenseite d. deutsch. Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrovsk, 1927, стр. 52, рис. 44.
100. В. Н. Ястребов. Лядинский и Тамбовский могильники. Тамбовск. губ. "Матер. по архив. России".
101. Орехов. Черемш. мог. "Труды Сар. уч. арх. ком.", вып. 31, стр. 149 и д.
102. В. Подиванов. Муранский могильник.
103. М. Н. Покровский. Возникновение Моск. государства. Журн. "Ист. Марксист", М. 1930, т. 18, 19.
104. В. И. Равдоникас, см. № 30, стр. 62 и сл.
105. А. П. Смирнов. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. Изд. Гос. ист. музея, М., 1935.
106. П. Рыков, см. № 72, стр. 2, 28—29, 42.

107. П. Рыков, см. № 55, стр. 9—10.
108. П. Рыков. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. „Уч. зап. Сар. гос. университета“, 1924, вып. III, стр. 14—15.
109. В. Граков. Monuments de la culture Scythique entre la Volga et les monts Oural. ESA, 1928, т. III, стр. 25.
110. П. Рыков, см. № 59, стр. 33, 28, 29, 31, 36.
111. П. Рау, см. № 99, стр. 18—20, 41, 42, 44.
112. Р. Рау. Die Gräberd. frühen Eisenzeit in Unteren Wolgagebiets. Pokrovsk, 1929.
113. П. Рыков. Отчет о раскопках близ с. Харьковки, Респ. нем. Пов. в 1926 г. (Неопублик., хранится в Г. ист. музее).
114. В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. „Тр. сек. Арх. ин-та арх. и ист. РАНИОН“. т. II, стр. 46—60.
115. Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского, Оренбургского у. по раскопкам 1921 г. „Труды Секции арх.“, 1928 т. IV, стр. 145—155.
116. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925 г.
117. Ею же. Эллинизма и иранство на юге России.
118. А. П. Смирнов. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников, М., 1935.
119. В. И. Ленин. Государство и революция. Изд. С.-Э., 1931, стр. 10—12.
120. Ф. Энгельс, см. № 6.
121. А. П. Смирнов, см. № 118, стр. 32.
122. В. И. Рязошникас, см. № 30, стр. 62 и дальше.
123. С. Н. Быковский. Высказывания на пленуме ГАИМК, 20—22 июня 1933 г., стр. 254—257.
124. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. Зап. отд. русск. и слав. арх. Р. Арх. об-ва (1887), т. IV.
125. С. А. Семенов-Зусер. Родовая организация у скифов. Изд. ГАИМК, т. IX, вып. I.
126. П. Рыков. Ряд отчетов об экспедициях и археолог. раскопках, помещенных в изданиях Сар. об-ва ист., арх. и этн. Н.-Волж. о-ва краевед., „Извест. Н.-Волж. института краеведения“ и пр.
127. И. В. Силицын. О раскопках на р. Колышлее (неопубл. отчет за 1930 г.).
128. И. В. Силицын, см. № 15.
129. Р. Рау. Die Hügelgräber Römisch. Zeit an d. Unt. Wolga. Pokrovsk, 1927.
130. Р. Рау, см. № 99.
131. Т. Минаева. Погребения с сожжением. „Ученые записки Саратов. гос. университета“, т. VI, в. III.
132. Т. Минаева и П. Рау. Отчет об археол. разведках по р. Торгуну в 1924 г. „Тр. Н.-В. научн. об-ва краев.“, 1926, вып. 35, т. I.
133. Т. Минаева. Zwei Kurgane bei d. st. Sipowo. ESA Helsingfors, 1929, т. IV, стр. 194—209.
134. А. А. Спицын. Раскопки близ с. Гусевки, Цариц. у. Зап. Р. А. О., т. VII, вып. 2, Отд. р. иссл.
135. Волков. Больше-Дмитриевские курганы. „Труды Сар. уч. арх. ком.“. 1888, т. I, вып. III, стр. 285—293.
136. Б. Н. Граков, см. № 115, стр. 154.
137. Р. Рау, см. № 99, стр. 54.
138. П. Рыков, см. № 41.
139. П. Рыков. Отчет о раскопках в Н. Поволжье за 1934 г. (неопублик.).
140. Р. Рау, см. № 26, стр. 37.
141. J. Werner. Bogenfragmente aus Carnutum und von d. Unter. Wolga. ESA, Helsingfors, 1932 г., т. VII, стр. 33 и д.
142. П. Рыков, см. № 139.
143. П. Рыков, см. № 169, стр. 11—16.
144. И. В. Силицын. Сарматские курганные погребения в сев. районах Н. Поволжья (по раскопкам 1930 г.). Сборник Н.-В. краевого музея. Сар. 1932, стр. 56—75.
145. П. Рыков, см. № 55, стр. 11—12.
146. Salin. Die altgermanische Thierornamentik—Stockholm, 1904 г.
147. П. Рыков, см. № 59, стр. 27.
148. Ею же. Отчет о раскопках в Н.-В. крае за 1934 г. (неопубликов.).
149. Т. Минаева, см. № 133.
150. В. В. Гольмстен. К разработке приемов исследования веществ. памятников. „Сообщ. ГАИМК“, № 11—12, 1932, стр. 11.
151. Б. Б. Пиотровский. „Египетские предметы“ в Сев.-Кавказском крае“, „Сообщ. ГАИМК“, № 6, 1931, стр. 28—30.

152. Отчет Арх. комиссии, 1902, стр. 73—74.
153. Известия Археолог. комиссии, в. 49, стр. 134.
154. Отчет Археолог. комиссии, 1908, стр. 126.
155. А. М. Миллер. Сев.-Кавказская экспедиция, 1924—25 г. „Сообщ. ГАИМК“, 1926, ч. 1, стр. 85 и дальше.
156. Известия древн. писателей. Изд. В. Латышева, ч. 1, в. 1, стр. 130.
157. П. Рау. Курганы с кострищами и кострища в курганах Ниж. Поволжья. „Труды Секц. Археол. РАНИОН“, т. IV, стр. 431—436.
158. Т. М. Минаева. Погребение с сожжением близ г. Покровска. „Уч. Зап. Сар. гос. университета“, т. IV, в. III.
159. И. В. Синицин. Сарматские курганные погребения в сев. районах Н. Поволжья. „Сборн. Н.-В. краев. музея“, 1932, стр. 56—75.
160. Н. К. Арзютов. Отчет о раскопках в г. Аткарске в 1932 г. (Изв. Н.-В. Инст. Краев. т. VII, 1936.)
161. Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской обл. в период римского владычества на Сев. Кавк. Тр. XII арх. съезда, ч. 1.
162. А. Ю. Якубовский. Высказывания по вопросам истории феодализма. Пленум ГАИМК „Основные пробл. генез. и разв. феод. общ.“ 1934, стр. 325.
163. П. Рыков. Позднесарматское погребение в кургане близ с. Зивовьевки, Саратовск. губ., 1929.
164. Ю. Готье. Кто были обитатели В. Салтова? Изд. ГАИМК, т. V.
165. Г. И. Чучукало. Черепа из В.-Салтовского могильника, оттиски тр. Психоневр. института—матер. по антропологии Украины, 1926 г.
166. Е. А. Пчелина. Два погребения вгемени аляно-хазарской культуры из села Ляды. „Труды Секции Археолог“. РАНИОН, т. II—IV, стр. 408 и сл.
167. А. Кротков. Раскопки на Увеке 1913 г. „Тр. Сар. уч. арх. ком.“, 1915, вып. 32, стр. 111 и дальше.
168. Н. К. Арзютов. Памятники золотоордынской эпохи в Нижнем Поволжье по данным раскопок и разведок 1924 г. „Труды Сар. общ. ист. арх. этнограф.“
169. П. Рыков. Археологические разведки и раскопки в Н.-В. крае, произв. в 1928 г., „Известия Н.-В. Института краевед.“, 1929, стр. 22, т. III.
170. Ф. В. Баллод. Старый и Новый Сарай.
171. Его же. Приволжские помпей. ГИЗ, М.-Л., 1923.
172. А. Якубовский. Феодализм на Востоке.
173. Б. Зайковский. Городище Бельджамен. „Тр. Сар. уч. арх. ком.“, 1908, вып. 24, стр. 33—44.
174. А. А. Кротков. К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства. Изд. Об-ва обл. и изуч. Азербайджана. Баку, 1928 г., № 5.
175. С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочев. скотоводч. общ. „Оси проблемы генезиса и разв. феод. общества“. 1934, стр. 165.
176. Н. Н. Козьмин. К вопросу о монгольском феодализме. 1934, М.-Иркут.
177. А. Ю. Якубовский. Самарканд при Тимуре и тимуридах—1933.
178. Его же. Выступление на пленуме ГАИМК. „Оси. пробл. генезиса и разв. феод. общ.“, 1934, стр. 327.
179. Маркс и Энгельс. Соч., 1929, т. XXI, стр. 488.
180. К. Маркс. Капитал, т. I, 1932, стр. 45.
181. Б. А. Владимирцов. Общественный строй монголов—„Монгольский кочевой феодализм“, Л., 1934, стр. 85.
182. Рубрук. Путешествие в восточные страны, СПб, 1911.
183. А. А. Герпклитов. История Саратовского края. Сар., 1923.
184. С. Н. Быковский. Ленин и основные проблемы истории доклассового общества. „Труды института антропологии и этнографии Ак. Наук СССР“, М.-Л. 1935, стр. 62.
185. Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М., Л., 1934.
186. В. В. Гольмстен. О происхождении скорченности костяков в погребениях родового общества. „Проблемы истории доклассового общества“. Журн. ГАИМК № 5—6, М.-Л., 1935, стр. 37—42.

